

**Министерство науки и высшего образования
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы
(ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»)»**

А.Н. Арсланов

**Мировоззренческие взгляды религиозных
реформаторов ислама конца XIX нач. XX в.в.**

ХРЕСТОМАТИЯ

Уфа 2018

УДК
ББК

Хрестоматия подготовлена в рамках реализации Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама на период с 2017 по 2020 год, утвержденного Распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2016 г. № 2452-р.

Арсланов А.Н.

Мировоззренческие взгляды религиозных реформаторов ислама конца XIX нач. XX в.в.: хрестоматия. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2018. [текст] – 146 с.

Настоящая хрестоматия посвящена проблемам прошлого, но имеет немаловажное значение для современности. Ее актуальность обусловлена тем, что реформация и модернизация ислама в XIX и в начале XX века была выдающимся событием, положившим начало обновлению ислама, его роли в жизни мусульманских народов мира и оказавшим определенное влияние на духовную жизнь многих народов нашей планеты.

Джадидизм, возникший как просветительское движение на рубеже XIX–XX веков и исчезнувший в конце 1920-х гг. под ударами советской власти, до сих пор вызывает большой интерес. Этот всевозрастающий интерес объясняется тем, что идеи, провозглашенные, но не до конца претворенные в жизнь джадидами, имеют немаловажное значение для современности.

Хрестоматия рассчитана на широкую аудиторию читателей – это религиоведы, философы, историки, а также все интересующиеся философией, историей и идеологией ислама.

Рецензенты:

Н.С. Сытина, канд.пед.наук, профессор, зам. зав. кафедрой педагогики и психологии БГПУ им. М. Акмуллы;

В.С. Хазиев, д-р филос.наук, профессор, зав. кафедрой философии, социологии и политологии БГПУ им. М. Акмуллы.

© Издательство БГПУ им. М. Акмуллы, 2018

© Арсланов А.Н., 2018

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ДЖАДИДИЗМ – ПУТЬ РЕЛИГИОЗНО-ДУХОВНОГО ОБНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА	
Шигабутдин Марджани	8
Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи («ал-Хикма ал-Балига»)	
Мифтахетдин Акмулла	34
Дружба	
Когда в разлуке милая томится	
Абай (Ибрагим) Кунанбаев	36
Черное слово (слова назидания)	
Исмаил Гаспринский	49
Что делать?	
Зыяитдин Камалетдинов	51
Философия ислама	
Гаяз Исхаки	56
Вырождение двести лет спустя	
Мажит Гафури	63
Черноликие	
Габдулла Тукай	71
Шакирд, или одна встреча	
Картофель и просвещение	
Заки Валиди Тоган	74
Воспоминания	
Шайхзада Бабич	77
Аллегорические стихи	
ГЛАВА II. БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ЯДРА МУСУЛЬМАНСКИХ МОДЕРНИСТОВ	
Муса Джарулла Бигиев	81
История Корана	
Доказательства божественного милосердия	88
Ризаитдин Фахретдинов	130
Проблема божественного милосердия	
Использованная литература	143

ВВЕДЕНИЕ

Конец XIX – начало XX веков – удивительное время в истории российских мусульман. Это время, когда развернулось общественно-политическое и интеллектуальное движение, которое получило название джадидизм, т.е. новых взглядов на образование, отхода от традиционной культуры и приобщения к европейским ценностям.

Джадидизм, начиная с конца XIX века стал формироваться как прогрессивное движение, ставившее перед собой великую цель, – вывести народ из экономической, социальной и культурной отсталости, реформировать социальные устои общества. Истинные джадиды не были сторонниками только религиозных реформ и обновлений. Они были нацелены на модернизацию мусульманского общества в целом.

И с этого момента, преимущественно среди поволжских и крымских татар, башкир и других народов можно говорить о наличии в исламе двух основных тенденций – традиционной (кадимисты) и реформаторской (джадиды). Разница между ними заключалась в том, что традиционалисты были приверженцами слепого следования авторитетам средневековья и поддержания устаревших уже традиций, тогда как реформаторы-модернисты призывали воспринимать постулаты веры вдумчиво и интерпретировать их в соответствии с требованиями времени, менталитета народа и актуальности ситуации.

Реформация ислама освободила те потенции развития, которые заложены в Коране, дала мощный толчок социальному, экономическому и культурному прогрессу мусульманских народов.

В том виде, в котором ислам существовал в последние столетия, он стал тормозом развития общества, науки, культуры. Поэтому необходимы были преобразования внутри ислама: «Никакая реформа в мусульманских странах не может быть осуществлена, пока религиозные лидеры не

попытаются реформировать свой собственный ум, пока не поймут пользы науки и культуры» – писал Джамаль ад-Дин аль-Афгани¹.

Энтузиастами поиска путей к прогрессу, страстно желавшими перемен в отечестве, были джадиды. Слово это арабское и значит: «новый, новейший» и как присуще арабскому языку, от корня исходит философская цепочка слов: джадд – быть великим, значительным, джавадд – широкая дорога, путь, адждад – дед, бабушка, предок, джидд – усердие, старание и джаддун – величие, счастье, удача.

Исследователь джадидизма Доминик Франц из Германии обратил внимание на то, что сами джадиды себя так не называли. О себе они говорили как о модернистах, прогрессистах, просветителях, реформаторах.

Идеологами джадидизма были просветители Шигабутдин Марджани, Исмаил Гаспринский, Муса Бигиев, Ризаитдин Фахретдинов, Мифтахетдин Акмула и т.д. Наступающий XX век требовал от джадидов литературы, которая могла бы правдиво отразить подлинную жизнь народа, его заботы, тревоги и чаяния, которая могла бы разбудить народ. Джадиды создали именно такую литературу, близкую народу как по языку, так и по содержанию.

Хотелось бы пояснить позицию автора в вопросе реформирования понимания ислама и таким образом объяснить – почему именно произведения этих просветителей составили содержание первой главы хрестоматии.

Просветители-реформаторы действовали путем воспитания и просвещения, пытаясь показать всем верующим преимущества современной цивилизации. Ислам – религия, более всего открытая для науки, ведь именно для этого Аллах и наградил человека разумом и способностью творить.

¹ Мухаммад ибн Сафдар известен как Джамаль ад-Дин аль-Афгани (1839-1897) – мусульманский реформатор. Приобрёл известность призывами к реформе ислама и пробуждению мусульманского мира. Выступал с идеями социального равенства и справедливости, основанными на морально-этическом учении ислама.

Именно с этой позиции, как своего рода умственно-культурное движение и состоит наше понимание джадидизма, мы рассматриваем просветителей XIX начала XX веков как распространителей европейской культуры среди мусульманских народов (что абсолютно не противоречит основному посланию Корана – получению любых знаний), а также мы считаем, что джадидизм имея социальную направленность касался всех слоев общества и способствовал пробуждению общественного сознания гражданского общества.

В стенах новометодных медресе, организованных просветителями – джадидами, воспитывалась плеяда талантливых молодых людей – поэтов, писателей, драматургов и журналистов – ставших гордостью тюркских народов Российской империи. В годы советской власти кого-то из них возвели на пьедестал, кого-то подвергли остракизму, кто-то и вовсе исчез из народной памяти. Вне зависимости от этого, в творчестве большинства тюркских литераторов этого периода присутствуют коранические и исламские мотивы, а по-другому быть просто не могло, ведь ислам в то время был неотъемлемой частью самосознания и культуры мусульманских народов Российской империи.

Вторую главу мы решили посвятить непосредственно богословско-философскому наследию исламских реформаторов М. Бигиева и Р. Фахретдинова.

Вся жизнь М. Бигиева, его знания и опыт были целиком отданы борьбе с мертвой безжизненной псевдорелигиозностью, парализовавшей все сферы жизни мусульманского общества. Поистине он не жалел сил в деле возрождения ислама, предпринимая самые разнообразные теоретические и практические меры. Статья о всеохватности милосердия Аллаха, которая входит в содержание второй главы хрестоматии – это качественно новый скачок в рационализации представлений о Боге и его отношениях с отдельно взятым человеком и человечеством в целом.

В работах самого Р. Фахретдинова мы не найдем идей джадидизма как таковых. Но будучи редактором журнала «Шуро» он не только печатал, но и был инициатором опубликования там довольно скандальных статей М. Бигиева, поскольку считал, что в журнале должны быть представлены различные мнения, как М. Бигиева, так и его противников. С этой точки зрения он джадид. В джадидизме важен именно плюрализм. Признание того, что различные точки зрения имеют право на существование, это и есть джадидизм.

Представленные в хрестоматии статьи этих двух великих просветителей положили начало разрушению противоречащего духу ислама ложного учения о богоизбранности по этноконфессиональному признаку и превосходстве мусульман над другими народами, подвергнув коренной переоценке смысл таких понятий, как «ислам», «мусульманин», «верующий».

Джадидизм, делает человека современным, передовым, но в то же время позволяют опираться на исламскую нравственность.

Сегодня в условиях возрождения традиций ислама, мусульманское общество повернулось лицом к духовным и религиозным ценностям. В этой связи большой интерес представляет понятие «евроислам», являющееся синонимом «неоджадидизма». Ведь именно джадидизм в среде мусульман на рубеже XIX– XX веков стал своеобразной формой становления новых мировоззренческих установок и поведенческих стереотипов в условиях формирующегося индустриально ориентированного общества. Поэтому обращение к джадидизму как историческому опыту, использование современностью богатой традиции этого движения имеет большое значение на сегодняшний день.²

² Басыров, А.Х. Религиозная мораль средневековья и принципы гуманизма в джадидизме. // Вестник Башкирского университета. – № 8. – С. 372-376.

ГЛАВА I. ДЖАДИДИЗМ – ПУТЬ РЕЛИГИОЗНО–ДУХОВНОГО ОБНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА

Шигабутдин Марджани (1818 – 1889) – татарский богослов, шейх суфийского братства Накшбанди, философ, историк, просветитель. Родился в д. Ябынчи нынешнего Атнинского района Татарстана. Образование получил в медресе д. Ташкичу Казанского уезда, Бухаре, Самарканде.

В 1867 году Духовное собрание мусульман Поволжья и Приуралья назначило Марджани на должность ахунда и мухтасиба Казани, что явилось несомненным признанием его деятельности со стороны руководства мусульман. С официальными светскими властями у Марджани также устанавливаются позитивные контакты. Он выполняет отдельные поручения казанской губернской власти: следит за изданием текста Корана в казанской типографии, организует сбор денег для кавказских народов, пострадавших от землетрясения, составляет отчеты о рождении, бракосочетании, смерти мусульман для государственных учреждений, участвует в судебных заседаниях при произнесении клятв мусульманами. Со временем имя Марджани становится известным далеко за пределами Казани: в 1870 году выходит в свет его книга «Назратуль-хакк», с новыми для своего времени и среды религиозно-реформаторскими идеями, принесшая автору широкую известность не только на родине, но и на всём мусульманском Востоке.

Просветительские идеи Марджани охватывают самые различные стороны обновления общественной жизни татарского народа, включая в себя мысли о необходимости получения татарским населением светского образования, усвоения прогрессивного наследия прошлого (античной, арабской мысли) и настоящего (русской и западноевропейской культур). Ученого заботили и вопросы воспитания национального самосознания татарского народа, беспокоили его благосостояние, социально-экономическое и политическое положение. Считая просвещение самым мощным орудием прогресса, ученый пытался выволить свой народ из «спячки». Ученый стремился ответить на многие вопросы, которые поднимало развивающееся по буржуазному пути татарское общество: «обновить веру», поднять социально-политический и культурный уровень татарского народа, приобщить его к современной цивилизации. Религиозные взгляды Марджани проявляются в критике вопросов каляма (направление в исламской теологии). Необходимы были реформа медресе, преобразование преподавания. Марджани – предвестник джадидского движения в России, и именно он заложил его основы – реформу преподавания в медресе, усвоение татарским народом передовых достижений мировой культуры и науки. Марджани написал более 30 произведений, большая часть которых была издана в основном на арабском языке. Не все произведения, написанные ученым, еще обнаружены. Идеино-философские взгляды Марджани, его деятельность в качестве педагога, религиозного деятеля, историка,

просветителя, философа останутся заметным явлением в отечественной истории.

Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи («ал-Хикма ал-Балига»)

[Вступление]

Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного.

Вся хвала Аллаху, Начинаящему, Возвращающему, Ведающему неведомое и Обладателю могущества! Нет божества, кроме Него, Господа славного трона. Мы благодарны Ему за то, что Он вывел нас к здоровой речи и направил нас на досточтимый (*хамид*) путь. Да будет благословение и мир Его Посланнику, доблестному, обладателю истинной религии, высшего закона и правильных повелений, заступнику и посреднику (как было обещано ему), восседающему на возвышенном месте (в раю), и над его семейством и сподвижниками, яростными [для врагов] и милостивыми [к своим], преклоняющимися, падающими ниц перед Господом!

И далее, говорит раб, который нуждается в своем Господе (преславен Он!), обогатившем его Своей милостью, помимо всего прочего, Харун ибн Баха' ад-дин ал-Марджани Шихаб ад-дин: «Поистине, с помощью Аллаха, я вышел на ясный путь, благодаря тому, что я получил мудрость и знание религии. [И это в такое время], когда эти крепости знания опустошенные на своих тронах. Спинной мозг благочестия погребен в могиле. Травы правильного пути засохшие. Ветви разума мелкие. Нивы славы заброшены. Но мертвая земля принадлежит тому, кто оживит ее. Поистине «Насафитский символ верь» («*ал-'Акаид ан-насафиййа*»), по причине его правильности в постулатах (*усул*) прямого ханафитского шариата, являющегося мазхабом наших предшественников, ханафитских имамов, следуя которым, мы будем победителями, и, противореча которым, мы будем разгромлены, является книгой высокой ценности и непререкаемого повеления, водой которой утоляется жажда, и лекарством, которым исцеляется больной. Однако продолжается упорство глупцов, пагубные новшества (*бида'*), злоупотребления людей страсти и недозволенных

нововведений (*ахл ал-ахва' ва-т-табадду'*), их игра посредством искажения словесного строя от первоначального смысла, угрозы разрушения главных принципов и перехода к новоизмышленным (*мухдаса*). Как же мерзко то, что они сделали! Были поражены его [кредо ханафитов] блеск и вода, и потревожены его красота форм и изящество, и помутились его чистые водопои, и остались беспризорными его прекрасные источники. Если бы не освободились леса от львов, то не чувствовалось бы в них тяжелого дыхания лисиц. И если бы не ушел из темных чащ страж, то не был бы виден там пугливый верблюд и слышен волчий вой. Наш век нарушил то, что было верным в предыдущие века, да спасет Аллах наш век от его людей! Ведь стали в нем усердствующие неполноценными, а невежды победителями, так что никто не оспаривает их идеи. Их «умозрительное» заключение не исходит от верования (*и'тикад*) их «лидера» в познании, который прочитал философские труды, их «выдающегося» в мудрости, который разъяснил (*тарджама*) речь той группы. Если он вытянет шею с усердием для сложения книги из истины, то он воспрепятствует этому, а если же из лжи, то он соберет ее. Таков примерный образец их метода и наиболее благородный из них в действительности. Если же присоединяется к этому первенство по времени, то он непорочен и чист от ошибок. А надежда позднего по времени без достижения того утеряна. Кто же не согласен с ним, тот – неверный (*кафир*) или ненавистный еретик (*мубтади'*), а его слова – неверие (*куфр*) или отвергаемое нововведение (*бид'а*). Однако подтвердилось высказывание и слова, вызывающие изумление: «Не из-за старости предпочитают утверждающего и не из-за молодости обижают того, кто прав». Кто же взошел на вершины высоких достоинств, тот презирал того, кто укрылся у их подножий. А кто укрепил умозрение, тому подчинились науки, все до единой. Вот, поэтому я приподнял штанину усердия и ударил подолом решительности, подражая словам сказавшего [Абу-л-'Ала' ал-Ма'арри]:

*Поистине даже если я буду жить перед самым концом света,
То обязательно приведу то, что не смогли предшественники.*

Таким образом, с помощью Аллаха, я начал толкование [ханафитского кредо], черпая из Его милости, ведь Он – Абсолют, Щедрый, Обязавший Себя спасти нас в Своих словах. Мне нельзя говорить об Аллахе ничто иное, кроме истины. И вот, хвала Аллаху, объединило мое толкование в себе руководство к желаемым целям и определение расхождений большой группы мазхабов. Оно содержит исправления и пояснения, подобно которым не было в книгах ранних авторов, и детальные исследования, подобно которым не было в книгах поздних авторов. Наконец-то поднялась заря на горизонте правды и призвал призывающий к истине: «Спешите к спасению!». Засияла истина вслед за устанавливающим истину, от которой исходит успех, и исчез паралич в его мозгу, и вот ложь уходит и рассеивается ветрами. Таким образом, было бы правильным для меня процитировать по этому поводу речь Говорящего (*ал-Калим*) и то, что имеется в моем распоряжении, произнеся слова ас-Сулайки ибн ас-Сулаки:

Жизнью клянусь, я в полную силу усердствовал.

Если бы я только не был обманут.

Мне лгали слепцы о тайне мудрости.

Или о свете сути, и обманщик тот был самый лживый.

Поэтому назвал я это толкование следующим названием: «ал-Хикма ал-балига ал-джаниййа фи шарх ал-акаид ал-ханафиййа» («Зрелая мудрость в толковании ханафитской доктрины вероучения»). Аллах говорит истину и ведет по верному пути. На Него я положился, и Его достаточно мне, ведь Он – прекрасный Доверенный!

[Введение]

Знай, что сподвижники Пророка, их последователи и те, которые последовали за ними из факихов уммы и праведных предшественников (да будет доволен ими Аллах Всевышний!), были тверды в истинных вероубеждениях, унаследованных ими от Пророка, и были стойки на правильном пути, полученном из Ниспослания.

Потом, когда произошла смута и появились недозволенные нововведения (*бид'а*), появилась опасность потери истины и гибели уммы. Поэтому они [ученые мужи] принялись записывать [вероубеждения предшественников] и детально изучать религиозные предписания (*ахкам ад-дин*). Поскольку целью написания ими книг о вероубеждениях (*ал-'акаид*) было спасение их от всякого рода недозволенных нововведений (*бид'а*) и искажения новаторов (*мубтади'а*), они упомянули в своих книгах то, что является основоположениями веры (*усул ад-дин*), согласно тому, что они обнаружили в Книге Аллаха и сунне (традиции) Его Посланника из утверждений об атрибутах Всевышнего (Преславлен Он!) и их разъяснения. Так появилась тема этой науки, в соответствии со взглядом знатоков интеллигентного (*ма'кул*): самость (*зат*) и высшие атрибуты (*сифат*) Аллаха Всевышнего. Хотя они боялись свободно говорить на подобные темы, что само по себе являлось хорошим обычаем и похвальным этикетом, и оставили эту тему позади себя, написал автор [Абу Хафс ан-Насафи] (да смилостивится над ним Аллах!) свою книгу [«ал-'Акида ан-насафиййа» или «ал-'Акаид ан-насафиййа»], опираясь на их традиции, и распространил ее, открыто заявив, что в ней содержатся их [ученых мужей предшественников] речи, а не измышления (*мухдасат*) людей, умы которых извратились, призывая к соблюдению того, что содержится в ней, и, удерживая от того, что отвергается в ней.

[Начало толкования] [Глава первая. Суть вещей и пути их познания]

Он [автор] сказал, приглашая к следованию [по верному пути] и отстраняясь от недозволенного нововведения (*ибтида'*):

«Сказали люди истины (*ахл ал-хакк*)», т.е. которые придерживаются того, что утверждено в религии Аллахом, и они следуют этому и его установленной основе, которую не позволено отрицать, исходящую из утвержденных источников, достоверных вероубеждений и правдивых изречений, и которая имеет с правдивостью (истинностью) общий источник,

[с той лишь разницей, что] соответствие [этой основе] рассматривается с точки зрения рассказчика о ней, а относительно правдивости – с точки зрения рассказанного. Поэтому смысл истинности (*хакикиййа*) какой-либо вещи есть такое ее пребывание, которое соответствует реальности, а смысл ее правдивости есть соответствие ей [правдивости]. Они – те, состояние которых известно его слова: «те, состояние которых известно...» – разъяснение о людях истины с точки зрения присущих им особенностей: устойчивости истинного воззрения, унаследованного со стороны миссии, и твердости на верном пути, полученном из Книги и сунны; воздержания от развязывания языка о том, что не говорится в шариате, с неотступным соблюдением границ осмысливания (указания); уклонения от убавления и добавления к тому, о чем было указано ранее в его словах: «они были тверды в истинных воззрениях...». [Данное пояснение] от него [Марджани], (да спасет его Аллах Всевышний!), те, речь которых была услышана, и те, о которых рассказал Пророк (да благословит Аллах его и приветствует!), когда он был спрошен о спасенной группе (*ал-фирка ан-наджийа*), следующее: «Это – та группа, которая придерживается того, чего придерживался я и мои сподвижники». Он [Пророк] сделал ее сутью того, чего придерживался он и его сподвижники для усиления ее восхваления и разъяснения преимущества следования ей. От него, да спасет его Аллах Всевышний. Передали этот хадис Ахмад, авторы четырех сборников хадисов (*асхаб ас-сунан ал-арба'а*), ал-Хаким и Ибн Хиббан [Передается] от 'Абдаллаха ибн 'Умара, [что] он сказал: «Сказал Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует): «Поистине, случится с моей уммой (общиной) то же самое, что случилось с сынами Исраила (т.е. Йа'куба/Иакова) [евреями] похожим образом. Был среди них тот, кто совершал открыто блуд со своей матерью. И в моей умме будет тот, кто совершит такое. Поистине, сыны Исраила разделились на 72 общины, и разделится моя умма на 73 общины. Все они – в огне, кроме одной общины». Они спросили: «Кто они?». Он ответил: «Это – те, которые

придерживаются того, чего придерживаюсь я и мои сподвижники». Передал его [т.е. хадис] ат-Тирмизи, [взято] из книги «Мишкат».

Сказал ат-Тирмизи (да смилостивится над ним Аллах!), что это – хороший и достоверный хадис (*хасан сахих*). Таким образом, они были названы: ахл ас-сунна ва-л-джама'а (люди сунны и согласия общины или сунниты). Также было передано от него: «72 группы – в огне [ада], и одна – в раю, которая является общиной (*джама'а*)». Передал это Ахмад и Абу Давуд (да смилостивится над ними Аллах!). Также о них говорится в словах Всевышнего: «Из тех, кого Мы сотворили, есть народ, который ведет истиной и ею творит справедливость» (7: 181) и в словах Пророка (мир ему!): «Будет группа из моей уммы побеждающая истиной, пока не придет к ним повеление Аллаха [Судный день], и они – победители». Привели его [этот хадис] два Шейха [ал-Бухари и Муслим] от Мугиры ибн Шу'бы. Также сообщается в предании от 'Умара: «Будет группа из моей уммы побеждающая истиной, пока не настанет час [Судного дня]». Привел его ал-Хаким (да смилостивится над ним Аллах!). И сказал он [Пророк] (мир ему!): «Будет группа из моей уммы предводительствующей по повелению Аллаха, и не повредят ей те, которые будут против нее». Привел его Ибн 'Асакир.

Сказал имам Фахр ал-Ислам [ал-Баздави] (да смилостивится над ним Аллах!): «Принцип науки единобожия и атрибутов есть следование Книге и сунне, отстранение страстей и недозволенных нововведений (*бид'а*), неотступное следование пути сунны и согласия общины, которому следовали сподвижники Пророка и их последователи, по которому шли праведники, и который указали нам наши шейхи (*машайих*) и по которому шли наши предшественники (*салаф*), т.е. Абу Ханифа, Абу Йусуф и Мухаммад [аш-Шайбани] или все сторонники (*асхаб*) нашего [ханафитского] мазхаба (да смилостивится над ними Аллах!)». Извлеку из этого, что стержень спасения и источник успеха после смерти – содействие шариату и поддержка этого пути. Поистине, люди истины (*ахл ал-хакк*), ахл ас-сунна ва-л-джама'а и спасенная группа – это сподвижники, их

последователи и те, которые благочестиво последовали за ними, а они – суть ханафиты и те, кто согласен с ними. Ведь они, неотступно идущие их путем, и тверды в нем. Поистине, небесный закон (*аш-шар'*) – самый великий из источников, за которые твердо и крепко держатся в плане основ религии и ее второстепенных отраслей. Он [закон] самостоятелен и не нуждается в других. В нем содержится вся достаточность и полнота руководства ведения по правильному пути, как сказал Всевышний (Преславлен Он!): «Поистине, путь Аллаха есть настоящий путь!» (2:120). Сказал Всевышний: «Разве не довольно им [того], что Мы ниспослали тебе Писание, которое читается им; поистине, в этом милость и напоминание для народа, который верует!» (29:51). И сказал Он (да превознесется Его воспоминание!): «Следуйте за тем, что ниспослано вам от вашего Господа, и не следуйте вместо него за покровителями» (7:3). Кто же думает, что его достоверность основывается на существовании Законодателя, Его знание и мощь, отбрасывает [слово] «как» (*кайфа*). Ведь взгляд на положение и состояние Пророка, его отношения, исследование его состояний в движении и в спокойствии, которые содержатся в Коране, в книгах хадисов и сообщений (*ал-асар*), обязывает в необходимости знания о правдивости того, что он говорит, делает и сообщает об Аллахе Всевышнем. Поэтому Коран был и является вечным чудом вплоть до Судного дня и окончания этой основы, согласно тому, на что указывают слова Всевышнего: «Ведь Мы ниспослали напоминание, и ведь Мы его охраняем» (15:9) и слова Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!): «Поистине, один конец этого Корана в руке Аллаха, а другой в ваших руках. Держитесь же за него, и вы не заблудитесь и не погибнете никогда». Передал его ат-Табарани. Его прекрасные качества и славный нрав являются причиной знания о правдивости для того, кто был внимательным и осмотрительным. А знание о ней [истине] есть причина знания о его миссии посланничества. Это имеет большое значение у нас в противоречии обычному, чем оно через удивительные действия, подобно превращению посоха в змею и т.п. Ведь прежде всего приходит на ум рассматривающего поспешно то, что

находится в компетенции его обладателя, потому что он имеет о том больше знания, и это до того, как ответит этому здравый взгляд. От него (да спасет его Аллах!). Разве не так, если ты познаешь фикх и медицину, то ты можешь просветиться подобно факихам и врачам, как Абу Ханифа и Джалинус (Гален), получив знание через истину, **а не через слепое следование авторитету**, т.е. через исследование их положений и испытание их действий. Это будет более ясным доказательством и более сильным доводом, так что не останется у тебя никакого сомнения. Разве не так, если ты изучишь книги Ибн Сины (да смилостивится над ним Аллах!) и охватишь их своим знанием, то ты получишь достоверное знание о том, что он есть мудрец, а его слова есть мудрость, с условием, что ты сам из мудрых людей. От него (да спасет его Аллах!), в противоположность превращению посоха [в змею] или [черной] руки в белую, исцелению слепого, оживлению мертвых, раскалыванию луны и приветствию камня, ведь эти действия и явления при их освобождении от многочисленных, окружающих их сопутствующих обстоятельств (*ал-караин*) не являются достоверными для тебя, потому что они могут быть обманом и шарлатанством или [происходить] от особенности и положения небесного свода, или действием джинна или ангела, показанным не иначе как именно для него, или началом какого-то обычая, или приведенным не ради цели, пребывая относительно ее в уверенности, а допуская вероятность [ее недостоверности], которая умаляет значение категоричности (*ал-кат'иййа*). Пример этому подобен примеру того, кто утверждает, что он знает Коран наизусть, и приводит в доказательство своего утверждения то, что он читает его с начала до конца, не заглядывая в рукописный экземпляр Корана, или же превращение камня в человека и наоборот. О если бы я знал, чему твое сердце верит сильнее и успокаивается больше из этих двух утверждений? Конечно же, разум (*'акл*) не противостоит преданию (*накл*) в том, что касается вещей умопостигаемых, и всецело охватывает постижение (*идрак*) и его объекты в его положениях, так как он является одним из доводов Аллаха Всевышнего для рабов божьих. Они [*'акл* и *накл*] не противоречат и не противостоят друг другу. Однако

воображение (*вахм*) иногда не соответствует ему [преданию или разуму] в его источнике. Ложь же бывает похожей на истину в ее источниках и нуждается в более сильном разоблачении, очищении мысли, детальном изучении умозрительного заключения, избегании от осязаемых пороков и враждебных наущений. Он [разум] не принимается в расчет в религиозных делах, пока он не привлечет себе на помощь прекрасный закон (*шари'а*), и не опираются на него, пока не найдет его правильным божественное положение. Отсюда ты видишь, что тот, кто углубился в деле предания или в совершенстве овладел взором разума (*назар ал-'акл*) и глубоко погрузился [в эти знания], победил истиной и получил успех согласием. Поистине, наши предшественники и ученые шариата единодушно не одобряли калам. «Они назвали эту совокупность знаний наукой калам (догматическим богословием), потому что она содержит обсуждение нововведений (*бида'*), что является чистым пустословием, не относящимся к деянию и воззрению, или же, потому что причина ее разработки и углубления в нее кроется в их споре об утверждении «внутренней» речи (калам нафси). Умножилось число последователей шейха Абу-л-Хасана ал-Аш'ари, и последовали по его стопам его ученики, подобные Ибн Муджахиду и другим; а от них перенял знания кади Абу Бакр ал-Бакиллани, который занял центральное место среди них и написал [книгу] «ал-Мукаддимат ал-'аклиййа» («Умозрительные (рациональные) вступления»), на которые опирались доказательства и умозрительные заключения. Это наподобие утверждению о единичной субстанции (*джавхар фард*) и пустоты (*хала'*), что акциденция (*ал-'арад*) не исполняется акциденцией, и что она не длится в течение двух периодов времени. Наподобие этого то, на чем основываются их доказательства. Он привел эти правила в соответствие с догматами веры в [плане] обязательности уверования в них для того, чтобы те доказательства опирались на них». [Из книги] «Мукаддима» («Введение»), [вступления к книге] под названием «ал-Ибар» («Назидательные примеры») великого ученого Вали ад-дина Абу Бак-ра 'Абд ар-Рахмана ибн Мухаммада ибн Хасана ал-Магриби ат-Туниси ал-Малики ал-Кади (маликитского судьи), известного под именем Ибн

Халдуна (да смиляется над ним Аллах!) и недолгоблвали до крайности и порицали тех, кто занимался этим. Так было из-за того, что они не были связаны с шариатом и путем предшественников, и не могли хорошо разобраться с разумом, очистить мысли и детально изучить умозрительное заключение. Наоборот, они полностью опирались на мнение, догадки и предположение. Они разработали его [калам], опираясь на натуру/природу (*таби'а*), потакая вожделению (*ташаххи*) и просто считая это благом (*истихсан*). Поэтому и сказал имам Абу Ханифа (да будет доволен им Аллах!): «Да погубит Аллах 'Амра ибн 'Убайда за то, что он открыл врата калама». Также сказал Абу Йусуф (да смиляется над ним Аллах!): «Знание о каламе – невежество, а невежество о каламе – знание». И сказал Малик (да смиляется над ним Аллах!): «Остерегайтесь предосудительных новшеств в религии (*бида'*)!» Спросили его: «Что такое предосудительные новшества?», и он ответил: «Люди калама (*мутакаллимы*), которые рассуждают об именах и атрибутах Аллаха Всевышнего, Его речи, знании, мощи, и не умалчивают о том, о чем умалчивали сподвижники Пророка и их последователи».

Сказал аш-Шафи'и (да смиляется над ним Аллах!): «Я предпочитаю встретить Аллаха Всевышнего, совершив любой грех, кроме ширка (многобожия), чем встретить Его, сделав что-либо, связанное с каламом».

Сказал Ахмад ибн Ханбал (да смиляется над ним Аллах!): «Не преуспеет [на том свете] обладатель (*сахиб*) калама никогда. Почти каждый из них содержит в своем сердце недостаток». Также сказал Шамс ал-Аимма ал-Халвани (да смиляется над ним Аллах!): «Не рекомендуется молиться в общественной молитве с имамом, который занимается каламом (*мутакаллимом*)». Даже они [ученые мужи] сказали: «Если бы он завещал ученым своей страны, то исключил бы он людей калама». И клянусь, что если бы ты проверил какое-либо искусство (ремесло), то найдешь его полноценной наукой относительно его цели и значения. Дело же с каламом обстоит иначе. Ведь он является напрасным ответвлением науки, которое не приводит к результату и не приносит пользу занимающемуся им. Это занятие или искусство словопрений, придуманное

му'тазилитами после того, как они просмотрели книги философов, которые были переведены и растолкованы в эпоху халифа ал-Ма'-муна, сделали его отдельной отраслью наук и смешали его методы с методами философов. А от них [му'тазилитов] унаследовали калам аш'ариты, которые шли по их стопам. Они называли его этим названием, либо потому что он являлся искусством спора и дискуссии о новшествах в религии после того, как они предположили, что проблемы его свободны от шариата, и не являлся искусством, относящимся к деянию и вероубеждению; либо потому что они подражали философам, которые называли одну из отраслей своего знания логикой (*мантик*); или из-за того, что наиболее явная проблема (тема), которую они обсуждали и из-за которой они дрались, была [проблема] речи [Бога] (*ал-калам*). Так называли этот вид знания. Потом они приступили к изучению сущности дел (*хакаик ал-умур*), пустились рассуждать о них еще до того, как сумели понять их и изучить их суть, и ввели новшества в религию, которые не были связаны с ней. Таким образом, они увлеклись этим и нарушили воззрения истины. Клянусь Аллахом, их сфера деятельности связана только с отрицанием истины и очевидного, и с оспариванием необходимого и довода. Пусть же пропадет их знание! Пусть же погибнет их философия! Что же касается науки о единобожии (*тавхид*) и атрибутах (*сифат*), которая есть основа обязательных дел (*ваджибат*) и фундамент законных дел (*маишу'ат*), и которая отмечена величайшим знанием и наукой о принципах религии (*усул ад-дин*) и вероубеждений (*ал-'акаид*), то она есть то, что принесено божественным откровением, о ней говорили Книга и сунна, она ищет начало и главную часть дела, основание постановлений шариата и сферы его. Тот, кто лишен этой науки, является более заблудшим, чем скот. И без нее не обходятся книги о премудростях (*асфар ал-хикам*), даже если они были написаны величайшими мудрецами. Итак, разъяснилось порицаемое и похвальное, и отличилось избегаемое от искомого»...

Затем мутакаллимы из числа поздних аш'аритов, когда они сказали о множественности и неоднородности атрибутов, и их добавлении к самости, были вынуждены утверждать их возможность (*имкан*), из чего необходимо вытекало

их сотворение (возникновение). Поэтому они попытались это скрыть от глаз толпы, прибегнув к помощи философов. Они взяли у них второй смысл и объявили, что именно он имелся в виду у ранних шейхов [ученых мужей] и означал сотворение/возникновение (*ал-худус*), которое является из необходимых вещей религии. О если бы я знал, какое откровение (*вахй*) было по этому поводу, какой консенсус (*иджма'*) был принят здесь и какая необходимость (*дарура*) вынуждала к этому? Таким образом, даже если они (*аш'ариты*) и убежали от невозможного, оно неизбежно настигло их, и они оказались в гибели.

Все же было доказательство (*бурхан*) о его утвержденности (*субут*) также, хотя оно и не имело связи с религией ни со стороны утверждения, ни со стороны отрицания. «Абу Джа'-фар ат-Тахави (да смилуется над ним Аллах!) – из тех, степень и высокое положение которого в отношении знания об утверждениях предшественников (*салаф*) уммы в общем и знания об утверждениях последователей Абу Ханифы в особенности, невозможно скрыть». (Из [сочинения] «Табсират ал-адилла»).

«Абу Джа'фар ат-Тахави (да смилуется над ним Аллах!), являясь величайшим последователем ханафитского мазхаба, написал книгу, которую он назвал: «'Акидат Аби Ханифа рахимахуллах» («Кредо Абу Ханифы (да смилуется над ним Аллах!)»). Это кредо является символом веры ахл ас-сунна ва-л-джама'а (суннитов). В нем нет ничего такого, что относится к нему и было сказано о нем. Его последователи больше осведомлены о его положении и утверждениях, чем другие. Поэтому предпочтительней обращаться к тому, что они передали от него, чем к тому, что передают от него другие». (Из [книги] «Джами' ал-усул фи ахадис ар-расул» величайшего ученого имама Абу Са'адата ибн ал-Асира (да смилуется над ним Аллах!)).

Поэтому нет в книгах ни одного из них утверждения (*исбат*) возникновения мира в этом общепринятом смысле и вымышленном утверждении (*кавл*), ни в кредо имама Абу Джа'фара ат-Тахави, которое является стержнем ханафитских воззрений, ни в словах Абу-л-Мансура ал-Матуриди (да

смиляется над ними Аллах!) и тех, кто из их уровня. Этого даже нет ни в [сочинении] «Табсират ал-адилла», ни в [книге] «ал-Бидайа», ни в [сочинении] «ат-Тамхид», ни в [трактате] «ал-Фикх ал-акбар», приписываемом имаму Абу Ханифе (да смиляется над ним Аллах!), ни в других книгах, кроме как в сочинениях тех, кто повиновался аш'аритам, из нововведений поздних [ученых] из числа тех, с которыми не считаются и на книги которых не опираются. От него (да спасет его Аллаха!) ...

Поистине, мазхаб имама Абу Ханифы (да смиляется над ним Аллах!), его великих учеников и большой группы почтенных последователей стоит на том, о чем заявил имам Абу Джа'фар ат-Таха-ви (да смиляется над ним Аллах!) и другие в сфере воззрений, что есть описание Аллаха (далек Он от всякого несовершенства!) и Его название всем, что пришло [в Коране и сунне]; вера в то, что это – истина в смысле, который подразумевался; возвращение знания о том, что не ясно, к Сведущему о нем без всякого истолковывания мнениями и отрицания атрибутов (*та'тил*) страстями (*ал-ахва'*); возвышенность [Аллаха] от всего, что не сообщается в небесном законе и не упоминается откровением. Это не доказывает вечность ислама, кроме как со стороны покорности (*ат-таслим*) и внутреннего подчинения (*ал-истислам*). Они (ханафиты) избегают того, в чем погрязли аш'ариты из-за разделения атрибутов на атрибуты самости (*аз-зат*) и атрибуты действий (*ал-аф'ал*); классифицирования речи на (*ан-нафси*) и выговоренную (*ал-лафзи*); и в умалчивании (*ас-сукут*) от называния термином созидания тех атрибутов. Поистине атрибуты наличествуют благодаря самости Всевышнего, и они находят достаточным свои слова о том, что Аллах (далек Он от всякого несовершенства!) со всеми Своими именами есть один (*ва-хид*) и со всеми Своими именами есть вечный (*кадим*), и что Он есть гласящий (*мутакаллим*). От него (да спасет его Аллах!)...

«Не возлагается на раба божьего» и не предписывается ему, чтобы было обязательным для него, так что если бы он сделал, то был бы награжден, а если бы не сделал, то был бы наказан.

«То, что невозможно для него» или не в его силах и могуществе, и даже то, что стесняет его и затруднено для него. Поистине, Он возлагает на него возможное, то, что ему посильно и легко, без крайнего усилия и энергии, согласно словам Всевышнего: «Не возлагает Аллах на душу ничего, кроме возможного для нее» (2:286) и «И не устроил для вас в религии никакой тяготы» (22:78).

Знай, что то, что не в силах сделать раб божий, имеет три ступени: что невозможно в его самости, как соединение двух противоположностей (*ан-накидан*) и творение необходимо-сущего из того, с чем не связано его могущество в принципе; и что возможно в нем самом, однако с этим не связано возникшее могущество (*ал-кудра ал-хадиса*) в принципе (прямо), как творение тела, или в обычном деле (*'ада*), как несение горы или вознесение на небо; и истекание чего от раба божьего возможно, но стало невозможным из-за опережения слова [божьего], проистечения предопределения (*ал-када'*) и судьбы (*ал-кадар*), так что связаны знание Его (далек Он от всякого несовершенства!), воля и предопределение Его в противоположно этому. Никто не противоречит допустимости (*джаваз*) этого разумом и наличием (*вуку'*) этого небесным законом, также как все согласны с тем, что первое не допускается и не наличествует (не происходит). В действительности разногласие есть во втором виде. Сказали аш'ариты, что это допускается разумом, потому что Его рабы находятся в Его владении, поэтому Он делает, что пожелает, и судит, на что изъявил волю; и не наличествует (не происходит) из-за того, что мы прочитали [из Корана]. Слова же Всевышнего [ангелам]: «Сообщите Мне имена этих» (2:31)" не являются возложением [т.е. предписанностью соблюдения], а являются провозглашением бессилия [ангелов] (*хитаб та'джиз*).

Некоторые из них (*аш'ариты*) считают, что предписанность соблюдения (*таклиф*) Абу Лахабом утверждения истинности Пророка (благословение и мир

ему!) в том, что было известно ему о его приходе, в том числе о том, что он не верует, является предписанностью соблюдения того, чтобы он подтверждал истинность его в том, что он не подтверждает истинность его и подчиняется то, что было в его душе, противоположному. А это является невозможным окончательно (категорически), т.е. это противоречит ниспосланному тексту (*ан-насс*) и консенсусу (*ал-иджма'*). Потом, проклятие на него (Абу Лахаб) и его вход в адский огонь не указывают на увековечивание (бесконечность) его неверия и плохого конца; потому что, допускается, что он войдет в ад за смертный (большой) грех, который он совершил после того, как уверовал.

Это устраняется тем, что невозможное есть его подчинение / повиновение (*из'ану-ху*), тем более, что он не верует. На самом деле возлагается это на него, когда он достигнет этого через свою особенность, что является невозможным. Что же касается до этого достижения, то необходимое (*ал-ваджиб*) есть общее повиновение (*ал-из'ан ал-иджмали*).

Сказали ханафиты, что это не допускается разумом и не наличествует (не происходит) небесным законом, потому что суждение мудрости отвергает это. Ведь испытание (*ал-ибтила'*) на самом деле осуществляется в том, что делает раб божий по своему выбору, затем вознаграждается за это, или в том, что не исполняет по своему выбору, затем наказывается за это. И если он был в каком-то состоянии, из которого невозможно существование действия, то он был принужден к его неисполнению, и поэтому будет оправданным (прощенным) за невозможность. И тогда не осуществится смысл испытания и мудрость предписанности соблюдения. Слова же Всевышнего: «Не возлагай также на нас то, что нам невмочь» (2:286) являются взыванием о помощи от возложения того, что непосильно перенести из наказаний, ниспосланным тем, кто был до нас, а не от предписанности соблюдения шариата. И мы согласились с му'тазилитами, основываясь на необходимости более подходящего (*ал-аслах*) для Всевышнего по их мнению.

«Вера (*ал-иман*)»: форма «иф'ал» от масдара «ал-амн» (быть безопасным/доверять), потому что верующий (*ал-му'мин*) во что-либо, печется о

том, чтобы обезопасить ее от ложного и противоречивого, угрожающих ее сути. Эта форма используется с применением частицы «лам» после нее из соображения придания ей смысла повиновения/покорности, как в словах Всевышнего: «Они сказали: «Разве мы уверуем в тебя (*а ну'мину ла-ка*), раз за тобой последовали низкие?»» (26:111), и частицы «ба'» после нее из-за придания ей смысла признания, как в словах Всевышнего: «Веруют в тайное (*йу'минуна би-л-гайб*)» (2:3), в Его словах из суры «ал-А'раф»: «Сказал Фир'аун: «Вы уверовали в Него (*амантум би-хи*)» из суры «Таха»: «Вы уверовали в Него (*амантум ла-ху*)» (20:71).

«Она [есть]»: в языке означает подтверждение (*ат-масдик*), как в словах Всевышнего: «Но ты не поверишь нам» (12:17), а в законе божьем означает:

«Утверждение истинности того, с чем пришел Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) от Аллаха» в общих чертах или в подробностях согласно тому, чем было известно о его пришествии по необходимости, вопреки тому, что предполагалось его пришествием, как нечто, основанное на свободном исследовании (*ал-иджстихадиййат*). Отрицание его не будет являться неверием по консенсусу из-за отсутствия требования им опровержения, однако будет являться видом пренебрежения.

«И признание (*ал-икрар*) этого»: т.е. того, с чем он пришел от Аллаха. Таким образом, вера не является только утверждением истинности (*ат-масдик*) по мнению автора, что выбрано [учеными] Шамс ал-А'иммой ас-Сарахси, Фахр ал-Исламом ал-Баздави и теми, кто последовал за ними; не является только признанием (*ал-икрар*), что соответствует толку каррамитов; не является познанием сердца (*ал-ма'рифат ал-калбиййа*), как считают имамиты; и не является суммой утверждения истинности, признания и действий/ деяний (*ал-а'мал*), вопреки му'тазилитам и хариджитам, что также передается от ал-Авза'и, Малика, аш-Шафи'и и группы из ахл ал-хадис.

Однако сохраненное от Абу Ханифы (да смилуется над ним Аллах!), зафиксированное в книге «Китаб ал-'Алим ва-л-мута'ал-лим» и избранное большинством удостоверяющих истину (*мухак-кикун*) из нашего мазхаба,

подобных Абу Джа'фару ат-Тахави, Абу-л-Мансуру ал-Матуриди, Абу Бакру ал-Калабади и другим, а также принятое знатоками каждой секты из числа наших оппонентов, заключается в том, что вера (*ал-иман*) является утверждением истинности (*ат-масдик*) только, а признание (*ал-икрар*) – его показателем и условием для выполнения его положений (правил), исходя из слов Всевышнего: «У этих написал Аллах в их сердцах веру» (58:22), «А сердце их спокойно в вере» (16:106), «А сердца их не уверовали» (5:41), «Ибо еще не вошла вера в ваши сердца» (49:14) и слов Посланника (да благословит его Аллах и приветствует!): «Господи, утверди мое сердце в вере». От 'Аиши и Асмы бинт Иазид ибн ас-Сакан передается, что Посланник (мир ему!) часто взывал [к Аллаху]: «О Ворочающий наши сердца! Утверди (укрепи) мое сердце в Твоей религии». [Хадис] приводится Ибн Мардавайхом, также начало хадиса есть в двух достоверных сборниках [у Бухари и Муслима] и в других сводах хадисов от многих передатчиков. От него (да спасет его Аллах!), «Выйдет из огня адского тот, в сердце которого была частичка веры»; также его слов Усаме (да будет доволен им Аллах!), когда он убил мукирра: «Разве ты видел, что в его сердце?!», приведенных ал-Бухари и Муслимом; «Ислам – явность, а вера (*ал-иман*) – в сердце», приведенных Ибн Аби Шайбой; «О курайшиты! Прекратите же смуту или же Аллах пошлет на вас того, кто снесет ваши головы за религию, и сердце которого испытано Аллахом на веру», приведенных ат-Тир-мизи; «Клянусь Аллахом! Не войдет вера в сердце человека, пока он не полюбит вас ради Аллаха и из-за моего родства [к вам]», приведенных Ахмадом и ат-Тирмизи и прочих сообщений из многочисленных доказательств и явных свидетельств.

[Далее следует] соответствующее подтверждение истины (*тах-кик*) слов предшественников (*ас-салаф*) о том, что утверждение истинности (*ат-масдик*) имеет три лингвистических значения. Первое взято из правдивости (*ас-сидк*), что является описанием говорящего, связанное с ним и с правдивым (*садик*), описание и суть которого есть признание (*ал-из'ан*) того, что он – сообщающий реальную речь (*калам ваки'и*). Второе же взято из того, что является описанием суждения/дела (*ал-кадиййа*), связанное с ним и с его

правдивостью. Суть его в том, что ты признаешь, что его смысл правдив и соответствует действительности. То есть оно (утверждение истинности – тасдик) бывает тогда, когда ты относишь сказавшего или сказанное им по своему выбору к правде и следуешь этому. Ведь это слово (*тасдик*) из породы «ат-таф'ил», и для него необходимо соотнесение со значением посредством выбора и правильность его бытия (состояния) ответственным (*мукаллаф*) за него из этого соображения. Таким образом, эти два значения сочетаются друг с другом в существовании и небытии, и тесно связаны между собой. Однако истинность / правдивость сообщения (*ал-ха-бар*) первостепенна, а сообщающий второстепенен. Сказал автор (да смилуется над ним Аллах!): «Вера есть утверждение истинности того, с чем пришел...», и не сказал: «Утверждение истинности Пророком». Это и есть утверждение истинности, относящееся к вере, в котором подразумевалось подчинение/признание (*ал-из'ан*), т.е. покорность, смиренность, следование скрытому/невидимому (*ал-батин*), подчинение сердца [Богу] и его связь с ним. «Возражение против ат-Тафтазани». Из этой категории речь арабов: «Послушная верблюдица (*нака миз'ан*)», т.е. покорная, податливая. И не в том смысле, что подчинение (*ат-таслим*) – нечто выходящее из утверждения истинности и другой столп веры. «Возражение Садру аш-Шари'а (да смилуется над ним Аллах!)». Сказал Всевышний: «Но нет клянусь твоим Господом! – не уверуют они, пока не сделают тебя судьей в том, что запутано между ними. Потом не найдут они в самих себе затруднения о том, что ты решил, и подчинятся полностью» (4:65). Поэтому оно (*таслим*) было началом установлений шари'ата, основой поклонений и первым, что подразумевается под предписанностью (*ат-таклиф*). А именно, посредством противопоставления следующему смыслу, имеющемуся у упорствующих/непокорных неверующих без всякого выбора, как сказал Всевышний: «И отрицали их, хотя души их убедились в истинности, по несправедности и превознесению» (27:14). Третье значение взято из этого утверждения истинности сначала, а именно посредством сокращения его смысла через отбрасывание его упомянутого соотнесения согласно тому, что известно

из видов образования производных (слов), и во вторую очередь – из истинности (*ас-сидк*), которая является его значением. Это [третье значение] связано с тем же высказыванием и наличествует до достижения первого смысла, и его суть – получение формы/образа составления (*ат-та'лиф*) и наличие соотнесения истинности (*ас-сидк*) в сердце. Это и есть утверждение истинности, относящееся к «весам» (*ат-тасдик ал-мизани*), которое, порой, считается некоторыми одной из двух частей знания (*ал-'илм*) по снисходительности, когда они делят его на части, лишь прибегая к нему для разъяснения нужды в двух частях правил, относящихся к «весам» (*ал-кава'ид ал-мизаниййа*). Поэтому оно затрагивает нечто непоколебимое (*ал-йакини*), предполагаемое (*ал-занни*), соответствующее действительности (*ал-мутабик ли-л-ваки'*) и т.п.

«Что касается деяний, то они возрастают в себе» с точки зрения их совершения и упущения в них, что является явным.

«А вера (*ал-иман*)» по мнению наших ханафитских имамов, и выбранному Абу-л-Ма'али ал-Джувайни и другими из аш'аритов «Не возрастает и не убывает». И на это намекает ал-Кади 'Ийад ибн Муса ал-Йахсуби, маликит, когда он сказал в своей книге «аш-Шифа'»: «Это – части/выдержки, приводящие к обширной речи об исламе, вере, их главах; и об увеличении и убывании в них. Разве деление на части невозможно в утверждении истинности только? Не является правильным высказывание о нем в целом. На самом деле это касается того, что прибавилось к нему из деяния или может быть случается в нем различие его атрибутов и состояний из силы непоколебимой уверенности (*йакин*), решимости убеждения (*и'тикад*), ясности познания (*ма'рифа*), продолжения/постоянства состояния и присутствия (*худур*) сердца». От него (да спасет его Аллах!) в себе, и если даже она увеличивалась посредством появления нового верующего и имела различие с точки зрения того, что намекает на силу, слабость и степени убежденности, потому что упоминалось, что она является непоколебимым утверждением истинности (*ат-тасдик ал-йакини*) того, с чем пришел Пророк, и является духовным (душевым) качеством (*ал-кай-фиййа ан-нафсаниййа*). А увеличение и уменьшение на самом деле относятся к

изначальным акциденциям для количества. Уже было пояснено в своем месте, что сомнение не происходит в нечто самостном (*аз-затиййат*). Поэтому немислимо в ней [вере] понятие силы, слабости, увеличения и уменьшения. Кто же допускает такое, то он заблуждался в частном, как пренебрег основным.

Те, кто склонились к мнению об увеличении и уменьшении веры в самой себе, считали действия/деяния, либо обязательные (*фард*) и дополнительные (*нафл*), частью ее сути, как этого придерживаются в мазхабах хариджитов и му'тазилитов Абу-л-Хузайля ал-'Аллафа и 'Абд ал-Джаббара ал-Хамадани. Либо считали только обязательные из них частью ее сути, что соответствует толку джуб-баитов и большинства му'тазилитов Басры. Либо довольствовались преобладающим мнением, как это в мазхабе аш'аритов.

Что же касается того, что передается от группы предшественников (*ас-салаф*) и ахл ал-хадис о том, что она увеличивается послушанием и уменьшается ослушанием, для чего приводятся в доказательство слова Всевышнего: «А когда читаются им Его знамения, они увеличивают в них веру» (8:2), то, может быть, подразумевается в нем (*айат*) увеличение с точки зрения добавления «связанного с ней (*вера*)» (*мута'аллику-ху*) и появление нового верующего или из соображения силы и совершенства, смотря на охват ею сердца, так что она становится его полновластным распорядителем и управляющим душой. Есть такие твердо убежденные, которые порицали свои органы/части [тела] и были стойкими [в вере], как повелевалось. И есть такие подтверждающие истинность верующие, которых сбивает сильный ветер, подобно пыли. В различии есть ступени, которые никто не знает, кроме Аллаха. Поэтому они согласились о правильности веры совершившего смертный грех, в противоположность хариджитам и му'тазилитам.

«Вера (*ал-иман*) и ислам» рассматриваются Законодателем как: «Одно и то же», в противоположность мнению приверженцев внешних смыслов (*асхаб аз-завахир*). Это потому, что ислам есть подчинение в смысле повиновения, устремления к послушанию и следования повелению Аллаха, так что ты не ведаешь какого-либо господя, кроме Него, и не знаешь какой-либо объект

поклонения, кроме него. А это есть сущность веры. Однако прикреплялось понятие ислама к бедуинам вместе с отрицанием от них веры, и было передано: «Приняли ислам люди, и уверовал 'Амр ибн ал-'Ас», как указание на внешнее подчинение. Вместе с этим нет надобности в пояснении его значения. Также есть в хадисе: «Вера – это верить в Аллаха» и «Ислам – это свидетельствовать, что нет божества, кроме Аллаха, и что Мухаммад – Посланник Аллаха», по причине формы вопроса о принадлежности вере и законам Ислама. Иначе же нет в шариате какой-либо веры без ислама и наоборот.

Аш'ариты сказали: «Смысл кроется в конце жизни человека [т.е. неизвестно, в каком состоянии он умрет]. Иначе же было бы верным сказать о человеке, что он - верующий, входящий в рай, или что он – неверующий, вечно пребывающий в аду».

Наш ответ, что нет противоречия в этом, потому что верующий пойдет в рай, если он останется в состоянии веры, а иначе он будет вечно в огне...

...«Ал-Муджтахид»: слово «иджтихад» в языке означает приложение усердия для получения желаемого, в шариате – отдачу факихом всей своей мощи ради достижения мнения (*аз-занн*) о шариатском суждении. Его результат – преобладание мнения о нем с возможностью его противоположности. Его условие – сила понимания/разума (*ал-фахм*) естественным образом, знание о Книге и сунне по текстам (*матн*) и цепочкам передатчиков (*санад*) или об их смыслах в языке и шариате, об их частях/подразделениях (*аксам*) в указании и извлечении смысла, о речах/выражениях (*хи-табат*) арабов и их традициях в употреблении [этого], их способах в приведении примеров/притчей/поговорок (*амсал*), о положениях консенсуса, высказываниях сподвижников, видах суждения по аналогии и смыслах, влияющих на суждения. Таким образом, тот, кто в совершенстве овладел всем этим, является способным на иджтихад, и ему должно поступать посредством своего иджтиха-да и не допускается следовать (*таклид*) кому-то другому. Но не является иджтихад чем-то окончательным/категорическим (*ал-*

ка-т'иййат), как, например, нечто относящееся к вероубеждениям (*ал-и'тикадиййат*) и нечто практическое (*ал-'амалиййат*), подтверждаемое ясным указанием (*насс*). Книги, сунны или консенсуса, который стал известным или распространился. И даже является должным (*ал-ваджиб*) и необходимо предписанным (*ал-фард ал-ла-зим*) «держаться за прочную вервь Аллаха», ясный Коран и быть убежденным в том, что Он, Всевышний, описывается всем тем, чем Он Сам Себя описал в Своей Книге и сунне Своего Посланника, так же как он описал Его в значении, которое Он желал, и что у Него есть прекрасные имена и нет ничего подобного Ему с предельным возвеличиванием и очищением в утверждении и отрицании и оставлением спора и обращения внимания к бесполезной болтовне. Иначе же он окажется в положении вреда и позора, и тогда мы не подчиняемся ему. Поэтому не был оправдан ошибающийся в этом, наоборот, был ослушником, совершившим проступок. Затем действие по согласованному и тому, к чему обратилась вся умма. Что же касается того, в чем они разошлись во мнениях, то должно (*ал-ваджиб*) для каждого следовать явным доказательствам и делать иджтихад в поиске правильного (*ас-саваб*) по мере своих сил в абсолютном иджтихаде (*ал-иджтихад ал-мутлак*) или внутри мазхаба. И как бы ни был он немощным в этом и в способности отличить одно последовательное шариатское положение от другого, он вынужден прибегнуть к следованию (*таклид*) [за авторитетом] для предостережения от приостановления [суждения или нанесения ущерба]. В таком случае ему должно (*ал-ваджиб*) посмотреть (сделать вывод), какой из имамов лучше, по его мнению, и правильность какого преобладает у него над его ошибочностью. Потом же он просит его заключения, действует по его высказыванию. Однако это нечто необходимое (*дарури*), к чему прибегают лишь при нужде и которое оценивается по ее мере. Вообще религиозность (*ат-тадаййун*) – нечто должное (*ваджиб*), а набожность/служение богу (*ат-та'аббуд*) – нечто окончательное, непоколебимое (*хатм лазиб*), потому что человек не был сотворен напрасно и не был оставлен без призора. Необходимо, чтобы действие было более предпочтительным, чем его оставление для

осуществления какого-либо подчинения. И не будет это действием, оставленным без внимания. Поэтому тот, кто имеет возможность выбирать более вероятное [правильное решение] посредством доказательства, делает высказывание по этому, согласно словам Всевышнего: «Следуйте за тем, что ниспослано вам от вашего Господа, и не следуйте вместо него за покровителями» (7:3). А тот, кто не имеет для этого возможности, выбирает посредством утверждения наиболее знающего фикх и набожного, чтобы доверять ему в его знании и деянии, согласно словам Всевышнего: «Спросите же людей напоминания, если вы сами не знаете, – с ясными знамениями и с писанием» (16:43-44). Это и есть смысл того, что говорят: «Доказательство следующего [авторитету] (*ал-мукаллид*) есть лишь утверждение муджтахидов». Наш же мазхаб в основах (*ал-усул*) есть истина без какого-либо сомнения, а в ветвях/подробностях/второстепенных вопросах (*ал-фуру'*) есть правильное (*саваб*), которое может быть иным. А мазхаб несогласного [с нами] – наоборот. Однако запрещение людям следовать авторитету иных, кроме четырех из имамов, есть по причине точного определения (установления/содержания в порядке) их мазхабов, известности их (основатели мазхабов) похвальных качеств, множества их последователей и следования их высказываниям, вместе с тем, что в них есть [кое-что] от собрания, исправления, глубокого исследования и классификации, чего нет у других. [И запрещается им] переходить из одного мазхаба в другой, опасаясь их замешательства и расстройств их убеждения.

«Может ошибаться» с точки зрения суждения.

«И может быть прав», потому что шариатские доказательства раскрывают утвержденные суждения/постановления (*ал-ахкам*) в предустановлении (*када'*) Аллаха Всевышнего и Его предшествующего предопределения (*кадар*). Поэтому муджтахид, как бы он ни определял доказательство в его виде и постигал дело в его сути, является правым (*мусиб*), иначе же ошибающимся (*мухти'*), вопреки мнению му'тазилитов и аш'аритов, что является

предпочтительным мнением ал-Музни, ал-Газали, Абу Бакра ал-Бакиллани и всех шафи'итов.

Доказательство этому – хадисы и сообщения: «Если рассуждал судья (*ал-хаким*) и совершил иджтихад, и затем был прав, то ему – два вознаграждения (*аджран*). Если же он рассуждал и совершил иджтихад, и затем ошибся, то ему – одно вознаграждение (*аджр*)». Его привели ал-Бухари, Муслим и Абу Давуд от Абу Хурайры и 'Амра ибн ал-'Аси. И привели его ат-Тирмизи и ан-Наса'и от Абу Хурайры. От него (да спасет его Аллах Всевышний!), указывающие на колебание иджтихада между правильным и ошибочным [решением], достигшие степени таватура по смыслу (*ал-мутавафир ал-ма'на*). Ведь является достоверным от него (мир ему!), что он сказал: «Если ты был прав, то тебе – два вознаграждения. Если же ты ошибся, то тебе – одно вознаграждение». А в другом предании: «Если ты был прав, то тебе – десять благ (*хасанат*). Если же ты ошибся, то тебе – одно благо».

От 'Умара (р.а.а.) [передается], что он послал за какой-то женщиной и она родила преждевременно [или имела выкидыш]. Тогда сказали 'Абд ар-Рахман ибн 'Ауф и 'Усман ибн 'Аффан (р.а.а.): «На самом деле ты порядочен. Мы не видим ничего против тебя». И сказал 'Али (р.а.а.): «Если они оба совершили иджтихад, то ошиблись. Если же они оба не сделали иджтихад, то они покрыли тебя». А в версии ал-Байхаки – посредством местоимения единственного числа, подразумевая 'Абд ар-Рахмана. Также [есть] изречение Абу Бакра (р.а.а.) по поводу боковой линии/дальнего родства (*ал-калала*): «Я утверждаю по своему мнению. Поэтому если это будет правильным, то – от Аллаха. А если будет неправильным, то – от Шайтана». И от Ибн Мае'уда (р.а.а.), что он был спрошен о человеке, который женился на женщине, не уплатил ей брачного дара, не имел с ней соития и умер. Он ответил: «Я утверждаю по своему мнению. Если оно будет правильным, то от Аллаха. А если оно будет ошибочным, то от меня и от Шайтана, Аллах и Его Посланник непричастны [к этому]». Его привели Абу Давуд и ан-Наса'и. [Передают] от Ибн 'Аббаса (р.а.а.), что он сказал по поводу наследства: «Аллах не сделал в имуществе половину и половину и треть» и

обвинил в ошибке большинство сподвижников, подобно тому, как обвинили они его в ошибке. И [передают] от него: «Разве не боится Аллаха Зайд ибн Сабит, деля внука сыном и не деля деда отцом [в наследовании]?». И [передают] от 'Умара (р.а.а.), что «мнение (*ар-ра'й*) на самом деле было от Посланника Аллаха (с.а.в.; правильным, так как Аллах Всевышний показывал ему [верное решение]. А от нас – предположение и затруднение [в извлечении этого предположения]». Это привел Абу Давуд. И, может быть, приводятся в качестве доказательства слова Всевышнего: «И Дауд (Давуда) и Сулаймана, когда они судили о ниве, которую повредил скот людей, и Мы присутствовали при их суде. И Мы вразумили Сулаймана в этом» (21:78-79). Здесь местоимение [«этом»] – для правления (*ал-хукума*) или правового решения (*ал-футйа*). Оно происходило посредством иджтихада из-за молодости Сулаймана, его несогласия со своим отцом и обращения Давуда (мир ему!) к его суждению. И если бы был иджтихад каждого из них их истиной, то не было бы для его особого выделения [в качестве частного] причины. Однако следование (*ат-тамассук*) этому – слабое по причине возможности их взаимного согласия в правовом решении (*ал-футйа*). И будет его особое выделение (*тахси*) посредством его упоминания для проявления того, что он предпочел в молодости, и разрешения того, что это дело от Сулаймана будет примирением (*сулх*), а не суждением/постановлением (*хукм*). Поддерживает это то, что суждение о подвергаемом иджтихаду нужно проводить и нельзя отменять. Предание (*ривайат*) же нам неизвестно, и мы не осведомлены о его положении.

[Заключение]

Он сообщил через Свое слово: «Сегодня Я завершил для вас вашу религию, и закончил для вас Мою милость, и удовлетворился для вас исламом как религией» (5:3), «Следуйте за тем, что ниспослано вам от вашего Господа, и не следуйте вместо него за покровителями; мало вы вспоминаете!» (7:3)...

О да! Мы не сомневаемся в пользе умозрительного заключения (*ан-назар*) и необходимости размышления (*ат-тафаккур*) о творении небес и земли, о том,

что создал Всевышний в Своих творениях и вручил Своим созданиям из чудес Своего делания и удивительных вещей Своей мудрости. Однако мы делаем это не для подтверждения вероубеждения посредством дополнения и уменьшения в шариате, а для усиления покорности, воспитания веры, ограничения разумов [от непозволительного], обострения мыслей, исправления умов и поправки видений.

Достаточно тебе пользы разума в твоей позиции, чтобы он вел тебя к истинности пророчества и покорности посланию, разъяснял тебе значения Его высказываний, наставлял тебя к источникам Его указаний. Затем отстрани его [т.е. разум] от изучения самости (*аз-зат*) и сущностей атрибутов Божьих. Опасайся пороков ступеней своего нрава и бросай якоря у положений следования. Написал это раб божий, нуждающийся в прощении своего Господа и Его помиловании, утонувший в море послушания Его, Шихаб ад-дин ибн Баха' ад-дин ал-Марджани, да спасет его Аллах!

Ш. Марджани. Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи. – Казань, 2008.

Мифтахетдин Акмулла – (1831-1895) башкирский поэт-просветитель, выдающийся поэт-философ, поэт-мыслитель.

Родился в башкирской деревне Туксанбаево Белебеевского уезда (в настоящее время Миякинского района Республики Башкортостан).

Начальное образование будущий поэт получил в родной деревне, учился в медресе соседних деревень Менеузтамак и Анясово, был шакирдом медресе в деревне Стерлибашево, где получал уроки у знаменитого поэта-суфия Шамсетдина Заки. Прославился как талантливый поэт-импровизатор.

Акмулла проповедовал просветительские идеи, рассматривал поэзию как средство непосредственного общения с народом. Поэтому язык его произведений более доступен, содержит сравнительно меньше арабизмов и фарсизмов, характерных для литературного языка того времени. Акмулла писал свои стихи большей частью в классической форме рубаи, но мастерски владел и другими поэтическими формами. Творчество поэта, пронизанное гуманистическими идеями своего времени, впитавшее в себя передовые и прогрессивные веяния общественной жизни России, снискало глубокую любовь и признание среди населения, оказало благотворное влияние на развитие литературы многих тюркоязычных народов. Поэтому его неслучайно прозвали Акмуллой (светлым, праведным учителем) за честность

и правдивость. Поэт в своем творчестве проповедовал просветительские идеи, утверждал извечное стремление человека к свету, прогрессу.

Дружба

Пусть твой друг красив не будет, был бы честен он с тобой,
Был бы он душой свободен, хоть и притеснен судьбой.
Пусть разделит дни удачи и не бросит в час беды,
Пусть в делах его не будут гнусной подлости следы.

Друга мелких недостатков в раздраженье не заметь,
Пусть и он не смеет к мелким недостаткам зла иметь.
Если друг тебе соратник, льстить ему в словах нельзя:
Не наружной статью дружат – сердцем и душой – друзья.

Не унизь из-за лохмотьев человека никогда –
Может, он не из вороньих – из шункаров? Что тогда?
Тот, кто жив, имеет право доли счастья своего.
Не зови ослом другого: из тулпаров род его.

Обязательно ль за счастьем в Халеб ехать и Багдад?
Пусть ты болгаром зовешься, будь своей отчизне рад.
Пусть узнают: Акмуллою эта песнь сочинена.
Пусть хулят меня, но песня в наре сгинуть не должна.

Перевод Д. Даминова

Когда в разлуке милая томится

Когда в разлуке милая томится,
Куда б ни шел ты, к ней душа стремится.
Когда жена умна, добра, любима,
И райским девам с ней не сравниться.

Недаром о любви слагают сказки,
Ты беден, коль не знаешь женской ласки,
И одинок, как потерявший близких, –
Не для тебя сияют в мире краски.

Но жемчуга любви предстанут сором,
Коль нет ума за томным женским взором.
С дурной женой и умный поглупеет,
А глупость ходит об руку с позором.

Жена и конь должны под стать граниту
Гранить мужскую честь, отвагу, силу,
А коль жена и лошадь никудышны,

Мужчине в пору лечь живьем в могилу.

Все вкривь и вкось идет у несчастливца,
Ему желанных целей не добиться.
У невезучего, как говорится,
Загрызть верблюда может и лисица.

Чтоб в море жизни избежать крушенья,
Не торопясь обдумывай решенья.
Лишь прозорливый в выборе мужчина
Всеобщего достоин уваженья.

Всему на свете есть свои причины:
Седеют люди рано от кручины,
За неудачей терпит неудачу
Страна, где незадачливы мужчины.

*Перевод М. Гафурова
Башкиры. – М. Голос-Пресс, 2003. С. 511-512.*

Абай (Ибрагим) Кунанбаев (1845 – 1904) – великий поэт, писатель, общественный деятель, основоположник современной казахской письменной литературы, реформатор культуры в духе сближения с русской и европейской культурой на основе просвещенного либерального ислама.

Получил хорошее гуманитарное образование. Учился в медресе имама Ахмет-Ризы в Семипалатинске, где преподавали арабский, персидский и другие восточные языки. Здесь познакомился с классической персидской литературой – классиками Ближнего Востока Фирдоуси, Низами, Саади, Хафизом и др.

1882–1886-е стали для него годами наивысшего творческого подъема, когда были созданы его лучшие произведения.

Он пишет об основных социальных и культурных проблемах казахского народа, призывает бороться с невежеством. Оставаясь всю жизнь просветителем, он призывал: «Раз в день, или раз в неделю, или хотя бы раз в месяц давай сам себе отчет, как ты за это время вел себя в жизни, совершил ли ты поступки, соответствующие благу и разуму».

Абай призывал способствовать прогрессивному развитию общества, где человека возвышают «разум, наука, воля». С 1890 по 1898 записывал свои мысли в прозе, которые позже оформились в 45 назиданий своему народу.

Будучи верующим мусульманином, сожалел, что его единоверцы ограничиваются формальными религиозными отправлениями без понимания их внутренней сути. Он призывал открыто и дружелюбно относиться к людям других национальностей. Выступал за сближение с русской

культурой, и через нее – с культурой мировой. Обличал пороки, призывал их исправлять, восстанавливая справедливость.

Из богатого наследия Абая, поэта и просветителя, для нас самыми ценными являются его прогрессивные идеи, устремленные в будущее и исполненные решимости неустанно призывать народ к свету, знаниям. Эти идеи вылились в своеобразную программу умственного воспитания молодого поколения. Абай упорно стремился утвердить идеал нового человека – деятеля разума и просвещения, поборника труда и науки, заступника слабых и угнетенных. Поэтому поэт утверждал: «Лишь знаньем жив человек, Лишь знаньем движется век! Лишь знанье – светоч сердец!»

Подчеркивая трудность овладения знаниями, Абай говорил, что дело это еще не превратилось среди казахского народа в традицию, отсутствует стремление людей к знаниям, и виноваты в этом экономические, социальные условия.

Поэт не скрывает суровую правду о том, что отсутствие знаний, невежество делают человека неполноценным. Духовное совершенствование личности во многом зависит от приобретения знаний, просвещения. «Знание человека, – писал Абай, – это мерило человечности».

Свой высший этический идеал Абай выразил в нравственной формуле: «Адам бол! – Будь человеком!», с которой он обращается, прежде всего, к молодёжи. Этический смысл абаевской формулы «Адам бол!» состоит в высокой оценке роли назначения человека в жизни. В его понимании человек должен сочетать в себе разум и гуманность, трудолюбие и образованность, дружбу и любовь. Он не уставал напоминать современникам, что солнце и луна – украшение небес; леса и ягоды – украшение гор, а украшение земли – человек.

Черное слово (слова назидания) Слово четвертое «Бездарные проходимцы»

...Человек рождается на свет с плачем и уходит скорбя. В промежутке между этими двумя событиями, так и не изведав истинного счастья, не распознав до конца ценности и неповторимости дарованной ему жизни, он бездумно прожигает ее в унижительных ссорах и недостойных спорах. Спыхватывается, когда жизнь уже на исходе. И только тогда начинает понимать, что ни за какие сокровища мира невозможно продлить ее хотя бы на один день.

Жить хитростью, обманом, попрошайничеством – удел бездарных проходимцев. Веруй в Бога, надейся на свое умение и силы. На честный и самоотверженный труд даже твердь земная ответит всходами.

Слово седьмое «Невежды и кликуши»

Ребенок рождается на свет, наследуя два начала. Первое из них требует еды, питья и сна. Это – потребность плоти, без этого тело не может служить пристанищем для души, не будет расти и крепнуть. Другое – тяга к познаниям. Младенец тянется к ярким вещам, берет их в рот, пробует на вкус, прикладывает к щеке. Встрепенется, услышав звуки дудки или свирели. Подрощи, бежит на лай собаки, на голоса животных, на смех и плач людей, теряет покой, спрашивая обо всем, что видят глаза и слышат уши: «Что это? Зачем это? Почему он так делает?» – это уже потребность души, желание все видеть, все слышать, всему учиться.

Не раскрыв для себя видимых и невидимых тайн вселенной, Не объяснив всего себе, человеку не стать человеком. И бытие души такого человека тогда ничем не разнится от бытия иной твари.

Изначально Бог отличил человека от животного тем, что наделил его душой. Почему мы, повзрослев и поумнев, не ищем и не находим удовлетворения тому любопытству, что в детстве заставляло нас забывать о еде и сне? Почему мы не избираем путь тех, кто ищет знаний?

Нам бы неустанно ширить круг своих интересов, множить знания, которые питают наши души. Нам бы понять, что блага души несравненно выше телесных, и подчинить плотские потребности велению души. Но нет, не стали мы делать этого. Кликушествуя и каркая, не продвинулись мы дальше навозной кучи у аула. Душа правила нами только в детстве. Повзрослев и окрепнув, мы не позволили ей повелевать собой, подчинили душу телу, на все окружающее смотрим глазами, но не разумом, не доверяемся порывам души. Довольствуясь внешним видом того, что охватывает взор, не пытаемся вникнуть во внутренние тайны, полагая, что ничего не теряем от этого незнания. На замечания и советы людей умных отвечаем: «Ты живи своим умом, а я своим проживу», «Чем быть богатым

чужим умом, лучше быть бедным, да по-своему». Мы не способны оценить их превосходства над нами, не понимаем смысла сказанного ими.

Нет ни искры в груди, ни веры в душе. Чем отличаемся мы от животного, если видим только глазами? В детстве мы были лучше. Тогда мы были человеческими детьми – стремились узнать как можно больше. Сейчас мы хуже скота. Животное не знает ничего, но и не стремится ни к чему. Мы не знаем ничего, но готовы спорить до хрипоты: отстаивая свою темноту, стремимся свое невежество выдать за знания.

Слово двенадцатое «Невежда в чалме»

Когда кто-то учит других слову божьему, хорошо ли, плохо ли делает он свое дело, у нас язык не повернется запретить ему проповедь, ибо нет ничего предосудительного в делах благонамеренных. Пусть наставляет, если даже сам недостаточно просвещен. Но ему следует помнить два непреложных условия.

Прежде всего, он должен утвердиться в своей вере, во-вторых, пусть слишком не довольствуется тем, что знает, а постоянно совершенствуется. Если кто, не завершив учебу, оставляет ее, тот лишает себя божьего благословения, от его наставлений прока не жди. Что толку, если, обернув голову чалмой, строго соблюдая посты, совершая моления, он напускает на себя благообразие, но не знает, в каких местах требует повторения или в каком месте может прерваться тот или иной намаз?

Кто небрежен, не соблюдает себя в строгости, не умеет сострадать, того нельзя считать верующим – без бережливости и внимания не удержать в душе иман – веру.

Слово четырнадцатое «Человек ли он»?

... Если человек, предавшись дурным поступкам, безудержному бахвальству, не в силах остановиться и взыскать с себя, не пытается очиститься перед Богом или собственной совестью, как назвать такого джигитом?

Впору задаться вопросом – человек ли он?

Слово восемнадцатое «Возвышение глупца»

Человек должен одеваться скромно, содержать одежду в чистоте, быть опрятным. Тратить на одежду больше, чем позволяют средства, обременять себя излишней заботой о внешности, могут только щеголи. Щеголи проявляют себя по разуму: один холит лицо, лелеет усы и бороду, нежит тело, ступает с важностью – то брови вскинет томно, то пальцами стучит, то локоть в сторону отставит; другой же подчеркнуто небрежен в своем щегольстве и, стараясь прослыть к тому же простецким парнем, как будто нечаянно обронит вскользь про лучшего скакуна и свои богатые наряды – мол, ничего особенного; усердствует, привлекая к себе внимание тех, кто стоит выше него, вызывает зависть в равных себе, а среди низших слывет примером недостижимой изысканности и роскоши. О нем говорят: «О чем можно тужить, имея такого коня и одеваясь как он?» Все это и нелепо и стыдно. Пусть никто не увлечется этой блажью, иначе трудно будет ему вернуть истинно человеческий облик. Человек должен отличаться от других умом, знаниями, волей, совестью, хорошим нравом. Думать, что можно возвыситься иначе, может только глупец.

Слово двадцать восьмое «Правое дело не может бояться испытания разумом»

... Разумный человек должен знать, долг верующего – творить добро. Правое дело не может бояться испытания разумом. Если не дать свободу разуму, то как быть с истиной: «Да познает меня обладающий разумом»? Если существует в нашей религии изъян, то как запретить разумному думать о нем? На чем бы основывалась религия, не будь разума? Чего стоит добро, творимое без веры? Нет, ты должен понять и поверить в то, что добро и зло созданы Богом, но не он творит их. Бог создал богатство и бедность, но не он

сделал людей богатыми и бедными. Бог создал болезни, но не он заставляет людей страдать от них. Иначе, все – тлен.

Слово тридцать первое «Четыре причины и четыре порока»

Существует четыре причины, способствующие восприятию и запоминанию услышанного:

во-первых, нужно утвердиться духовно и быть непреклонным;

во-вторых, слушать советы умных людей со вниманием и открытым сердцем, с готовностью и желанием уяснить смысл сказанного;

в-третьих, вдумчиво, неоднократно повторять про себя эти слова, и закреплять их в памяти;

в-четвертых, следует избегать вредных свойств ума, если даже придется подвергнуться искушениям этими силами, не поддаваться им.

Вредные свойства ума: беспечность, равнодушие, склонность к беспричинному веселью, тяга к мрачным раздумьям и губительным страстям. Вот эти четыре порока способны разрушить и ум, и талант.

Слово тридцать второе «Пути науки»

Тем, кто стремится усвоить науку, необходимо знать условия, без которых невозможно достичь цели.

Во-первых, обретая знания, не ставь себе задачи получить через них какую-нибудь выгоду. Чтобы заняться наукой, прежде всего, нужно полюбить ее, иметь стремление к ней. Если ты ценишь знания как высшее благо, каждое открытие новых истин принесет твоей душе покой и удовлетворение. Крепко запоминай то, что ново для тебя, тогда появится стремление к поискам, любовь к науке, память хорошо усвоит и запечатлеет в себе то, что ты видел и слышал.

Если же мысли твои заняты другим, а науку ты ищешь из жажды накопительства, твое отношение к знаниям будет таким же, как отношение

мачехи к пасынку. Когда душа и мысли поистине благосклонны к науке, она и сама становится благосклонной – легко дается. С половинчатой благосклонностью она и воспринимается половинчато.

Во-вторых, изучая науки, ставь перед собой ясные и благородные цели, не стремись приобрести знания для того, чтобы иметь возможность спорить с другими. В разумных пределах споры помогают обрести твердость в убеждениях, но чрезмерное увлечение ими только портит человека. Потому что охотники до словесной перебранки чаще всего затевают споры не для выяснения истины, а чтоб блеснуть своими знаниями, одержать верх над другими. Такие споры рождают зависть, они не прибавляют человечности, не служат науке, напротив – сбивают людей с толку. Это – занятие смутьянов. Тот, кто сбивает с праведного пути сотни людей, не стоит мизинца того, кто возвратил на путь истины хотя бы одного человека!

Да, споры – один из путей науки, но тот, кто втягивается в них, рискует стать самодовольным спесивцем, завистливым сплетником. Такому человеку в спорах не чужды и ложь, и злословие, и брань, унижающие человеческое достоинство.

В-третьих, если ты добился истины, не отступай от нее даже под страхом смерти. Если твои знания не способны убедить тебя, не думай, что кто-то другой оценит их. Если ты сам не ценишь своих знаний, как ждать признания других?

В-четвертых, существуют два орудия, способствующие приумножению знаний. Одно из них – мулахаза, и другое – мухафаза. Эти способности должны находиться в непрестанном совершенствовании. Не усилив их в себе, не умножить знаний.

В-пятых, в девятнадцатом Слове сказано о четырех губительных недостатках ума, среди них тот, что называется беспечностью, праздностью ума. Душа моя, заклинаю, остерегайся этого зла! Оно губительно и для Бога, и для человека, и для разума, и для чести. Оно – враг всему! Но там, где жива совесть, этому недостатку нет места.

В-шестых, сосуд, хранящий ум и знания – характер человека. Воспитывай свой характер! Предавшись зависти, легкомудрию, то и дело попадая под влияние чужих речей и сиюминутных увлечений, можешь утратить твердость характера. Не будет пользы от учения, если нет надежного хранилища для знаний.

Для того, чтобы достигнуть намеченной цели и быть верным своему долгу, в характере человека должны быть постоянство, решимость, сильная воля, способные сберечь трезвость рассудка и чистоту совести.

Все должно служить делу разума и чести.

Слово тридцать четвертое «Разве это достойно звания человека?»

Все знают, что люди смертны, что смерть приходит не только за старыми, и, взяв кого-то, она никогда не возвращает его.

...Тот, кто хочет избежать мучений на этом и на том свете, должен помнить: не бывает в душе одновременно двух радостей, двух страстей, двух противоречий и двух горестей. Это невозможно. Тот, для кого земные радости и земные печали выше забот и радостей потустороннего мира, не мусульманин.

...Человек человеку друг. Потому что все в жизни – рождение, воспитание, чувство сытости, голода, печали, горя, форма человеческого тела, путь которым являешься на свет и которым уходишь из него – все у всех одинаково; и в другом мире – смерть, погребение, тление, допрос на Страшном суде – все общее. Как знать, проживешь ты еще пять дней или нет? Все люди гостят друг у друга, сам человек – гость в этой жизни, так стоит ли злословить, враждовать из-за богатства, завидовать чужому счастью, коситься друг на друга из-за пустяков?

Преклоняться не перед Богом, а перед человеком, молить не о благословении своего труда, а о том, чтобы добро для тебя было отнято у

других, разве с подобной просьбой следует обращаться к Аллаху? Разве создатель может ради одного унижать и обездоливать другого?

Не имея ни здравого ума, ни образования, не умея связать двух слов, упрямо настаивать на своем, тягаться с мудрыми – разве это достойно звания человека?

И что это за человек?..

Слово тридцать восьмое «Слова назидания детям»

Дети мои, утешение сердца моего! Вот написал несколько слов о человеческих деяниях и завещаю написанное вам, как память. Прочтите со вниманием, вникните в суть этих слов, и ваши сердца преисполнятся любовью. Любовь человека неотделима от его разума, человечности, знаний. Исходной, изначальной причиной этих свойств являются те совершенства, которые даются человеку от рождения – крепкое здоровье, прекрасная внешность, все остальное зависит от благородства отца и матери, от мудрых наставников и добрых друзей. Устремленность и понятливость порождаются любовью. А разум, человечность и знания будят в человеке интерес к науке.

Скверно, что многие родители, дурно воспитавшие своих детей, затем отдают их на попечение мулл, ибо пользы от этой учебы нет. Развращенные сызмальства дети не могут иметь интереса к знаниям, религии, почтения к своим наставникам. Не получится из них полноценных людей, добросовестных мулл, истинных мусульман. Самое сложное – воспитать в них человечность. Потому что Аллах – это путь истины, а искренность и правдивость – враги зла. Разве друг явится на приглашение, посланное через врага? Не добиться истины, если в душе нет любви к ней. Человеческие знания добываются любовью к истине, жаждой открытия для себя природы и сути вещей. Это не божие всезнание, любознательность и стремление к наукам дают человеку знания лишь соразмерные его рассудку.

Но прежде всего надобно возлюбить Аллаха. Известно, что Наука – один из ликов Всевышнего, потому и любовь к Науке – признак человечности и искренности. Не достигнуть вершин Науки, занимаясь ею для стяжательства, достижения корыстных, низменных целей. Пусть богатство, всеобщее уважение и слава сами найдут человека, только тогда они смогут стать достойным украшением его. А преклонение перед ними принижает человека, независимо от того, добьется он успеха или нет.

Если ты обрел любовь к истине, желание учиться – найди в себе внимательный слух и искреннее прилежание. Исповедующие ислам, прежде всего, должны знать, в чем заключается истина имана, ибо иман – это не слепое поклонение. Скажем, поверили мы в Бога, в то, что слова Корана – изъяснение его воли, что Мухаммед Мустафа, да будет благословенно его имя, является посланником его. Что нам дает такая вера? Ты веруешь в Бога ради него или ради своего спасения? Аллах велик и он не пострадает от твоего неверия. Если ты утверждаешь, что вера твоя необходима тебе самому, хорошо, значит, ты веруешь. Но если это – вера ради веры, пользы от нее тебе не будет. Твоя вера окажется поистине праведной, принесет пользу, когда ты сам этого жаждешь. Нужно знать, какими усилиями достигается осознанная, разумная вера...

Ты сказал, что веришь в Бога, в его лики и имена. Тогда ты должен знать его имена, понять величие сущности каждого из восьми его ликов, назвавшись мусульманином, почитать себя рабом Всевышнего и стараться подчинить свои помыслы его воле. Не тверди невежественно, что невозможно уподобиться Богу. Действительно, нельзя в точности воспроизвести творения Всевышнего. Но подражай во всем делам его, следуй указанным им путем. Вот светлейшие лики Аллаха: Жизнь, Наука, Могущество, Зоркость, Чуткость, Желание, Слово, Созидание.

Создатель наделил человека этими восемью ликами, но не в таком абсолютном совершенстве, каковым он сам ими обладает.

...Сила человека заключается в его разуме и знаниях. Могущество Всевышнего выражено в Науке и Милосердии. Хотя Милосердие не упоминается в числе восьми его ликов, оно поясняется смыслом следующих его имен: Всемиловитый, Милосердный, Сострадательный, Всепрощающий, Любящий, Защищающий, Покровительствующий, Благодетельный, Дарующий, Учтивый. Эти имена Аллаха подтверждают мои доводы. Логику моих изложений также подтверждает удивительная гармония сотворенного мироздания. Ведь все на свете создано так, что одно служит интересам другого. Неживые тела не чувствуют боли и служат пищей одушевленной твари; животные поддерживают жизнь разумных существ – людей; животные освобождены от ответа перед Страшным судом, а человек наделен разумом и властвует над всем. В том, что Бог создал человека способным держать ответ на Страшном суде, проявились его справедливость и любовь к человеку. Он создал образ человеческий отличным от форм червей, птиц, прочей живности, наделил человека лучшим сложением, поставил на две ноги, высоко расположил голову, чтобы он мог обзирать окружающий мир, чтобы он не пригибался и не брал пищу, как животное, дал ему две руки, которые служат голове; чтобы он мог наслаждаться ароматами, дал ему нос; чтобы он мог видеть употребляемую пищу дал ему глаза; чтобы защитить их от опасностей, дал веки; ресницы даны, чтоб уберечь веки от трения; брови – чтобы отвести от глаз стекающий со лба пот; язык дан для того, чтобы люди могли общаться, понимать друг друга и трудиться сообща. Разве это не свидетельство любви к человеку? Если кто-то любит тебя, разве ты не обязан отвечать ему тем же?

Вдумайся: солнце испаряет влагу, превращает ее в тучи, которые, проливаясь на землю животворным дождем, дают жизнь семенам, травам и цветам, радующим человеческий глаз и сердце; созревают всевозможные плоды, сахарные тростники, поддерживающие жизнь на земле; реки стекаются в моря и озера, утоляют жажду животных и птиц, служат обиталищем для рыб. Земля одаривает человека хлебом, хлопком, коноплей,

плодами и ягодами, хранит в себе ископаемые богатства; птицы дают человеку пух, мясо, яйца; животные – молоко и шкуру; вода – рыб, рыбы – икру, пчелы – мед и воск, черви – свой шелк. Производя эти богатства, никто и ничто на свете не скажет: «Это мое!» Все предназначено для блага человека. Фабрики и машины, созданные невероятным трудом, служат на радость и пользу человеку.

Разве это не проявление любви Всевышнего к человеку? Разве не долг человека отвечать любовью на любовь?

...Мы не задумываемся над тем, что доброта и справедливость – есть условия шариата, считаясь мусульманами, мы должны были быть верными последователями Аллаха, но разве мы следуем ему неукоснительно? Разве для нас недостаточно этих ярких, подобных небесным светилам доказательств заботы Аллаха о человеке?

Нам нравится видеть благодеяния других. Но себя мы не обременяем лишней заботой о ближних. Разве это не грешно?

Кто допускает зло, не препятствуя ему, тот не может считаться истинным мусульманином. Или же он мусульманин наполовину.

...Справедливость – мать всех благодеяний. Понятия совесть и честь исходят от справедливости. Справедливый человек непременно задумается и спросит себя: «Почему я одобряю добрые дела других, а сам не спешу принять в них участие». Разве это не свидетельство его справедливости и честности? Разве это не начало благих дел? Но почему, заботясь о людях, он не проявляет такой же заботы о Создателе?

Стремление к благотворительности порождается умением довольствоваться малым. Не теряйте чувства справедливости, не уставайте творить добро. Без справедливости нет ни веры, ни человечности. Как учит Аллаяр суфи, один порок рождает сто других.

...Не всякий ученый – мудрец, но всякий мудрец – ученый.

Традиционная вера приобретает с помощью наставления ученых, но благодаря просвещению мудрых, она перерождается в истинную веру.

Добиваются этого мудрецы, постигшие высший смысл мусульманства. Ученые же мирских наук не знают основ религии, хотя они добиваются истины и сумели раскрыть для себя тайны вселенной и человеческого бытия. Из семи условий шариата они способны признать лишь Аллаха, не могут отличить сторонников Аллаха от его противников. Пусть они не являются нашими духовными пастырями, но они заслуживают нашу признательность, ибо, как сказано пророком в Хадисе, лучшими из людей считаются те, кто приносит пользу окружающим.

Эти люди не знают ни сна, ни покоя, ни развлечений, они находятся в неустанном поиске полезных для человечества открытий, они добыли электричество, подчинив человеку энергию молнии, научились держать связь друг с другом на огромных расстояниях, заставили огонь и воду выполнять колоссальную работу, непосильную тысячам людей, они совершенствуют человеческий разум, учат нас отличать добро от зла, несомненно, мы во многом обязаны им.

...Мы не стремимся овладеть знаниями в целях наживы. Напротив, используем богатства на пути к овладению знаниями. Искусство – вот подлинное, неиссякаемое богатство, учиться ему – самое благородное дело. Знания должны служить справедливости и отвечать требованиям закона Божьего. Человек обязан быть благодетельным и не только восхищаться благотворительностью других, но и самому неустанно творить добро.

...Так знайте же, дети мои! Путь Всевышнего беспределен. И никому не дано преодолеть его. Тот, кто решился пойти по этому пути, считается истинным мусульманином....! Если ты намерен делиться с другими своими деньгами, скотом, знаниями, другими благами – это и есть путь Всевышнего, единственный путь, не знающий предела. Избравшие его считаются истинными рабами его, они могут питать надежду приблизиться к Богу. Какая надежда может быть у иного пути? Способности и намерения.

...Существуют три вещи, способные унижить весь человеческий род, которых следует избегать, это: невежество, лень, злодеяние.

Невежество – то есть отсутствие знаний, без которых ничего нельзя добиться; отсутствие знаний равняет человека со скотом.

Леность – злейший враг искусства; бесталанность, безволие, бесстыдство, бедность – порождение лени.

Злодеяние – враг человечества; причиняя зло другим, человек отдаляется от людей, уподобляясь дикому зверю.

Противоядие от этих пороков – человеколюбие, желание всеобщего благоденствия, твердость духа, справедливость, глубокие всесторонние знания. Направь свои знания на путь, указанный Аллахом, ибо Аллах не лентяй, огромными усилиями и старанием создал гармоничный совершенный мир. Твое дело тоже должно быть сделано с усердием и добрыми намерениями. Все, что создано Аллахом имеет свое назначение, плоды твоего труда тоже должны быть обращены на пользу людям. Иначе – любой труд бесполезен. И вера твоя – тщетна.

*Кунанбаев Абай. Слова назидания
http://bourabai.ru/articles/black_word.htm*

Исмаил Гаспринский (1851 – 1914) – крымско-татарский интеллигент, просветитель, издатель и политик, получивший известность и признание среди всего мусульманского населения Российской империи.

Родился в селе Авджикой Ялтинского уезда Таврической губернии (ныне Бахчисарайский район Крыма). Исмаил Гаспринский получил образование домашнее, в начальной школе (мектебе), в Симферопольской казенной мужской гимназии, в воронежском военном учебном заведении, а затем во 2-й Московской военной гимназии. В 1871 г. уехал во Францию. С 1874 по 1875 г. жил в Турции. Вернувшись в Крым, он был избран гласным (депутатом) Бахчисарайской городской Думы. С 13.02.1879 г. по 05.03.1884 г. – городской голова Бахчисарая.

С именем Исмаила Гаспринского связано основание и развитие просветительского движения народов исламского Востока – джадидизм, которое радикально изменило суть и структуру начального образования во многих мусульманских странах, придав ему более светский характер. И. Гаспринским были разработаны основы преобразования мусульманской этноконфессиональной системы народного образования. Его новые методы обучения с успехом применялись не только в Крыму, но и в Татарстане, Казахстане, Башкортостане, Туркменистане, Таджикистане, Узбекистане, Киргизстане, Азербайджане, Турции, Северной Персии и Восточном Китае. Им была написана и издана серия учебных пособий для национальных

новометодных школ. Наиболее известным из них стал учебник «Ходжа и субьян» («Учитель детей»).

Мировоззренческие принципы и идеи И. Гаспринского основывались на основе либеральной идеологии, прогрессивного развития общества, дружбы славянских и тюркских народов, конфессиональной терпимости христиан и мусульман, неприятия радикальных требований социалистов. И. Гаспринский выступал за эволюционные формы развития общества. Взгляды И. Гаспринского по общественной значимости стоят в одном ряду с идеями выдающихся просветителей и философов Джамалютдина аль-Афгани, Шигабутдина Марджани, Мухаммада Абдо, Гасанбека Меликова Задарби, Махмудходжи Бехбуди и др.

Что делать?

Часто приходится слышать, что становится трудно жить, что прежнего заработка и прежнего прока от него нет и что, вообще, свет стал хуже. Растерянность доходит до того, что многие, очертя голову, решаются на оставление насиженных мест, наивно полагая, что хорошо там, где нас нет. Свет теперь не хуже, чем был прежде, и устроить жизнь можно лучше, чем то могли сделать наши деды. Но необходимо умение. Одно желание жить без умения обставить себя ничего не даст. Полудикарь-скотовод на 10 десятинах земли не может прокормить свою семью в 5 душ. Ему нужно до 100 десятин, ибо он земледелия «не знает». Простой земледелец, татарин или русский, имея 10 десятин может довольно сносно жить, ибо он умеет пахать, сеять, выращивать огород. Более искусный земледелец, как например, француз, немец, англичанин при 10 десятинах накапливает богатство, ибо он лучше умеет пахать, удобрять, усиливать землю, знает, как и где что сеять, умеет хорошо выбирать семена, добывать воду и т.д. Те же 10 десятин в руках ученого человека могут дать целое состояние. Он, пользуясь всеми благами поверхности земли, узнает еще сам или через специалистов о содержании ее недр и, устроив ход-колодезь, будет добывать разную руду, каменный уголь и т.д. И так, кусок земли, ничего не стоящий в руках незнающего, стоит очень много в руках знающего. Земля, не дающая неумелому человеку, дает очень много умелому. Свет держится знанием. Жить – это значит уметь. Тоже явление в ремесленной и торговой деятельности. Зарабатывает тот, кто

лучше работает, кто лучше понимает торговое дело. Нельзя же продавать в наше время такие изделия, которые употреблялись 300 лет назад, нельзя же ожидать торгового успеха, открыв лавку на такой дороге, по которой давно перестали ездить. Нельзя также простым ножом выделывать вещи, которые другие мастера производят машинами. Все те люди, которые не умеют хорошо работать, не имеют современных орудий, не понимают происходящей торговой и экономической эволюции – будут недорабатывать, следовательно, не доедать и вынуждены будут жаловаться «на свет», «на времена», хотя дело не в них, а в нас самих. Если вы спросите – что же делать? Ответ один: учиться, знать, развивать ум. Только тогда руки сделают свое дело как должно. Человек, сойдя с колыбели, должен поступить в школу, в дом учения, знания, опыта и разного труда. Только пройдя эту школу, он может вступить на поле жизни, достаточно вооруженный. Что делать? Любя Бога и людей, творить добро (ради будущей жизни) и умело работать для обеспечения настоящей. Другого ответа я не знаю.

*Тарджеман. – 2 июня 1903 г. – № 21
Исмаил Гаспринский. Историко-документальный сборник. – Казань, 2006.*

Камалетдинов Парвазетдин Ямалетдинович (Зыяитдин Камалетдинов) (1873 – 1942) выдающийся просветитель, видный общественный деятель, богослов, реформатор ислама, писатель, родился в деревне Кляш Кара-Якуповской волости Уфимской губернии в многодетной семье бедного крестьянина.

Начальное образование Зия Камали получил в школе родной деревни, затем продолжил обучение в Уфе в медресе «Усмания». Во время учебы он удивлял своей памятью, знал все суры Корана, хорошо владел арабским языком и знаниями по исламской философии. После окончания курса обучения он был оставлен в медресе преподавателем богословских дисциплин на арабском языке.

Однако его влекли уже новые дали образования.

В самом начале XX века в мусульманском мире престижным считалось получить образование в Каире. В 1898 году Уфимское мусульманское благотворительное общество направило его на учебу в Стамбул. Оттуда он вскоре перевелся в Каир на философский факультет университета Аль-Азхар.

Одним из тех, кто оказал заметное влияние на Зию Камали, по его воспоминаниям, был Мухаммад Абду – видный религиозный деятель и

просветитель, один из лидеров национально-освободительного движения. Под его влиянием он решил посвятить себя науке и распространению знаний и сменил свое имя на Зия (Зияэтдин – «свет религии»), став убежденным сторонником просветительства, обновления ислама, европеизации быта мусульманских народов.

В октябре 1906 года Зия Камали основал в Уфе новое медресе «Галия», которое с помощью меценатов и передовой интеллигенции превратил в первое высшее мусульманское учебное заведение в России.

Благодаря своей научной и просветительской деятельности Зия Камали стал одним из популярных лидеров джадидистского движения. Он подвергался острой критике, а иногда и травле со стороны ортодоксального духовенства. Были даже попытки покушения на его жизнь. В 1908 году в Министерство внутренних дел поступил донос, подписанный 12 муллами, которые сообщали о том, что подготовка революционно настроенных учителей осуществляется, в частности, в медресе «Галия» под руководством Зия Камали. В медресе и в квартире Зии Камали не раз проводились обыски, арестовывались учащиеся и учителя, в том числе, в 1909 году, и сам Зия Камали. В 1936 году он был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и осужден на семь лет тюремного заключения. Скончался Зия Камали в самарской тюрьме.

Философия ислама

Всевышний Аллах и рациональное, естественное и моральное зло

Люди порой спрашивают: «Если Всевышний Аллах, который сотворил этот мир, является милостивой сущностью, благодатным радетелем, управляющим этим миром по законам мудрости и блага, то почему Он создал зло в мире? Не должно ли быть так, что творения доброго существа тоже должны быть такими же добрыми и хорошими? Однако в мире полно-полно зла».

Ответ. Зло (жестокость, бессердечность) бывает трех видов: рациональное, естественное и моральное. Рациональное зло своим происхождением обязано недостатку совершенства в дольном мире. Естественное или природное зло – это негативные природные явления и катастрофы, страдания, болезни, голод, вредные или ядовитые животные и твари. Моральное зло – это использование человеческой свободы для дурных дел, это сплетни, лжесвидетельство.

Ни один из этих трех видов зла не имеет отношения к Аллаху. Таким же образом их наличие никоим образом не наносит какого-либо вреда Всевышнему Аллаху, ибо рациональное зло по существу является недостатком, присущим природным феноменам и самой материи. Поскольку природа и материя не способны выдержать полного совершенства, то им придано ровно столько совершенства, сколько они способны вместить и удержать. Например, если ребенок появляется на свет с каким-либо физическим недостатком, то это значит, что данный недостаток присущ самой материи, обстоятельствам или состоянию здоровья родителей. Если родители употребляют ядовитые напитки или были заражены инфекционными болезнями, то вред будет нанесен и родящемуся от них ребенку, ибо он рождается, будучи носителем тех самых заразных микробов. Появившийся из такой материи ребенок, несомненно, родится больным заразной болезнью из-за того, что, например, беременная женщина насмеялась над больным или слабым человеком либо боялась его или испытывала к нему омерзение. Это оказывает влияние на нервную систему женщины, отражаясь на здоровье ребенка. Поэтому не остается места для обид на Всевышнего Аллаха. Ибо болезнь или уродство ребенка оказывается наказанием для родителей за их собственную невоспитанность. Что касается природного зла, то на самом деле это не зло. Ибо мы не можем знать все добро или пользу, заложенные в мире окружающей нас природы. Мы очень далеки от раскрытия всех ее тайн. Поэтому ясно, что здравый рассудок и чистая совесть не осмелятся назвать злом то или иное природное бедствие.

Скорее, природное зло приносит большую пользу человечеству. Например, болезнь и мучения – это природное зло. Но оно приносит моральные плоды. Ибо у больного человека снижается эго. Смирятся его гордыня, душа становится восприимчивее, а нравственность изменяется в лучшую сторону, и он направляется по пути стяжания божьего довольства и согласия. Где это видано, чтобы больное сердце было жадным, больная душа хвастливой, стремящейся к похотливым плотским утехам?

Таким же образом вредные животные, ядовитые травы, если посмотреть на них беспристрастно, не являются злом, поскольку они приучают людей быть осмотрительными, проживать свою жизнь в мире осторожно и осознанно и извлекать уроки и опыт из различных природных феноменов. Следует отметить, что многие из ядовитых растений с медицинской точки зрения являются лекарствами для больных. Известно, что ценные препараты были получены в лабораториях из ядовитых веществ.

Следует также сказать о том, что люди подвергаются вредным воздействиям природы и по собственной воле. Это происходит потому, что они нарушают законы мироздания, установленные Всевышним. В результате их поражают разные болезни, после чего люди становятся пленниками в руках докторов. В конце концов они оказываются на смертном одре... Поэтому естественно-природное зло возникает или рождается из самого человека. Так что нет никакого смысла обижаться на Всевышнего Аллаха за зло, которое возникло как результат поступков и деяний самого человека. Нравственное зло возникает оттого, что люди используют данную им свободу воли на путях порока. Поэтому то, что называется нравственным злом, оказывается порождением присущей людям свободы воли и представляет собой поступки и деяния, которые противоречат воле Аллаха и его повелениям. Поэтому нравственное зло является не чем иным, как творением самого человека.

Таким образом, бессмысленно обижаться на Всевышнего Аллаха. Ибо обижаться на существование нравственного зла значит быть не согласным с тем, что человеку присуща свобода воли. Это все равно, что говорить: «Господи! Почему только Ты дал мне свободу! Почему Ты не сотворил меня несвободным и безвольным, подобно камням и минералам».

То, что человеку дарованы трезвый ум, свободная воля и различные чувства, как и то, что ему дана совесть, склоняющая его к хорошим и полезным делам и удерживающая его от совершения плохих поступков, уже само по себе означает, что человеку преподнесены все блага и вся польза. И

поэтому жалобы и сетования на существующее положение дел противоречат человеческой нравственности. Следовательно, в мире нет абсолютного или истинного зла. Если нам что-то и кажется злом, то на деле это оказывается проявлением божественного милосердия, содержащего в себе мудрость и пользу: «И Аллах – Знающий, Мудрый».

Всевышний Аллах и вредные вещи

«Если Всевышний Аллах является обладателем бесконечной мудрости и воплощением абсолютного знания, то все, что только есть на земле должно быть основано и выстроено на фундаменте пользы и мудрости. Но на самом деле, как мы видим, многие вещи и явления совершенно бесполезны и даже вредны. Например, змеи, скорпионы, свиньи, являющиеся переносчиками таких болезнетворных микроорганизмов, как трихинеллы, сальмонеллы и др. У мужчин имеются совершенно бесполезные соски, существуют различные смертельные для человека газы, дожди идут, когда они совсем не нужны, саранча и другие вредные насекомые уничтожают урожай, выращенный человеком... А еще есть ветры и ураганы, молнии...» Подобные вопросы задает человеческая душа. Но они возникают лишь по причине того, что человек обладает очень малым знанием, ибо он совершенно несведущ в том, что касается тайн мироздания. Он не способен отличить всеобщую пользу от частной выгоды. На пользу и выгоду он смотрит через призму собственных интересов. Если знание и просвещение расширят свои границы в мире людей, то подобные вопросы не будут занимать их умы. Тогда со всей очевидностью проявится истина, согласно которой то, что считалось лишним, или то, что считалось вредным, на самом деле было сотворено для той или иной пользы в материальном или духовном плане. Тогда перед человеческим взором предстанут неисчислимые тайны и мудрость, скрытые в мире природы. Подобно тому, как бытие является абсолютным добром, так

и все, что только есть в подлунном мире, поставлено на службу человеку: «И скажи: «Господь мой, преумножь мои знания!»»

*Камали, З.Д. Философия ислама в 2 т. / Зыяэтдин Камали.
Т. 1.: Часть 1. Философия вероубеждения. – Казань: Татарское книжное изд-во,
2010. – 319 с.*

Гаяз Исхаки (1878 – 1954) – деятель татарского национального движения, писатель, публицист, издатель и политик. Учился в медресе города Чистополя и Казани. Гаяз Исхаки начал свою литературную деятельность в конце XIX-го века. Его первое произведение «Радости познания» вышло в свет в 1896 году и имело огромный успех среди читателей.

Семьдесят лет имя Исхаки было под строжайшим запретом, и не одно поколение татар выросло, ни разу не слышав имени великого и талантливое писателя. Наследие Исхаки велико и многогранно: десятки романов, повестей и пьес, сотни статей.

Как основное определяющее качество литературных героев Гаяза Исхаки, на первый план выходит духовность. Она в большинстве случаев проявляется как отражение нравственных аспектов ислама. В процессе воспитания у татар чаще других применяли два понятия «иман» (вера) и «оят» (стыд). Слово имансыз означало не только «безбожник», но и безнравственный, невоспитанный, дикий, грубый, т.е. нравственность, духовность и ислам очень тесно связанные понятия. Гаяз Исхаки не был фанатично преданным религии. Он был ярким представителем джадидского движения, глубоко понимал, какую роль сыграл ислам в течение веков в формировании нравственных устоев татарского народа, в воспитании личности. Поэтому, в его произведениях красной нитью прослеживается морально-нравственные принципы ислама. Первая сура Корана призывает: «Учись!», и первое произведение Исхаки «Свобода в обучении, или счастливая жизнь в изучении наук» (1897) показывает читателям, что дает знание герою повести Халиму, чего он достигает в жизни.

Книга «Вырождение двести лет спустя» (Ике йоз елдан сон инкыйраз), написанная в 1902 году и напечатанная через 2 года в значительно усеченном царской цензурой виде, совершенно четко обозначила роль Гаяза Исхаки в болгарской литературе. Собратья по перу и критики признали за ним право занимать одно из самых почетных мест в негласной «табели о рангах» болгарской культуры.

Вырождение двести лет спустя

Послесловие

...Мы постоянно обманывали сами себя, пребывая в самодовольстве. И сейчас самообман, нежелание смотреть правде в глаза тормозят наше движение вперед.

Наш век – это время, когда другие народы изобретают невиданные доселе машины и механизмы, совершают все новые и новые, подчас непостижимые для человеческого ума научные открытия. С другой стороны, численность населения в мире непрерывно возрастает, жизненные блага становятся все более дорогим удовольствием. В этих условиях для того, чтобы не отставать от других народов, мы должны добиться, во-первых, соответствия нашего уровня знаний мировым стандартам, а во-вторых, работать не меньше и не хуже остальных.

К сожалению, пока мы не можем похвастаться ни тем, ни другим. Если будем жить по-прежнему, не видать нам успехов и достижений как своих ушей. И не надо сравнивать наше время с прошедшими эпохами. Тогда все народы были в одинаковом положении, т.е. не могли пользоваться современными достижениями цивилизации, которые очень облегчили человеческую жизнь. Теперь же с помощью этих достижений они движутся по пути прогресса семимильными шагами. Совершенно очевидно, что та нация, которая окажется не в состоянии идти с другими в ногу и соответствовать требованиям нового времени, в конце концов ослабеет и одряхлеет до такой степени, что просто будет поглощена другими. Упорное стремление сохранить все по-старому не сулит нам счастья. Наша жизнь все равно изменится, и дело лишь в том, каким образом. Если мы пустим все на самотек, последствия будут непредсказуемыми, а точнее говоря, страшными. Короче, пока у нас еще есть воля к жизни, мы должны отбросить пришедший к нам с конфуцианством принцип «все новое – ересь» и спешить приобретать знания, которыми уже обладают передовые народы. И первый шаг на пути к этому – обучение в русских школах.

Не следует ругать тех учащихся русских школ, за то, что они одеваются по русской моде и критикуют вещи, которые многие из нас считают святыми в соответствии с конфуцианским вероучением. Пора уже научиться сдерживать раздражение и гнев, тем более что мы прекрасно видим, как время Кышкара и Сатыша³ безвозвратно уходят, а на смену ему спешит эпоха тех, в кого сейчас летят стрелы осуждения и хулы.

Народ наш все более и более впадает в бедность и нужно серьезно взяться за решение этой проблемы. Богатство народа определяется его физическими затратами на труд, или, иначе говоря, объемом выполненной им работы. Этот объем зависит от умения работать, а для того, чтобы уметь, необходимо знать. Но только не надо делать вид, что мы и так всему обучены. Наши знания несопоставимы с уровнем образованности других народов. Вот почему мы должны, нет, мы обязаны определять своих детей в технические учебные заведения. Мы должны устраивать в такие училища бедных людей, в конце концов, сами поступать туда. Давайте же будем соответствовать времени, приносить конкретную пользу нации! Если есть деньги, можно открыть собственные промышленные училища. Если нет, надо поступать в государственные, главное, чтобы мы получали нужное для жизни образование. То же относится и к коммерческим школам. Мы обязательно должны изучить науку торговли, перестать довольствоваться продажей шапок и тюбетеек, перейти к масштабным торговым операциям, знать бухгалтерию, вести торговую деятельность рационально. Нужно овладевать и другими науками, которые преподаются в государственных учебных заведениях: медициной, юриспруденцией, историей, математикой, архитектурой, искусством живописи – в общем, всем, чем возможно. Лишь в таком случае мы сможем открыть дорогу к так нужным нам денежным средствам и расходовать их сообразно потребностям. И тогда мы уже не будем вынуждены обивать пороги в поисках финансовой помощи.

³ Кышкар, Сатыш – крупные аулы в Заказанье, в которых находились известные медресе.

Ну а если предпочтем жить по старинке, то потеряем и то невеликое богатство, которое пока у нас есть. Нет общественного богатства – значит, ничего нет. Обнищавшая нация сначала теряет мораль, потом религию и, наконец, самое себя. Это многократно доказано историческими прецедентами. Самые развитые народы современности являются и самыми богатыми и цивилизованными. Во времена Аббасидов⁴ арабы жили в достатке и благополучии, были самым цивилизованным народом. Но лишь только истощилась государственная казна и наступил период обнищания, исчезла и славная арабская цивилизация. Их счастье, что как народ они все-таки сумели выжить.

Для национального прогресса необходимы прежде всего финансы, а они придут только в том случае, если мы постигнем премудрости технического, профессионального образования. Поэтому когда мы учреждаем обычную школу, при ней следует открыть и специальные классы для изучения тех или иных профессий и ремесел. Чему бы ни учили в школе, все это должно быть применимо в жизни.

У нашего народа есть странный предрассудок: мол, чем больше человек учится, тем дальше он отходит от религии. Об этом очень часто говорят, особенно улемы. Стоит только кому-то совершить конкретное дело, самостоятельный поступок на ниве просвещения, и тут же улемы, а вслед за ними и простые люди начинают твердить, что образованные люди непременно сначала лишаются национальных нравственных устоев, а затем, постепенно теряют и религиозность. Так обычно говорят об учащихся государственных школ и училищ, хотя при встрече те же самые критики подобострастно обращаются к ним не иначе, как «господин мурза». По моему, такое отношение к образованию происходит от незнания ислама, от

⁴ Аббасиды – династия арабских халифов, пришедшая на смену Омейядам (661 – 750). Первым ее представителем был Ас-Саффах (749 – 754), последним (в Багдаде) – Аль-Мустасим, зверски убитый монгольскими захватчиками под предводительством Хулагу (1258). Рассвет правления Аббасидов пришелся на VII – IX вв. При халифе Аль-Муктадире, мать которого была тюркского (возможно, болгарского) происхождения, было организовано посольство халифата в Булгарское государство. Его участник Ибн Фадлан оставил интереснейшие «Записки» (Рисаля) о путешествии в болгарские земли.

того, что конфуцианство, принесенное нам из степей Каракорума⁵, пустило у нас слишком глубокие корни.

В наших личных документах записано «мусульманин», и мы всегда активно протестуем против ущемления нашей религии, однако на деле так рьяно защищаемые нами «святые» принципы представляют собой конфуцианские догмы ничего общего не имеющие с исламом. Нам давно пора понять, что все эти разговоры о неприемлемости для мусульман русского стиля в одежде и обучения в русских школах никак не связаны с защитой ислама, они просто лишней раз свидетельствуют о засилье конфуцианского менталитета, который по своей природе не терпит перемен.

Тринадцать веков назад исламская религия установила принцип обязательности образования. И неужели по причине того, что сын некоего Ахметзяна, закончивший Кышкарское медресе, и сын Фахри-муэдзина, несколько лет «пасший стадо» в Бухаре, стали «солидными» муллами, а отпрыск Дамина-хазрата, вернувшись из Египта, провозгласил себя ишаном, – неужели лишь по этой причине образование стало запретным, богопротивным делом? Следуя такой логике, нужно признать, что и сама религия запретна. Вот до какого абсурда доводит конфуцианство на нашей родной почве! Впрочем, вы конечно же возразите в том духе, что если принцип единства времени был безусловным 1300 лет назад, то стал неприемлемым в наши дни, а принцип единства места был обязателен в Азии, но ни в коем случае не в Европе и т.д. и т.п. Однако чтобы вы не говорили, какую бы схоластическую белиберду в свое оправдание ни приводили, все это признаки вашей приверженности не исламу, а именно конфуцианским верованиям. Если вы утверждаете обратное, то тем самым клеветаете на ислам, и за это будете держать ответ в Судный День...

У нас на пятнадцать миллионов человек нет ни одного настоящего медресе, ни одного профессионального училища, ни одной газеты. А ведь те же финны, которых всего-то два-три миллиона, издают 200 газет и журналов.

⁵ Каракорум – ставка монгольских (татарских) ханов до правления Кубилая.

В каждой финской деревне есть начальная школа в настоящем смысле этого слова, в городах – сама средних школ и профессиональных училищ.

Вообще количество учащихся в европейских учебных заведениях огромно. Их наиболее талантливые выпускники знамениты на весь мир. Балканские болгары, численность которых очень мала, и то доказали всем свою самостоятельность, послали своих детей учиться за границу, и их теперь можно встретить в крупнейших учебных заведениях самых передовых стран. Болгары неустанно трудились и трудятся на благо своего народа, во имя, его счастливого будущего. А что же мы? Разве мы не нуждаемся в людях способных, талантливых, людях с широким кругозором и патриотически настроенных? Чем мы занимаемся? Может быть, надеемся на то, что таких личностей взрастят медресе в Кышкаре, Сатыше, Сабахе или в тех, что построены в самых грязных уголках Казани и возглавляются муллами-неудачниками? Смогут ли наши педагоги и теологи освободиться от пут средневековой схоластики и формальной логики, выбросить как ненужный хлам книги, в которых на редкость бестолково изложены мысли умерших 2000 лет назад Платона и Аристотеля? Достаточно ли у них для этого смелости и решимости?

Откройте же глаза пошире, господа? Перестаньте заниматься начетничеством и буквоедством! Задумайтесь хотя бы о причинах прогресса европейцев, прочитайте несколько страниц из книг по всеобщей истории. О Всевышний, откуда эта слепота, нежелание видеть цивилизацию, сверкающую как солнце, да еще почти под самым боком?

Повезло европейцам! Если бы они вовремя не избавились от мертвой схоластики, которая и их держала в своих объятиях очень цепко, они, как и мы, находились бы в пропасти невежества, нищеты и мерзости.

До каких же пор мы будем изучать «Кади», «Тахзиб», «Мубин», «Тураб» и им подобные книги, которые уже давно следовало бы переработать в бумажные пакеты? До каких пор мы намерены забивать свои

головы «исследованиями» идейных споров хариджитов⁶, исчезнувших ровно 1285 лет назад? В конце концов сколько еще времени мы, упорно не признавая наше невежество, будем брести неизвестно куда, в полной темноте, как слепые, без руля и без ветрил?

Стыдно, господа, очень стыдно! Разве мы не потомки тех деятельных и энергичных болгар, которые в свое время строили такие совершенные во всех отношениях города, как Булгар, справедливо и разумно правили, успешно торговали и путешествовали по всему миру? Неужели взаправду мы уподобились живым мертвецам, не сознающим, кто они?

Ведь если мы найдем приложение хотя бы небольшой части наших способностей, мы сможем удвоить пользу от каждого совершенного нами дела. Очень мало на свете народов, наделенных такими талантами, как мы, болгары. Даже те немногие из нас, кто поступает в русские школы, считаются там одними из лучших учеников.

Самое важное – мы должны четко уяснить, что и как должны делать в первую очередь. Определив основное направление, мы сможем приняться за исправление и оздоровление нашей жизни. Главное – активные действия. Без этого самые благие намерения пойдут прахом. Иные говорят: «Спешить не надо, со временем все придет само». Такие либо не понимают сути происходящего, либо преследуют свои личные интересы. Как не бывает дохода без реализации товара, так не будет и никакого национального прогресса, прежде чем мы не возьмемся самым серьезным образом за дело образования. Наши школы дают детям лишь начальное образование, поэтому далее нужно продолжать обучения в русских школах. Ничего, если при этом немножко «запачкаемся». Умный человек всегда сумеет очиститься от «скверны». Но не вызывает сомнения то, что человек, отупевший в наших медресе от бесконечных схоластических упражнений, не сможет помочь своей нации, напротив, он будет камнем висеть на ее шее, не давая распрямиться.

⁶ Хариджиты – одна из первых сектантских групп в Исламе.

Некоторые ратуют за то, чтобы ехать за образованием в Турцию. Но они глубоко заблуждаются. Хотя у турков период осознания необходимости реформирования учебных заведений и практической работы в этом направлении уже завершился, однако по причине всемогущества и всевластия в них улемов (которые вообще стали настоящей напастью всех мусульман) реформы так и не были доведены до конца. К тому же мы живем в России и для нас обучение в русских школах, знакомство с русской духовной жизнью гораздо полезнее. По-моему, в этом нет сомнения.

Мы – российские мусульмане и хотим ими остаться. Ни одной покоренной нации ни в одном государстве не дано столько свободы, сколько нам в России. Нужно только уметь ею пользоваться. Неужто у нас и на это не хватит сил и страсти? О, Боже, спаси нас от засилья мракобесия и направь по пути культуры и просвещения. Пусть у нас всегда будет основание с гордостью говорить: да, именно мы – потомки тех людей, которые прославили наш народ во всем мире!

Мухаммед-Гаяз Исхаки, 27 ноября 1902 г.

Оренбург, квартира Ильина.

*Мухаммед Гаяз Исхаки. Вырождение двести лет спустя.–
Москва: Издательская группа Булгар Иле – 2004*

Мажит Гафури (Гафуров Габдельмажит Нурганиевич) (1880 –1934) – народный поэт Башкортостана, классик башкирской и татарской литературы.

Родился в деревне Зилим-Караново Стерлитамакского уезда Уфимской губернии (ныне в Гафурийском районе Республики Башкортостан) в семье сельского учителя.

Для того, чтобы лучше понять мировоззрение писателя, основную идею-тематику его произведений, необходимо узнать, где автор получил образование, кто был его учителями, в какой обстановке оно создавалось, что повлияло и т.д.

«М. Гафури, как и многие его современники, получил прекрасное традиционное религиозное образование в медресе Утяш (1893 – 1895), Старо-Киишки (1896), «Расулия» (1898 – 1904), «Мухаммадия» (1906), «Галия» (1906 – 1909). Его наставниками были такие известные религиозные деятели, – как Зайнулла Расули, Зыя Камали, Галимьян Баруди и др. Все это определенно повлияло на его дальнейшее мировоззрение и творчество.

Если в своих первых произведениях М. Гафури стремился показать невежество шакирдов и отсталость методики обучения в медресе, то уже в стихотворении «Наука», написанном в 1903 году поднимается вопрос о необходимости обществу образованных и прогрессивных людей.

В поисках духовной силы М. Гафури обратил свой взор на религию. Потому что «с одной стороны, религия – это средство защиты от страха людей, бессильных перед силами природы и общества. С другой стороны, религия – это мощный положительный регулятор общественного поведения людей; верный хранитель нравственных идеалов, обычаев, традиций; неутомимый проповедник единства человеческого рода, высоких общечеловеческих ценностей, миролюбия, любви, терпимости, духовности человека».⁷

Повесть «Черноликые» – одно из самых сильных произведений М. Гафури, которое направлено против традиций религиозного фанатизма. Служители шариата для Гафури всегда подразделялись на два типа: истинные ученые-муллы и муллы-невежды. Поэтому характеристика в повести служителей религии – это вовсе не нападки на суть ислама, а критика отдельных его недостойных представителей.

Сейчас мы по иному понимаем, основную мысль Гафури, заложенную в этой повести – причины трагедии коренятся не в шариате, ведь в Коране нет запрета на любовь, на счастье с любимым человеком, на семью, а во всем виноваты люди, которые по своей природе способны совершать безнравственные поступки, прикрываясь при этом религиозными постулатами.

Повесть заставляет читателей задуматься о человеческой природе, о внутренних мотивах наших поступков.

Черноликые

IV

Я вышел за ворота нашего дома.

Вся деревня гудела. Народ собирался толпами. У каждого на устах были только Закир и Галима. Обычно деревню поднимали на ноги такие события, как пожар в бане, чья-нибудь внезапная смерть или то, что кто-нибудь из сельчан забил украденную им козу. Но вчерашняя новость по значительности и чудовищности превзошла все доселе известное. Все, кто мог выйти из дому – старики и молодежь, мужчины и женщины, ребяташки,

⁷ Галимов Б.С., Селиванов А.И. Философия: Учебное пособие / Изд. 2-е, испр. и доп. – Уфа, 1999. – С.8.

– толпами валили к дому муллы. Только мои родители да тетя Хамида с дядей Фахри сидели дома, стыдясь и опасаясь выйти на люди.

Постояв некоторое время за воротами, я вышел на улицу. Люди, проходившие мимо, презрительно поглядывали на дом дяди Фахри, как бы говоря: «Этот дом проклят».

Парни помоложе роняли, проходя мимо меня:

– Красивые девушки часто бывают такими!

– Она держала себя слишком гордо!

– Галима не пряталась от мужчин!

– Дом развратницы Галимы!

Набожные старушки бормотали:

– О господи, наставь их на путь благочестия!

– Если бы твое дитя принесло в дом такой позор, что стала бы ты делать?

– Ведь занимаются блудом, накликая беду на деревню?

– Как они бога не боятся?!

– Уж если не боятся бога, то постыдились бы людей!...

Я не слышал ни одного слова сочувствия Галиме, ни одного голоса в ее защиту. И меня обуял страх: как бы их не забили до смерти... Ведь в прошлом году в соседней деревне убили одного конокрада. Как бы и их не погубили!

Не прошло получаса, и люди, как черное воронье, окружили дом хазрета. Они стояли, будто в ожидании выноса покойника. Жители деревни нетерпеливо ожидали «веления шариата» по поводу Галимы и Закира и хотели видеть, как они будут наказаны.

Вскоре в дом хазрета вошли все хальфы. Народ дал им дорогу. Многочисленный конвой вывел Закира из дома сторожа. Заметив Закира, толпа подалась навстречу и вмиг окружила его, с таким интересом, словно впервые в своей жизни видели необыкновенное существо, называемое Закиром. Он, бедняга, опустив голову, остановился в гуще толпы.

Из толпы кричали громко, чтобы он слышал:

– Вот так парень – взял девушку без свадьбы!

– Если справлять свадьбу – деньги уйдут... А так – легко!

– Шагай быстрее! Вчера ты, верно, был очень быстр...

– Сегодня у парня голова опустилась!

Злобные выкрики толпы заставили меня задрожать от страха. Я не верил, что это мои односельчане. Они казались чужими людьми, врагами Галимы и Закира, нашими врагами.

По мере приближения Закира к дому хазрета толпа росла и громче становились издевательские выкрики. Вдруг кто-то закричал в толпе:

– И Галиму вывели!

Люди повалили на соседнюю улицу.

Галиму я увидел только издали – она шла, закрыв лицо платком и опустив голову. Мне показалось, что она стала еще меньше, чем вчера...

Толпа мгновенно окружила Галиму. Послышались возгласы:

– Вот она!...

– Притворяется, будто сегодня ей совестно! Бесстыдница!

– Блудница, накликающая беду на деревню!...

– И натворит же такое девушка!...

– Красивые девки все греховодницы!...

Не в силах наблюдать эту тяжелую картину, я повернул домой. Меня обогнали торопившиеся куда-то крестьяне. Один из них сказал:

– Вероятно, старик Фахри дома.

Я понял, что они посланы за Фахри, и почти побежал следом к дому дяди.

Они бесцеремонно вошли в дом дяди Фахри и без всякого приветствия сказали:

– Иди, Фахри-абый, тебя зовет хазрет, тебя там ждут!

Дядя Фахри вначале ничего не ответил. Он побелел, и губы его затряслись.

– Зачем я нужен там? – произнес он с трудом. – Мне до них нет дела. С сегодняшнего дня она не дочь мне. Пусть делают с ней что хотят.

Испугавшись посланцев хазрета и жестоких слов Фахри, тетя Хамида снова стала плакать.

Но посланцы сурово взглянули на Фахри и заявили с видом людей, полных решимости довести важное дело до конца:

– Нас это не касается. Разве и ты идешь против слов хазрета, против велений шариата?

Услышав слово «шариат», дядя Фахри задрожал, будто он оказался перед лицом какой-то страшной неизбежности. Он качнулся несколько раз из стороны в сторону, как человек, потерявший собственную волю, и взглянул на тетю Хамиду, потом на остальных, умоляя о помощи.

Тетя Хамида молча плакала. Она поникла, онемела, понимая, что против приказа хазрета ничего не поделаешь. В комнате наступила тишина.

После долгого молчания один из пришедших сказал:

– Фахри-абый, поскорей! Не заставляй хазрета и народ ждать тебя. Они, вероятно, хотят спросить у тебя что-нибудь... Нельзя идти против велений шариата.

Его спутник заметил:

– Гонцов не винят, посланцу нет смерти! Фахри-абый, мы пришли по приказанию хазрета. Если не пойдешь с нами, за тобой придут другие и поведут тебя. Народ очень взбудоражен.

Дядя Фахри снова задумался и жалобно посмотрел на тетю Хамиду. Я никогда в жизни не видел его таким кротким, взывающим к жалости.

Тетя Хамида проговорила испуганно:

– Сходи уж... Наверно, богом так назначено... Нельзя избежать того, что предопределено судьбой.

После совета жены дядя Фахри медленно поднялся, напоминая всем своим жалким видом овцу, которую ведут на убой.

– С каким лицом я покажусь народу? Вот какие дни суждено мне пережить!... На старости лет я опозорен так, как никогда никто из наших предков! – И, медленно ступая, он скрылся за дверьми.

Я шел за ними до тех пор, пока они не пропали в толпе. Фахри вошел в толпу, низко опустив голову.

Я решил было постоять в сторонке, подождать, что будет с Галимой. Но мне не пришлось долго стоять. Некоторые женщины и парни показывали на меня пальцем и разглядывали меня так, будто и я причастен к этому делу. Это удручающе подействовало на меня, но было бы еще полбеды, если бы все так и кончилось. Но жена хромого Насыра, тыча пальцем в меня, вскричала:

– Вот пришел каенеш Закира! Он, наверно, решил встретить зятя и сестру.

Какая-то женщина прибавила:

– Он ждет, когда зять даст ему перочинный ножик. Ведь во второй день после прихода жениха в дом он дарит перочинный нож!

– Зятя, которые дарят перочинные ножи, находятся не за клетью, а внутри клетки, за занавеской... – хихикнула третья женщина.

Ко мне подбежал щербатый мальчишка.

– Ты что, получил перочинный ножик с красным черенком? – спросил он.

Я не выдержал, сжался в комок от стыда и убежал.

Спустя некоторое время на улице поднялся шум. Слов нельзя было разобрать, голоса сливались, образуя сплошной гул, какой обычно бывает на людных базарах. Гул ширился и вскоре охватил всю улицу.

Я выглянул за ворота и увидел человеческий поток, двигавшийся в нашу сторону. Впереди всех вели Галиму и Закира. Платок ей повязали так, чтобы он не закрывал лица. Оно было вымазано сажей, левая рука девушки привязана к правой руке Закира, а его лицо так густо покрыто сажей, что виднелись одни глаза.

Я обомлел от страха. Галима ступала безвольно, слепо, как лунатик. Поток людей нес их, будто щепу. Когда они приблизились к дому дяди Фахри, народ задержал их, оглашая утренний воздух криками:

- Смотрите на их черные лица!
- Пусть это послужит всем уроком!
- Губители народа!
- Попирающие шариат!
- Развратники!

В толпе стучали камнями по доскам, в Галиму и Закира летели старые лапти. Девушка согнулась, теряя сознание, но ее подхватили под руки и подтолкнули вперед. Она уже не плакала, стояла молча, не издавая ни звука. Изредка на ее черном лице испуганно сверкали белки, но глаза тотчас закрывались, – она страшилась озверевших в своем фанатизме людей.

Из дома выбежал дядя Фахри – он недолго пробыл у хазрета – и бросился к Галиме. Он ударил ее по щеке и плюнул дочери в лицо.

– Чтоб тебя не было больше в моем доме! – Закричал он исступленно. – Чтобы ты не переступала моего порога! Уходи куда хочешь!

Он повернулся и скрылся в воротах своего дома. Гнев дяди Фахри был неопишем.

Галиму и Закира снова повели по улице. С новой силой возобновились выкрики и издевательства.

Все время мои родители оставались дома. Я не знал даже, видят они в окно это тяжелое зрелище или нет. Но когда толпа миновала наш дом, мать выбежала за ворота и, застегивая на ходу шубу, догнала толпу. Она была возбуждена и без умолку повторяла:

- Водят людей, как медведей на привязи! Опозорили невинных.
- Выйдя за ворота вслед за матерью, отец пробовал остановить ее.
- Напрасно идешь, – бормотал он. – Видишь, они взбешены, как собаки, как бы и тебя не растерзали.

У отца трясся подбородок и голос дрожал, как у человека, готового заплакать. А толпа смеялась над моей матерью.

– Может быть, ты сама была главной сватьей? – кричали ей. – Вот как она защищает их!

Толпа повернула на соседнюю улицу. Я боялся за мать, опасаясь, как бы разъяренная толпа и впрямь не избилась ее. Не зная, что придумать, я последовал за отцом в дом. Опустив голову, отец повторял:

– Ах, пропала, бедняжка! На всю жизнь сделала себя несчастной... Есть ли что-либо тяжелее этого?

Видя, как велико смятение отца, я предался горестным и странным размышлениям, в которых и сам не мог разобраться.

«Вот какова жизнь, – думал я, пораженный. – Девушка с парнем не могут остаться наедине хотя бы на одну минуту, не могут поговорить сердечно! Зачем это так, отчего это событие перевернуло вверх дном всю деревню? Ведь они не бывают так взбешены, даже поймав вора с поличным. Воров не водят по улицам, вымазав их лица сажей. Над ними так не глумятся, и вся деревня не бежит следом за ними!»

Несчастье Галимы и отвратительное уличное зрелище поселили в нашем доме могильную тишину и уныние. Всегдашней радости не было и в помине, и казалось, что отныне навеки наступила безотрадная, тяжелая жизнь. В ушах звучали гнусные голоса обвинителей Галимы, перед глазами стояли их омерзительные лица. Казалось, что в самой душе, оскверняя ее, отпечатался их страшный облик. Вместе с тем я не мог забыть и самой Галимы в окружении бушующей толпы, ее лица, вымазанного сажей, ее скорбных глаз.

«Нет, лица ее истязателей, хоть и не коснулась сажа, были чернее лица Галимы...».

XXIII

Все приготовления были окончены, и наступил день отъезда.

... Среди наступившего молчания дядя Фахри добавил:

– Пусть учится. Вот мы погибли из-за невежества. И не только сами погибли, но и других загубили. Хоть и каешься в том, что сделал по невежеству, да поздно, дело уже сделано.

Габдулла Тукай (1886 – 1913) – татарский народный поэт, литературный критик, публицист, общественный деятель и переводчик.

Родился в деревне Кушлавич Казанского уезда Казанской губернии в семье муллы.

Жизнь татарского народного поэта Габдуллы Тукая была подобна кратковременному весеннему грозовому дождю, который, обмывая и орошая землю, прошел мощным и бурным потоком. Между временем написания первого стихотворения «В саду знаний» и последнего – «Школа», за четыре дня до смерти, 11 апреля 1913 года, прошло всего-навсего семь лет.⁸

В своих первых стихотворениях Тукай призывал татар освободиться от многовековой беспробудной спячки, воспользоваться плодами «цветника знаний», занять подобающее себе место на ниве просвещения, бороться с невежеством, отсталостью и темнотой.

В стихотворениях «Шакирд, или одна встреча» (1906), «Две дороги» (1909), «Гнет» (1911), «Картофель и просвещения» (1912) и в других ярко отразились демократические и гуманистические взгляды Тукая на роль и развитие просвещения.

Шакирд, или одна встреча

Бродил я по улицам в посвисте вьюг,
И в белой поземке заметил я вдруг:

Какой-то школяр на учебу идет,
Слегка отдохнет на снегу – и вперед;

Шагнет, остановится, снова шагнет,
Мороз его жжет, и метель его гнет.

Он в валенках старых, продрался бешмет;
А все-таки в школу бредет – не одет,

Дрожит он в лохмотьях пальто своего,
А ветер насквозь продувает его.

Мне стало несчастного мальчика жаль,
Вскипели в душе моей гнев и печаль.

⁸ Габдулла Тукай. Избранное. – Татарское книжное издательство. – Казань, 1969. – С. 420.

Желая хоть чем-то его ободрить,
Таковыми стихами я стал говорить:

«О маленький праведник, ангел земной,
Для нации ставший надеждой одной,

Ты, рваный, своей нищеты не стыдись,
И стоптанных валенок ты не стыдись,

О ласке забудь, и о детстве забудь, —
В упорном ученье твой истинный путь.

А бедность пусть гордостью станет твоей,
Не стоит ни плакать, ни думать о ней;

Шли умные люд еще и до нас
Дорогой, которой идешь ты сейчас.

Ты знай: этот мир — это мир нищеты,
Неправды, насилия и темноты.

Но счастье в грядущем его озарит,
И путь тебе к этому счастью открыт.

Здесь, в этом же мире, средь рабства росли
Писатели — гордость и слава земли.

И может быть, станешь и ты знаменит
И слово твое на весь мир прогремит.

О юные, — радость родителей вы,
Надежды и чести хранители вы.

Единства народа спасители вы,
Религии чистой носители вы.

Вы ключ, опирающий знания сундук.
Вы лестница в ясное небо наук!

Откроются вам просвещения сады,
Пусть сердце не стонет, что мало еды...

Беднее богатых себя не считай,

Средь жрущих голодной слюны не глотай,

Пусть черная зависть не жжет твою грудь;
Борись, стрекозой-попрыгуньей не будь.

Наука и сытость не могут дружить,
А жадный лишь чреву способен служить.

О том, что ты голоден, знай про себя, –
Скупой все равно не накормит тебя;

Ты просьбой пред ним свою честь не унизь,
Надейся на бога, учись и трудись.

Запомни, что жадность – презренный порок, –
Стремящихся к знанию питает сам бог!

Будь горд, унижаться не смей пред скупым,
Во всем согласишься с поученьем моим».

Ушел я. Но мне и сейчас его жаль,
Жаль сто раз и тысячу раз его жаль!

И шел я в метель по пути своему,
Лишь доброе слово оставив ему...

1906

Картофель и просвещение

О картофель! Ты явился из Америки далекой.
Просвещение! Путь твой ближе – от Европы до Востока.

О картофель! Всех пугал ты странным вкусом,
странным видом,
Мужики тебя считали вольнодумцем и джадидом.

Мол, пришел ты к нам на землю от безбожников
досужих,
И смертельный яд таится в этих клубнях неуклюжих.

О картофель, ты немало претерпел обид в те годы!
Мужики тебя губили, вырывая с корнем всходы;

Звали «яблоком неверных», «чертов плод», –

ругались яро
И тому, кто ел картофель, угрожали божьей карой.

О картофель! Миновали оскорбления, оплеухи,
На почетном первом месте ты теперь в мужичьем брюхе.

И, рыгнув, «Хвала Аллаху! – говорит мужик сегодня. –
Этот плод на радость людям создала рука господня».

Просвещенье! У картошки ты бери урок терпенья:
Просветлять мозги мужичьи начинай без промедленья!

1912

Габдулла Тукай. Избранное. – Татарское книжное издательство. – Казань, 1969. – С. 420.

Заки Валиди Тоган (1890 – -1970) – всемирно известный учёный востоковед, крупный общественный деятель, публицист; историк, доктор философии, профессор.

Родился в небольшой деревне Кузяново Ишимбайского района. Отец и мать учёного владели арабским, персидским и чагатайским (старотюркским) языками. Чтение книг религиозного содержания на двух-трёх языках для них было делом повседневным.

С 1906 по 1908 год учеба в Утякском медресе, где особое внимание уделяет обучению основам ислама, философии, литературы и истории. Активно знакомится с русской востоковедческой литературой, переводит на чагатайский произведения А.С.Пушкина «Восстание Пугачева», «Арап Петра Великого», стихи поэта, где сильны восточные мотивы, темы Корана.

С 1908 по 1912 год Валиди продолжает свою учебу в медресе Касимия в Казани. В 1912 году вышел в свет его первый фундаментальный труд «История тюрков», получивший высокие отзывы.

В 1914г. 3. Валиди, уже признанный ученый и общественный деятель, переезжает в Уфу и становится мударрисом медресе «Усмания». Его направляют в IV Государственную думу, где он начинает сотрудничать с ее мусульманской фракцией.

Его деятельность будет иметь два основных направления: общественно-политическое, связанное с борьбой за независимость тюркских народов, и научное.

1935 год – закончил Венский университет, защитил докторскую диссертацию – в будущем известнейшее его произведение «Путевые сообщения Ибн Фадлана».

В 1953 основал Институт исламских исследований, который возглавлял до самой смерти.

«Заки Валиди Тоган – великий ученый, это определено. Но он велик и как человек» (Герберт Янски, известный австрийский востоковед).

Воспоминания Муллы, воспитанные в Бухаре и Хиве

Наиболее тесный круг общения нашей семьи составляла среда мусульманского духовенства. Из них прежде всего вспоминаются жившие в Стерлитамаке потомки ногаев Шарафутдин и Камал, Абсалим и его сын Бикбулат-мулла из деревни Сайран, Султан-гарей из деревни Юмагужа, Галлям из деревни Куншак, Нигматулла и Зайнулла из Стерлибашево, а с восточного Урала Саит, сын Габдуллы из деревни Муллакай, Ханнан из Кулбакты и известный шейх по имени Зайулла ишан из Троицка. Все они владели арабским и фарси, обладали глубокими религиозными познаниями, относились к ордену суфизма, восходящего к исламскому философу конца XIV начала XV веков Накшбанде Мухаммеду, все они держали медресе и чтение книг являлось их повседневным занятием. И Вали-мулла, и мой отец избегали общения с невежественными, ограниченными фанатичными муллами. Самыми учеными из этих мулл были Зайулла ишан из Троицка и Габдулла из Муллакая. Габдулла-мулла, получивший образование в Бухаре, был очень авторитетным в исламских науках, писал стихи на арабском и фарси, снискал почитание как учитель и наставник, принадлежал к индостанской секте «Муджедид-и Халиди» суфизма Накшбанда. Их медресе следовали традициям медресе Бухары и в особенности Хивы. Однако ни тот, ни другой не были похожи на Кышкарских и Тунтарских фанатичных мулл окрестностей Казани или на многочисленных и невежественных ишанов в самом Башкортостане. Они имели представление о современной политической жизни, могли рассуждать о ней по своему разумению.

Гариф Сайрани и Хызыр-мулла

Из них на нашу семью наиболее глубокое влияние оказывали потомки ногаев из Стерлитамака. Они считали себя потомками мурзы Ногай Ойбакты, пришедшего сюда из Крыма, поддерживали тесную связь с такими учеными, как Курсави и Маржани из Казани, с Чардаклы Хакимом из западной Сибири, с улемами Бухары. Были у них политические понятия. Дядя Вали-

мулла и мой отец учились в их медресе. Некоторые из них достигли учености и в светских науках, проявляли интерес к математике и историческим наукам.

Одной из самых известных личностей, вышедших из медресе потомков Ногая, был брат вышеупомянутого Бикбулата-моллы Гариф Сайрани. Он учился вместе с Низаметдином из Катайского рода, жившим в деревне Куруш. Они увлекались трудом казанского ученого Марджани «Аль-тарикат аль-мутхля», где были выдвинуты передовые для своего времени реформаторские идеи по обновлению ислама, заинтересовались математикой и философией, пожелали совершенствовать знания в этой области и в первой половине прошлого столетия уехали в Бухару. Обнаружив, что изучение в Бухаре этих наук пришло в упадок, испытав разочарование, Сайрани написал письмо на родину Вали-молле. Оно было пришито в конце книги «Акаид Насефи». Письмо это отец отправил великому татарскому ученому Ризаитдину Фахретдинову и историку Мурату Рамзи, которые его опубликовали. Тогдашних духовных лиц Бухары Гариф охарактеризовал в следующих словах: «Чалма на голове у них возвышается, как гора, тщеславие же безбрежно, как море, но сами они невежественны и лицемерны».

Другое его письмо было опубликовано в произведении Шихабетдина Марджани. Гариф Сайрани вместе со своим другом Низаметдином в поисках знаний ушли из Бухары в Герат, оттуда в Кабул и далее в Багдад. Но и там их ждало глубокое разочарование, и они умерли в 1856 году в нищете. Их обнаружили в таком виде, будто они совершили самоубийство. Судьба двух этих людей, искавших истину и обновление в общественной жизни, пустившихся в путь, полный приключений, и, наконец, осознавших, что даже в таких центрах исламской культуры, как Бухара, Герат, Рей и Багдад, общественная мысль переживает глубокий кризис, и впадших из-за этого в безысходную тоску и разочарование, представляет собой великую трагедию своего времени...

Заки Валиди Тоган Воспоминания. Книга 1. – Уфа. Китап. – 1994. – С.17-19.

Шайхзада Бабич (1895 – 1919) – башкирский поэт, классик национальной поэзии.

Родился в деревне Асяново (ныне Дюртюлинский район) в семье муллы. Начальное образование получил в родной деревне. Окончил широко известное уфимское медресе «Галия». Побывал в Казахстане, где обучал детей грамоте. Там тесно общался с казахскими акынами, в переводах Абая Кунанбаева впервые познакомился со стихотворениями Ю.М. Лермонтова.

Восточное изречение гласит: «Великие люди – это метеоры, сами себя сжигающие, чтобы осветить мир». Таким мы знаем Шайхзаду Бабича, выдающегося мастера башкирского художественного слова, который яркой звездой блеснул на небосклоне поэзии.

Первые стихи Бабича были изданы в 1910 – 1911 гг. К поэтическому творчеству он относился строго и требовательно. «Если в каждой строке нет небесной звезды, – писал он о лирических стихотворениях, – а из каждой строфы не излучается райское блаженство, – зачем тогда они? Чем утомлять глаза чтением чепухи, не лучше ли сжечь ее в печке да с наслаждением погреть спину!»

Слишком коротка была жизнь Шайхзады Бабича, но поэт оставил ценное наследие, являющееся национальной гордостью башкирского народа.

Аллегорические стихи (к десятилетию медресе «Галия»)

Господа, позвольте: есть, что мне сказать,
Что поведать и на фактах доказать!
Так начнем без отступлений... Раз пчела
На чужбину улетела, как стрела.

По причине той, что в собственном краю
Нет цветов, бедна земля. Чтоб цель свою –
Сладостный цедить нектар – осуществлять,
Ей понадобилось срочно улетать.

Ах, бедняжку не осудишь!... Та пчела
На чужбине впрямь нектар и мед нашла;
Ароматом лепестков опьянена,
Провела там много-много дней она.

Насладившись вкусом меда, на покой
Воротилась тварь мятежная домой,
Ощутив, что гложет смертная тоска,
Что земля своя по-прежнему близка.

К одиночеству привыкшая, и тут

Нелюдимый избрала себе приют;
Цедит мед в уста сородичей – ведь те
Подышают в той же мертвой пустоте.

Постепенно стала сплачивать друзей,
Медоносов молодых с округи всей,
И пошла у них работа, черт возьми,
Чудо-взятки от восьми и до восьми.

Да, кипит работа! И за роем рой
Разрастается и крепнет день-деньской;
И однажды стало ясно всем: отсель
Сад им нужен, улей-дом, своя постель.

Если сильно пожелаешь – будет все! –
Ульи добыты, и сад пророс – лесок.
Ну а та первоначальная пчела
Пчеломаткой стала, и права была!

Что еще?... И сад, и ульи... Развелись
Там цветы, и стала жизнь вполне
Как жизнь;
Ежегодно выделялся новый рой,
Разрастался род пчелиный сам собой.

Приключались и скандалы: мол суров
Этот край, медовых мало здесь цветов,
А задуют ветры – гнется-бьется сад...
Спрос с кого? Да пчеломатку все винят.

Отвечает терпеливо им она:
«Что шуметь? К чему взаимная война?
Мало меда? Лучше норы свой унять,
Чем с досады ульи теплые ломать».

Так увещевая пчел, в конце концов
Остудить ей удастся молодцов;
Несогласные сбегают с глаз долой,
Чтобы сгинуть или вернуться вновь домой.

Так текла здесь жизнь привычной чередой;
Десять лет прошло меж счастьем и бедой.
Терпеливые и верные родне
Обрели покой в родимой стороне.

Но однажды в их обитель забрела
Блудная корова в час, когда пчела
Рядом с бабочкой сидела на цветке,
Будто бы знакома с ней накоротке.

Сочетание их красок и тонов
Было краше и прекрасней всяких снов,
Любовалось ими солнце в небесах,
Всю природу возбуждала их краса.

Не понравился корове этот вид,
И она уже рассерженно мычит;
Прибежал на зов ее почтенный бык
И вослед за ней издал свирепый рык.

Закружил и жужжал в тревоге рой:
Ворвались какие черти к ним домой?
Все пронзительней жужжанье бедных пчел:
Неужель на смерть покой их обречен?

А быку с коровой кажется со зла,
Что поет и пляшет каждая пчела:
Одарил Аллах всесильный почему
Наслаждением строптивую пчелу?

И пошли они на улы прямиком –
Расступаются все в страхе пред быком.
Только матка, сев на брюхо у быка,
Жалом там пощекотала лишь слегка.

Бык взревел и, хвост взметнув,
умчался прочь,
И за ним, испуг не в силах превозмочь,
Ускакала и корова... От копыт
Нежный грунт в саду истоптан и изрыт.

Пчеломатка, что мудра была, спасла
Свое жало, что пронзало, как игла,
Но зато не досчиталась многих пчел –
Видно, страх в края чужие их увел.

И опять работа с раннего утра
И до вечера... Работа – не игра:

Кто остался с пчеломаткой, цедит мед,
Зная: летний день один весь кормит год.

Улей празднует среди радостей и бед
Жизни и трудов своих десятков лет.
Пчелы славят матку за великий труд,
Аллилуйя ей торжественно поют.

Ну а та все понимает, что к чему:
Как-никак взрастила каждую пчелу,
Ей не нужно славословий и наград –
Ульи новые нужны и новый сад.

И тогда скотина к ним не забредет,
У питомцев будет сладостный полет,
И в ячейках наливающихся сот
Будет солнечно сиять цветочный мед!

Весенняя песнь: стихи, проза // Уфа, Китап, 2015. С. 80 – 84.

ГЛАВА II. БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ЯДРА МУСУЛЬМАНСКИХ МОДЕРНИСТОВ

Муса Джарулла Бигиев (1875 – 1949) – российский богослов, общественный деятель, один из лидеров татарского национального движения, сыгравший важную роль в становлении и возрождении духовной культуры татарского народа. Родился в городе Ростов-на-Дону. Учился в Ростовском реальном училище, позже в Приозерном медресе в Казани; затем обучался у религиозных наставников в Бухаре. Религиозное образование продолжает в Стамбуле, в Каирском университете ал-Азхар посещает занятия известного арабского мыслителя Мухаммада Абдо. В течение двух лет обучается в Мекке и Медине, Индии.

Бигиев, вслед за религиозными учеными – приверженцами раннего ислама, признавал все четыре религиозно-правовые школы суннизма, не отдавая приоритет ни одной из них, в отличие от первых татарских религиозных реформаторов (А. Курсави, А. Утыз-Имяни и Ш. Марджани), выделявших ханафитский мазхаб. В своих теологических воззрениях он предлагал совместить знания Корана, хадисов, всего лучшего из правовых школ с современным знанием, выступая против изучения в медресе калама – спекулятивной теологии. Много уделяя внимания общественной деятельности, Бигиев не забывает о научной работе. В это время выходят его многочисленные труды, посвященные религии и философии. Среди них: «Озын коннэрдэ руза» («Пост в длинные дни», 1912), «Кава ид фикхия» («Установления фикха», 1912) и вызвавшая большой резонанс среди мусульманской общественности «Рахмат илахия бурханлары» («Доказательства божественного милосердия», 1911).

Эта работа могла стать реальной основой для кардинального изменения качества отношений между Богом и человеком: от иррационального страха перед божественным гневом – к доверию и свободе. В ней автор разрушил противоречащее духу ислама ложное учение о богоизбранности по этноконфессиональному признаку и превосходстве мусульман над другими народами, подвергнув коренной переоценке смысл таких понятий, как «ислам», «мусульманин», «верующий», заявив, что любой представитель человеческого рода, действующий во имя социального блага, исполняет божью волю, а потому достоин рая.

Разрушая господствовавшие в массовом сознании архаичные представления о возмездии, ожидающем всех немусульман, М. Бигиев способствовал возникновению новой высоко нравственной философско-мировоззренческой традиции, в которой основополагающий элемент ислама – доктрина о единобожии – приобретал смысл общечеловеческого равенства, единства, солидарности и свободы.

История Корана

...Он повелел людям учиться и учить всему, что приносит пользу и оберегает от вреда, развивая заложенные Им в них инстинкты, возвращая семена дарованных добродетелей и преимуществ, ибо учение и обучение лежат в основе всех и всяческих полезных дел.

При обучении детей следует начинать с азов всех наук – чтения, письма и первооснов веры. Затем им преподаются знания общественные, такие, как языки и умение сочинять на них, основы математических наук – арифметика, алгебра и геометрия, биология и геология, основы естествознания, химия, астрономия; необходимые религиозные и литературные науки; обширные сведения по истории и событиям первых веков; география и астрономия. Следует обучать этому ребенка, чтобы он стал полностью сознательным и разумным. Обучение всему этому занимает считанные годы, ведется по самой легкой методе и в той последовательности, которую предусмотрели для воспитания духовные наставники (раббанийун) и ученые люди.

Когда всему этому уделяется должное внимание, в каждом из детей произрастает и укрепляется то, что заложено в нем от природы; уроки же следует продолжать до тех пор, пока эти природные дарования не обнаружат себя явно, и не будет видно, что один ученик проявляет склонность к высшим наукам, второй готов заниматься ремеслом, третий проявил способности к руководству и политике и т. д.

И тогда тот, кто сделал для себя выбор в том или ином занятии, пусть начнет заниматься делом, к которому он предрасположен изначально. И воспитатели должны обращать внимание на эти склонности, считаться с ними, развивать их, направлять их в правильное русло, помогать своим воспитанникам заниматься тем, к чему у них есть склонность, и побуждать их к этому, чтобы каждый преуспел в том, к чему он предрасположен. Потом воспитатели должны поручить своих воспитанников знатокам того дела, к которому они склонны, дабы они помогли им начать трудиться в этой

области, и чтобы их воспитанники стали мастерами своего дела после того, как их врожденные склонности будут дополнены необходимыми знаниями и навыками. Тогда от этого будет польза, и станут видны результаты воспитания.

Если окажется, например, что кто-то из учеников обнаружит в себе смекалку, понятливость, ум и способность хорошо запоминать услышанное, его следует склонять к овладению точными и таинственными науками, такими, как право, история и политика. И обязанность воспитателя – заботиться о том, чтобы он оправдал надежды, возлагаемые на обучение.

Учитель преуспеет в обучении лишь при условии, что оно будет отвечать склонностям и готовности мальчика, а воспитание будет плодотворным лишь если оно будет соответствовать его способностям.

Если он увлекся чем-то и полюбил это больше остального, то воспитатели предоставляют ему возможность изучать это.

Они должны помочь ему возвыситься в этой области, не пренебрегая им и не переставая заботиться о нем.

Так же обстоит дело с тем, кто проявил такие качества, как отвага, храбрость и распорядительность: его ведут в направлении, которое ему подходит, в котором он проявил свои дарования и добился успеха.

Так воспитываются люди для каждого дела, являющегося дополнительной обязанностью. Сначала всех ведут по общей дороге: если кто-то останавливается, будучи не в силах продолжать путь, это значит, что он достиг степени, на которой он востребован. Если у него хватает сил, он идет дальше и достигает в дополнительных обязанностях высот, доступных лишь немногим – например, становится муджтахидом в шариате, имамом или военачальником.

И именно этим держится порядок в мирской жизни общины (уммы), и в ее жизни будущей.

Поскольку же общественные потребности людей вращаются вокруг наук, религии, ремесла и торговли, нужно, чтобы у них, кроме начальных

школ, были также средние и школы уровня рушдийаи и‘дадийа – религиозные, общеобразовательные, ремесленные и торговые; нам нужны также высшие учебные заведения, которые готовили бы людей науки и труда, способных трудиться ради общественного блага на религиозном поприще и во всех областях жизни. Об этом говорил не один ученый, в том числе автор трактата «Ал-Мувафакат», хафиз и законовед (усули) Ибрахим ибн Муса аш-Шатиби. В своей книге он подробно разобрал этот вопрос в разделе, в котором он разъясняет смысл понятия «коллективная обязанность».

Вот какими следовало бы быть школам мусульманской общины (умма).

У нас же есть лишь школы, которые мы считаем религиозными. В них преподается кое-что из арабской грамматики, кое-что о различиях между школами права и основах веры, а также изрядная доля пустословия схоластического богословия (калам) и вымыслов философии, причем в наихудшей последовательности. Усердный ученик проводит в такой школе десятки лет и выходит из нее умственно и морально испорченным приобретенными в ней привычками, с притупленными чувствами и ослабленный из-за обилия вреда, который наносится в такой школе здоровью и благополучию человека.

Покидая школу, он думает, что прошел полный курс наук, но он совершенно не знает языка религии и совсем не понимает смысла религии, шариата и права (фикх). Хадисов Пророка он слышал очень мало, и большинство из них – выдуманные (ма-уду‘). Смысл Корана доступен ему лишь в меру его знания языка. В коранических науках он не усвоил ничего: ему известны лишь некоторые их названия.

Из школы он уходит разочарованным, так как не обнаруживает в себе того, что он хотел получить из сокровищницы наук и литературы – разве что ему удалось сохранить прирожденный ум, и сознание собственной любознательности тешит его.

Но и это – не более чем способность понимать смысл выражения, которое он слышал тысячу раз.

Говоря все это, я не думаю, что тот, кто знает о состоянии наших школ и положении нашей молодежи, упрекнет меня или сочтет, что я преувеличиваю.

К тому же я не могу найти оправдания для тех, кто отвечает за образование и преподавание, если наши школы в их нынешнем состоянии продолжают убивать в нас самые благородные побуждения, лишают нас способности действовать и упорно трудиться, не дают нам рассматривать даже самые ясные научные вопросы и самые очевидные явления бытия (а уж мыслей о тонких материях и таинственных сторонах бытия от них не приходится и ждать).

Хвала Аллаху, мы не считаем, что опередили других в таких человеческих достоинствах, как разум, способности, терпение и твердость, однако и другие признают, что мы не ниже их в этом. Каждый из нас знает это; ведомо ему и то, как сильно в наших сыновьях стремление к учению. Но большинство из них сидят в наших школах десятки лет, мучаясь там, причем другие не выдержали бы и десятой доли тех трудностей, которые выпадают на их долю; они не ропщут на скудные условия своей жизни, стремятся до конца постичь свою религию и стараются быть угодными Аллаху и Его Посланнику.

Так скажи мне, ради Аллаха, что должно произойти с нашими сердцами – если они не слепы и не огрубели, – чтобы мы убедились: большинство наших сыновей, окончив школу, не в состоянии идти по жизни; они не могут найти иного средства к существованию, кроме как стать имамом в мечети или школьным преподавателем. В их головах отсутствуют элементарные знания о мире; в их сердцах не живут истины религиозных наук; их заработок составляют подачки, которые они выпрашивают самым униженным образом! Может ли тот, в ком живут рвение в религии, свойственное исламу сострадание и великая любовь, быть доволен, видя, что

его братья и единовѣрцы влчат столь жалкое существование в религиозной и повседневной жизни?

Разве не тяжкий грех для нас иметь религиозные школы, в которых не изучаются ни Коран с его науками, ни хадисы Пророка и его учение?

Разве не стыд и не позор для нас, что истины религии Аллаха остаются [для нас] скрытыми в страницах томов, а мы прельщаемся словесными узорами богословских диспутов и нас развлекают взгляды греческих философов?

Почему мы должны довольствоваться объѣдками с чужого стола, когда перед нами стоят столы наших предков, чьи богатые яства доступны каждому желающему, и в них есть все, что нам нужно для счастья?

Чтобы обрести свое счастье, нам нужно лишь последовать примеру наших предков: поступать так, как поступали они, жить так, как жили они; нам следует улучшить и исправить положение наших школ, о чем я сказал выше, сославшись на ученых, и в наших религиозных школах изучать Коран и его науки, хадисы Пророка [10] и его учение; так мы сможем вдохнуть в сердца наших сыновей дух исламской религии – возвышенный дух, который, вселяясь в души людей, не дает им погрязать в ущербности и совершать низости, побуждает их опережать другие нации во всех отраслях жизни.

И тогда мы обретем в нашей религии ее истину – истину чистую, не искаженную новшествами и измышлениями людей неразумных, и тем, что перешло от них простому народу. И тогда сможем мы идти вперед без преград, и ничто не помешает нашему счастью. И будет наша жизнь благословенной и доброй, и станем наслаждаться счастьем и как верующие, и как граждане.

И можно только восхищаться подъемом, охватившим нашу общину (умма) в ее стремлении к учению, ее тягой к образованию. И мы будем правы, усмотрев в этом знак того, что дела наши идут на поправку, что мы чувствуем потребность в освобождении из плена невежества и застоя.

Из этого плена нас выведет только обучение и образование, а обучение и образование возможны только в школах и мектебах.

Но так как учредить любую нужную нам школу не в наших силах, давайте пока довольствоваться теми мектебами и школами, которые, по воле Аллаха, имеются у других, пока их двери открыты для наших сыновей. Приложим же усилия к умножению наших начальных школ; проявим усердие к улучшению тех наших школ, которые мы называем религиозными. Ибо улучшение их, пусть даже оно потребует многих знаний и больших трудов – дело, более легкое, если не будет к тому внешних препятствий, пользы же от него будет больше, чем от всех прочих наших попыток пойти вперед.

Первым же и самым легким шагом в улучшении наших школ будет замена книг, которые мы учим в школах, другими полезными книгами.

На мой взгляд, из сегодняшних учебников в этом качестве пригодны – и то лишь для старших классов – только «Ал-Кафийа» по грамматике (нахв) и «Ал-Хидайа» по праву (фикх).

Хвала Аллаху, у нас по каждой религиозной науке, по каждой отрасли исламских дисциплин, имеются книги, написанные учеными ислама, и их у нас достаточно; если в чем мы и нуждаемся, так это в том, чтобы приспособить их к целям образования и отобрать из них самые нужные после соответствующей экспертизы. И самое трудное – следовать этому принципу в преподавании права и науки о хадисах, так как в эти области проникло много случайных концепций. Нельзя нам и дальше оставаться во мраке эпигонства (таклид), если мы хотим, чтобы религия наша была чиста от вредных заблуждений. Применяя наш шариат, мы должны опираться и рассчитывать лишь на то, что полезно и подтверждено доказательствами, а не следовать высказыванию кого-либо из наших видных ученых, при всем нашем почтении и уважении к нему.

Бигиев М. История Корана и его сводов / Муса Бигиев; пер. с арабского под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. – М.: ИД «Медина», 2016 – С. 18-23.

Доказательства божественного милосердия История религий

Прежде чем провозгласить сущность религии (дин), конечно же, важно и необходимо сказать несколько слов об истории религий.

Важным представляется разговор об экономическом и политическом состоянии общества, о научном прогрессе, но нет сомнения в том, что еще более важной является беседа об истории человеческих вероисповеданий (тарих ад-диянатил-инсанья). Религия есть процесс развития, прогресса человека в его духовной жизни. Религиозный дух является основной и самой влиятельной силой в жизни человека. Религия, исповедуемая каким-либо народом, есть отражение природы этого народа. Все помыслы, желания и устремления человека, политика которых он придерживается в своей жизни, – все они находят отражение в верованиях этого человека. Религия любой исторической эпохи является точным мерилем достоинства народа и положения, которое он занимал в то время. Всякая религия совершенно ясно показывает уровень мышления исповедующих ее людей. Цели, преследуемые человеком, и его нужды ясно отражаются в читаемых им священных писаниях и произносимых им молитвах. Приносимые им жертвы и поклонение, совершаемое с целью приближения к божеству (курбан), соответствуют сути его внутреннего духовного мира (виждан). В силу того, что религиозность человека и его культура, цивилизованность (маданият) растут и развиваются вместе, степень религиозности человека и уровень его цивилизованности полностью соответствуют друг другу. Таким образом получается, что разговор об истории религий – это беседа об основах цивилизованности и культуры. Поэтому разговор о духовном и материальном развитии человека оказывается, по сути своей, беседой об общей истории человечества. Может ли человечество представить себе науку более полезную, чем эта?

Именно благодаря этой своей особенности история религий оказывается совершенно необходимой для нации, стремящейся к

постижению полезных знаний и просвещенности. Но для дорогого нам ислама предмет истории религий имеет еще одну важную особенность. Если мы верим в то, что ислам является небесной религией, что он совершенен, а при сравнении его с иными известными человечеству религиями оказывается лучше и превосходит их, и если эта наша вера не является пустым звуком и бездоказательным утверждением, то в таком случае мы должны познакомиться с учениями всех древних, а также существующих и поныне религий. Правильно ли заявлять, что «ислам – это лучшая из религий», не зная сути верований и учений других? Допустим, что отчасти наше заявление верно. Но будут ли такие слова, произнесенные без предварительного сравнения, обладать какой-либо научной ценностью в глазах других народов? Наш исламский божий закон – шариат запрещает обладателям разума выносить суждения и решения относительно незримых (гъа 'иб), т.е. неизученных, непознанных вещей и явлений.

Если нам неизвестны мировоззренческие тонкости древних религий, то как же мы можем рассуждать о присущих им недостатках или их ошибочности? Чтобы утверждать, что ислам лучше тех религий, то, несомненно, мы должны знать их в достаточной мере.

Разговор об истории религий полезен для нас по трем причинам:

1) прежде всего для нас станет совершенно ясным то, что ислам является настоящей небесной религией; 2) наша вера в истинность ислама перестанет быть «бездоказательной и голословной», подобно той, которая присуща имамам современной России; 3) мусульмане России будут спасены от такого религиозного бедствия, как беспокойство, растерянность и неуверенность, которое охватило ныне веру и духовные убеждения учащихся мусульманских медресе и большинства имамов.

То, что в ходе разговора об истории религий будет доказано небесное происхождение и истинность ислама, окажется очень важным и полезным фактором, который весьма благотворно повлияет на дух и здоровье мусульман всего мира. Если мы примем его во внимание, то поймем, что

история религий является очень важной для мусульман наукой, а посему необходимо ввести в мусульманских религиозных медресе хотя бы краткий ее курс. Будучи наукой, изучающей и освещающей основы цивилизованности и культуры в жизни человека, она является единственной мерой, способной стать доказательством совершенного величия исламского учения и его небесного, божественного происхождения.

Именно поэтому мы сейчас и ведем речь об истории религий. Мы по порядку рассмотрим, как возникли древние религии и как они в дальнейшем развивались. Но говоря о древних религиях, мы не будем рассматривать их как нечто, возникшее на почве человеческого невежества и неразумности, безбожия и неверия. Наоборот, мы будем исходить из того, что и религия, и человек есть естественные явления и они суть вещи, которые развиваются так же, как и цивилизация, естественным путем, непрерывно и последовательно. Таким образом, мы ведем речь о религиях объективно искренним и свободным от предвзятости научным языком.

В жизни человечества любое явление зарождается естественным образом и в естественной форме непрерывно развивается, проходя все ступени эволюции. Исповедуемая тем или иным человеческим сообществом религия также не является исключением из этого всеобщего естественного закона. Подобно экономико-политическому состоянию человеческого общества, религия тоже возникла в самой простой форме, далее она находилась в непрерывном движении и, временами прогрессируя, а в иные периоды регрессируя, достигла своего современного состояния.

Если мы примем такой подход, то, конечно же, ко всем религиям мы будем относиться с уважением. Разумеется, мы будем изо всех сил избегать обвинения какого-либо народа за форму его поклонения божеству, порицания его в безбожии из-за его убеждений и обвинений его в том, что он следует по ложному пути. Если мы будем рассматривать все религии как звенья эволюции одной религии, тогда отпадет необходимость обвинять какой-либо народ в безбожии или враждебно относиться к нему из-за

исповедуемой им религии. Коль мы ведем речь об истории религий, то, следуя этическим нормам научного диспута, мы, конечно же, отстраняемся от использования таких приемов, как провозглашение одной религии истинной, а всех остальных – ложными.

Я знаю, что эти мои слова будут отвергнуты большинством мутакаллимов и всеми, кто в настоящее время читает книги по каламу. Мутакаллим, который привязан не столько к исламу, сколько к почитаемому им течению мысли или философской школе, и который обвиняет всех остальных людей в заблуждении или безбожии, не сможет принять призыв к наставлению всех людей на истинный путь и учение о том, что людей следует допустить в круг спасения. Но, тем не менее, вера во всеобщий характер спасения является истиной.

Проблема спасения всего человечества в известных нам трудах по каламу считается преступной. Когда речь заходит о проблеме иджтихада, которая сводится к дилемме «допустим или недопустим иджтихад в фундаментальных основах религии», то в книгах по каламу и в трудах по основополагающим догматам ислама (усуль ад-дин) большинство мусульманских богословов заявляют: «Совершенно ясно, что иджтихад в вопросах, относящихся к основным догматам, ошибочен и недопустим». Но такие великие имамы и суфийские светила, как Джахиз, Анбари, Мохасиби, говорили: «Человек, который совершает иджтихад в области основных догматов веры, конечно, прав».

Великие суфии как неизменно повторяющийся тасбих произносили следующие беиты:

Все они навеки останутся в сени милости Аллаха:

И тот, кто считал Его Единственным,

И тот, кто придавал Ему равных,

И тот, кто совершал джихад на стезе Аллаха.

Это значит, что каждый человек, будь то муваххид или мункир, навечно останется в лоне бескрайней милости Аллаха.

В сообщениях, содержащихся в книгах по каламу и догматам веры, такие великие суфии, как Абу Язид Бистами, Джунайд Багдади, Зун-Нун Мисри, провозглашаются великими и уважаемыми во всем исламском мире мыслителями. И если они говорили о спасении всего человечества, то я с большим желанием принимаю разумные и логичные утверждения этих титанов мысли. А посему, ведя речь об истории религий, я могу говорить об этом искренне и свободно, не преступая этических границ и не обвиняя ни одно племя и ни один народ в безбожии из-за его веры и способа поклонения.

Какова культура народа, такова и его религия. Нет сомнения в том, что в плане своей цивилизованности человек развивался естественным путем. Поэтому было бы столь же неверно с позиций сегодняшнего дня говорить о низком культурном уровне тех, чья культура была примитивной, как неверно обвинять в безбожии или поносить тех, кто живет в примитивной вере. Это совершенно не соответствует требованиям этики научного диспута.

Религиозность является врожденным качеством и состоянием людей. Не сказал ли Аллах в 30-м аяте суры «Рум» благородного Корана: «Обрати же свой лик к религии верной – по устройению Аллаха, который устроил людей так. Нет изменений в творении Аллаха...»?

Теперь поразмыслим об удивительном смысле этого аята. Почему после того как Аллах провозглашает, что религия дана человеку от рождения, Он говорит: «Нет изменений в творении Аллаха»? И каков божественный смысл в том, что вслед за этим Он говорит: «Это – вера прямая»?

С помощью указаний таких чудесных аятов благородного Корана я ступил на определенный путь и теперь считаю истиной, что в круг подразумеваемых под такими драгоценными аятами, как «О Господь наш, Твоя милость и Твое знание вместили всякую вещь», в понятие «вещь» входят в общем все люди и все народы. Наимилосерднейший и Наимилостивейший Аллах щедро и без счета дал свою милость каждой частичке мироздания и бытия. Поэтому чтобы ни один несчастный человек

не оказался обделенным этим бескрайним милосердием и чтобы перед людьми не закрылись широко открытые ворота бесконечной Его милости, я заявляю, что спасено будет все человечество. Таковы моя вера и кредо в этом вопросе.

Несомненно, для того, чтобы вести речь об истории религий и строить хорошие отношения с каждым человеком в обществе, совершенно необходимо верить в то, что в Судный день будут спасены все, кто верил во всеохватность божественного милосердия.

Я знаю, ишаны и имамы не примут моих слов. Конечно же, они, фанатично преданные не столько исламу, сколько неизвестным даже им самим до конца ашаритским и ханафитским мазхабам, и обвиняющие в безбожии всякого, кто не отвечает их невежественным притязаниям, не смогут уверовать в то, что спасено будет все человечество.

Обвинение в безбожии (такфир) ученых людей является старой болезнью в мире ислама. В современной России бедствие такфира распространилось чрезмерно. Каждый ишан, каждый имам обвиняет в безбожии всякого человека, который не соответствует его невежественному уму. Эти ишаны и имамы, которые не могут оспаривать истину своими знаниями, словно стремясь прикрыть свои недостатки, леность и невежество, пускают из-за полога ислама стрелы такфира в каждого, кто ступил на путь свободомыслия. Несмотря на то, что у таких ишанов и имамов нет ничего общего с исламом, они, тем не менее, не могут избавиться от такого порока, как обвинение других людей в отступничестве.

Для того чтобы найти какие-нибудь меры против этого чрезвычайно распространившегося и нестерпимого бедствия, чтобы хоть как-то направить присущее глупцам ярое усердие этих имамов в правильное русло и в качестве вступительного слова к моему курсу истории религий я, если пожелает того Аллах, опубликую аяты благородного Корана, имеющие отношение к такой важной проблеме, как «универсальность божественной милости», снабдив их научными пояснениями.

Моя вера во всеохватность божественной милости

Разум и Божий закон – это два неразлучных друга.

Да будет благословение силою разума!

Да будет благословение посредством Божьего закона!

В силу того, что учение о всеохватности божественной милости является истиной, способной стать фундаментальной основой будущей жизни человечества, сотворенного для непрерывного движения по пути счастья, эта теория, так соответствующая духу ислама, давно уже привлекала мое внимание.

Властелин миров Аллах, сотворив людей, выразил свое почтение к ним тем, что наделил их величайшим правом наместничества на земле. Люди, тем не менее, живут в вечных бедах и несчастьях, нужде и горестях, что, по моему, не совсем соответствует бескрайнему милосердию и безграничной мудрости Наимилостивейшего и Милосерднейшего Всевышнего, заботящегося о всех и вся Величественного Аллаха.

Какую же цель преследовал Наимилосерднейший и Милостивейший Властелин миров Аллах, сотворяя столь несчастных и ничтожных людей, которые, будучи совершенно лишены спокойствия и безмятежности в этой жизни, являющейся лишь мгновением по отношению к беспредельной вечности, в будущем в большинстве своем будут обречены на вечные мучения и страдания? И не окажется ли божественное милосердие Всевышнего Аллаха ничтожно малым по сравнению с Его божественным гневом, коль Он подвергнет большинство людей вечным мучениям?

Благодаря такого рода сомнениям в моем сердце крепло убеждение во всеохватности божественного милосердия. Только я не был достаточно подготовлен, чтобы решить этот вопрос с богословско-научной позиции. Зародившись в моей душе, эта загадка постоянно беспокоила меня. Так и случилось. По моему мнению, из всех требующих доказательства богословских теорий важнее всего доказать истинность учения об универсальности, абсолютности и всеохватности божественной милости.

Если бы математики, ведя речь о бесконечности пространства, обратили свое внимание на проблему божественной милости, которая беспредельна по сравнению с бесконечными пространствами, то всеобщность божественной милости сегодня была бы уже неоспоримой истиной.

Но математики, углубившись в размышления о беспредельности пространства, по каким-то причинам не нашли времени для раздумий о божественной милости, которая нескончаемо шире самых бесконечных понятий.

Таким образом, честь говорить о такой важной и фундаментальной проблеме выпала на долю мутакаллимов, чье терпение было невелико, а сила воображения просто ничтожна. Поэтому естественно, что я, вознамерившись решить эту великую проблему, запутанную тайну, волей-неволей обратился к трудам по догматическому богословию, каламу.

Конечно же, эти книги, которые никогда и ни по какому вопросу не могли дать кому-либо достаточно убедительной информации, не смогли предложить мне хоть какую-то верную мысль. Наоборот, они только усилили мои «сомнения».

Несмотря на то, что книги по каламу не могут доказать истину, их авторы не жалеют сил в противодействии истине и погребении ее под кучей различных сомнений и домыслов.

Чтобы подтвердить это мое последнее утверждение, приведу здесь в качестве свидетельства одно из противоречий, содержащихся в каламических сочинениях: Аллах призывает человека к прощению, и Он превращает это качество в благородную черту человеческого нрава. Аллах разъясняет и растолковывает людям, что Он наказывает злодея первым, и наказывает его тем, что тот сам совершил. Аллах напоминает своим рабам о воздаянии за прощение ими во имя Аллаха. Воистину Аллах является самым достойным этого высокого качества, поскольку оно присуще Ему по Его благородству, бескрайнему великодушию и безграничному милосердию. И это не является

коварной уловкой с Его стороны, чтобы наказывать оступившихся. Аллах по необходимости является прощающим и великодушным, и Он, воистину, прощает своим рабам, преступившим Его границы по своей нерадивости, но люди не понимают проявлений присущего Ему великодушия. Как говорится: Аллах Милостив, но ты забываешь о Его милосердии.

Аллах – обладатель истинного прощения, ведь если Он прощает преступника, то это величественнее, чем наказание за совершенное зло. Воистину наказание и возмездие являются мучением. И в мучении за совершенное зло нет добра и нет блага, если только не было оно наложено по установлению шариата, преследующего цель обеспечения всеобщей безопасности, защиты от затрагивающего всех вреда. В мучении, наложенном за совершенное зло, нет блага, которое вернулось бы к людям. Воистину сказано Им: «И вам в наказание – жизнь». Наказание, наложенное в потустороннем мире, не защищает чего-либо путем взыскания с преступившего, подобно тому, как это происходит в дольном мире. Иными словами, от наказания, исполненного в потустороннем мире, нет пользы, к которой стремился бы мирской судья. В Его наказании нет наслаждения чувством мести, ибо не подобает Милостивому наслаждаться местью. Хотя и говорят, что наказание нужно для очищения от грехов, это неприемлемая, алогичная позиция, поскольку наказуемый уже избавлен от них благодаря широте прощения. И если наказание было совершено для очищения, то зачем тогда вечность наказания?».

Мутакаллимы совершенно открыто и очень смело приводят такого рода противоречия в своих книгах. Об этом противоречии упоминает автор трактата «Ихъя' улюм ад-Дин» (Воскрешение наук о вере) имам аль-Газали в другой своей книге «Аль-Иктисад фил-И'тикад» (Умеренность в веровании).

Мутакаллимы, которые так смело говорят о столь явных противоречиях, почему-то не поступают так же, когда нужно давать ответы. Если разумно выдвинуть какое-нибудь возражение, то, как минимум, нужно дать и обоснованный ответ. Однако, несмотря на это правило, мутакаллимы,

опирающиеся в приводимых ими возражениях или противоречиях на разум, не принимают его во внимание, когда отвечают на вопросы. Они разрешают эти противоречия, используя только то из источников шариата, что доступно их разумению.

Поэтому давно уже укоренившиеся в моем сердце сомнения не могли рассеяться после изучения только лишь книг по каламу. Наоборот, эти сомнения только окрепли. Все, что в каламических книгах было доступно моему пониманию, совершенно не удовлетворило меня. В итоге я сказал:

Не слушай пустослова:

Все, что он говорит,

Есть лишь невежество и бравада

и избрал другой путь для того, чтобы разрешить разместившиеся в моем сердце сомнения. Я отложил в сторону книги, которые написаны лишь затем, чтобы заточить разум человека между их обложек, и решил обратиться к благородному Корану, являющемуся основой всей мудрости и всех наук.

Обращение к истине есть качество человека,

Узревшего в аятах и сурах знание и свет.

Все они ответят на твои вопросы.

И не ошибется тот, кто избрал их своими спутниками.

Но толкования и комментарии к Корану, написанные мутакаллимами, не смогли дать мне удовлетворения в постижении аятов Священной Книги. Я обратился к книгам, написанным суфиями: «Месневи Шариф» Джалалутдина Руми, «Рисаля» аль-Кушайри, «Футухат Маккия» Ибн аль-'Араби, которые дали мне очень много полезной информации по этому вопросу. С помощью эти трех книг узелки сомнений в моей душе развязались один за другим. Аяты Корана, не противореча друг другу, расположились в моем сердце. Благодаря моей вере в абсолютное милосердие Всевышнего Аллаха, я стал смотреть на вечное будущее всего человечества с обоснованной доброй надеждой, что, в свою очередь, расширило горизонты моей души. Да и

вообще идея вечного пребывания людей под сенью всеобъемлющей божественной милости не оставила чувства неловкости в моем сердце, а напротив, весьма обрадовала меня. Я был рад и глубоко удовлетворен, обнаружив в великом учении ислама такой невероятно благородный и щедрый дар, которого нет ни в одной другой религии.

Досточтимый Джалалутдин Руми во многих местах своего «Месневи» приводит бейты, касающиеся всеохватности божественной милости.

В первом томе «Месневи», опубликованном вместе с комментариями в Стамбуле, досточтимый Джалалутдин Руми пишет: «Зов пришел: Эй! Искатель (Истины), иди (ищи) щедрости, как нуждающиеся и нищие. Щедрость ищут нищие и слабые, Подобно тому, как красавицы ищут украшения. Красавицы становятся красивыми от украшений, Хорошие люди появляются среди нищих». До этого приказал Господь в суре «Дым»: Нищих не ругай, о Мухаммад! Когда нищий – украшение щедрости, Острым будет для владельцев украшений вред. Один свою щедрость приносит нищему, Религия других дарит нищим добавление.

Такими глубокомысленными беитами почтенный Джалалутдин Руми выражал универсальность божественной милости в обоих мирах.

Досточтимый Мухитдин Ибн аль-'Араби в многочисленных бейтах своего произведения «Мекканские озарения» привел следующие убедительные доказательства: «Милость Божья объяла всякую вещь. Нет в мире ничего, что было бы вне этой милости. Воистину твой Господь широк в прощении и не останавливается в Своей широте. Он не приемлет закостенелости. Есть такие люди, которые спорят о широте милости Аллаха и провозглашают, что милость эта ограничена отдельными группами людей. Таким образом, они уменьшают удел Аллаха и ограничивают его. Если Аллах не донесет своей милости хотя бы до одной из Своих тварей, то в первую очередь ее будут лишены те, кто заявлял об этом. Но Аллах не желает ничего, кроме как охватить Своею милостью всех».

Почтенный Мухитдин Ибн аль-'Араби во многих главах «Мекканских озарений» привел шариатские доказательства того, что мучения в потустороннем мире – ахират когда-нибудь прекратятся. Эту свою веру он доказал, опираясь на твердые взгляды таких великих людей, как Абу Йазид Вистами, Джунайд Багдади, Сахль Ибн Абдуллах ат-Тустари.

Заявив, что «они – лучшие из друзей», я тоже присоединился к школе-мазхабу этих великих ученых. Я познакомился с аятами, истолкованными этими почтенными, глубокомысленными мужами, и испытал чувство обоснованного удовлетворения. Согласно тому, что говорится в благородном Коране, в 5-м аяте суры «Шура»: «Небеса готовы разверзнуться над ним, а ангелы возносят хвалу своему Господу и просят прощения тем, кто на земле. О да! Ведь Аллах – Прощающий, Милостивый!», святые ангелы во Дворце величия Прощающего, Милостивого Аллаха умоляют Его простить каждого человека, живущего на земле. Я решил, что если так, то и я, следуя за этими великими ангелами, смогу уверовать в то, что в будущем будет спасено все человечество.

Эта вера укрепилась в моем сердце. Наконец, читая в медресе «Хусаиния» курс по истории религий, я вознамерился рассказать об этой вере в прессе. Так и сделал.

Несколько господ имамов, не отрывая своих взглядов от каламических книг и едва пробежавшись глазами по моим статьям в журнале «Шура», организовали против меня целую кампанию. Эти имамы, чей объем знаний необычайно мал, пали так низко, что опубликовали на страницах своего журнала [речь идет о печатном органе Оренбургского Мусульманского духовного собрания «Дин ва магишат»] всю мыслимую и немыслимую клевету и наговоры в мой адрес.

Исходя из требований этики научного диспута и согласно указанию священного аята: «Они называют ложью то, объяснение чего к ним еще не пришло», этим имамам следовало бы подождать публикации обещанных мною коранических доказательств. Однако их «ученая мощь» не дала им

покоя: уважаемые господа имамы, собравшись вокруг застольных пирогов, подаваемых им во время меджлисов, показали все, на что они способны, на страницах газеты «Сильсиле». Господа имамы поусердствовали на славу: они обвинили меня в отступничестве и безбожии, призвали прогнать меня из медресе и даже казнить меня.

Конечно же, всякий обладатель рассудка понимает, что от таких имамов ничего другого и не ожидалось. Во мне никогда не было веры в то, что они обладают усердием и любознательностью, требуемой для решения какого-нибудь богословского вопроса. Но все же я думал, что каждый из них способен потерпеть хотя бы две недели. Я надеялся, что среди них найдется хотя бы один умеющий грамотно писать и понимать написанное.

Мне есть что сказать имамам, которые будут возмущенно кричать о моей вере в универсальность божественной милости на собраниях знатных мужей, на базарах и так далее.

Если эта связанная с будущим человечества проблема не имеет никакого значения, то пусть уважаемые господа имамы не тратят своего драгоценного времени на такие бесполезные вопросы. Если же она является крайне важной теологической проблемой, то в этом случае пусть остерегутся от такой низости, о которой говорится в бейте:

Когда трус оказывается один в пустыне, Он хочет сражаться и смелеет.

Пусть же не говорят то, что хотят сказать обо мне, в мое отсутствие. Пусть лучше они соберут совет богословов и устроят обмен мнениями, пригласив и меня. А я, чтобы доказать свою позицию, если пожелает того Аллах, приведу многочисленные аяты благородного Корана и много хадисов из сборников сунны. Пусть на этом собрании ведутся диспуты и соблюдается условие не вносить изменениям в одно слово благородного Корана, чтобы положения, приведенные в книгах по каламу, не ставились выше доказательств Священного Писания.

Пусть господа имамы либо примут мою мысль, либо откажутся от бессмысленной траты своего времени на пустые, бесполезные слова. Тогда и посмотрим, как воспримут наши ретивые религиозные господа имамы эту мою мысль. Как бы там ни было, далее только это: Коль хочет – пусть соглашается, Коль хочет – пусть говорит то, Что против нашего слова, ибо Нет запрета на высказывание!

Я желаю увидеть религию пророка Мухаммада Восстановленной, а ложь, что несли ошибающиеся, исчезнувшей.

Сейчас в религии я не вижу ничего кроме бурлящей лжи, а ее последователи терпели это, покорно склонив головы.

Истинная и верная религия находилась в униженном состоянии.

О последователь религии Аллаха, услышь же наставника, который способен разделить твою печаль, и хоть в малом последуй за верными, дабы воскресить храм религии. Этот храм имеет свои недостатки. Найди их и реши, как исправить их.

По сравнению с небесными религиями и религиозными культурами древних или доживших до нашего времени народов ислам имеет несколько преимуществ.

Первое – относительно вопроса о не имеющей начала вечности ислам провозглашает твердую веру в то, что ко всем из живших народов ниспосылался как минимум один великий пророк или посланник. Поэтому ислам с большим уважением относится к религии, законам и знаменитостям любого народа. Ислам не заявляет, что власть и дар пророчества присущ только этой религии, как на то претендуют, например, иудеи. Ислам не утверждает, подобно христианам, что все люди и даже пророки, жившие со времен досточтимого Адама (мир ему!) до вознесения благородного Иисуса (мир ему!), находились в аду. В отличие от этих двух общин верующих ислам не допускает ничего, что могло бы оскорбить религиозные чувства других народов и опорочить почитаемые и поныне учения пророков и великих людей.

То есть ислам ни словом, ни делом не унижает ни один из народов. В исламе не было претензии на то, что неисчислимы божественные блага, ниспосланные всем народам и для всех людей, принадлежат только этому учению.

Ислам и сам был всеобъемлюще широким, подобно божественной милости. Именно благодаря этому отличию, этой широте ислам был ниспослан Властелином миров Аллахом в качестве универсальной и вечной религии через господина мира сущего, пророка Мухаммеда (мир ему и благословение!), явившейся миру посредством чудесного строя стихов благородного Корана, характеризующегося неизменностью, при которой невозможны никакие искажения Божьего слова человеческим.

Эта особенность стала главной причиной очень быстрого его распространения в мире. Но широта ислама была недолговечной, ибо большинство людей оказались бессильными вместить такой ислам в узкие рамки своих мыслей и душ. Их выбор был ограничен: необходимо было либо расширить восприимчивость своей души, либо превратить ислам в нечто такое, что уместилось бы в ее тесной клетке. Люди оказались неспособными на первое, но, тем не менее, они не испугались пойти по второму пути и ограничить ислам. Этому содействовала и политическая обстановка той эпохи.

В результате по прошествии определенного времени в мире возникли многочисленные мелкие религиозные течения соответственно тому, насколько глубоко были породившие их сердца. Ислам, изначальная широта которого была подобна безграничному разуму, стал подобен маленькому наперстку. Он стал неспособным не только объединить все человечество, но даже привить дух веры маленькой деревенской общине. Под влиянием основанного на притеснении и невежестве призыва: «О, такой-то! Веруй так, как верует такой-то, а если нет, то гори в аду!» ислам превратился в ущербный обрубок. В конце концов носители пустых голов, обмотанных чалмами, желая поставить ислам на службу своим прихотям и капризам,

извратили его, превратив в примитивное и грубое оружие. Возможно ли обзреть и сосчитать все вредные последствия такого положения дел? Однако нет сомнения в том, что это положение явилось главной причиной всех до единого политико-социальных бедствий, обрушившихся на головы человечества.

Здесь я могу удовлетвориться сказанными мною словами об отношении ислама к не имеющей начала и конца вечности, ибо что-то выходящее за рамки этого не является моей целью.

Моя основная цель – это подробный рассказ о вечности, иными словами, об отношении ислама к будущей жизни всего человечества.

Если с этого самого момента можно допустить и принять умом и чувствами (сам 'он), что конечность бытия (вуджуд) возможна, то мир сущего ('алям аль-вуджуд), несомненно, не имеет предела. То, что бытие бесконечно продолжает существовать в вечности, твердо доказывается как небесными откровениями, так и здравым смыслом. Если мы приходим к мысли о том, что «вечность бесконечна», то в чем же смысл этого вызывающего смятение выражения?

Вечность, у которой нет конца, представляет собой настолько неограниченное время, что миллионы миллиардов веков на фоне этой вечности не могут сравниться даже с одной секундой. Все математические величины при сравнении их с величиной и протяженностью вечности окажутся неощутимо малыми. Сколь же глубок смысл аятов Корана:

«Они будут перешептываться друг с другом: «Пробыли вы там только десять». Мы лучше знаем, что они говорят; вот самый верный из них по своему пути говорит: «Пробыли вы только один день» (Та-Ха: 103 – 104).

Если сравнить с бесконечной во времени вечностью бытие нашего мира, то оно на этом фоне окажется неощутимо коротким отрезком времени.

«Аллаху принадлежит сокровенное на небесах и на земле. Наступление Часа – как мгновение ока или еще ближе. Поистине Аллах над каждой вещью мощен!» (Пчелы: 79 (77)).

Если мы посчитаем, что естественный период жизни человека равен шестидесяти-семидесяти годам, а в некоторых случаях этот период близок к ста годам, то даже эта цифра совершенно неощутима на фоне времени существования этого мира, она является всего лишь мгновением в минус десятой степени.

Большинство людей, живших в этом физическом мире с момента сотворения, в своей подобной мгновению жизни, несомненно, страдали больше, чем наслаждались.

Если несчастные люди, совершенно лишенные в своей подобной мгновению жизни спокойствия и безмятежности, будут после этого обречены на ужасное наказание, длящееся вечность, которое не может быть ограничено ни одной из математических величин, на содрогаящие мучения, одно только описание коих не выдержит ни одно человеческое сердце, сколь черствым бы оно ни было, то где же в таком случае бесконечное милосердие и всепрощение Милостивого и Наимилосерднейшего Властелина миров – Аллаха, дарителя бескрайнего прощения?

Может ли существо, если оно дает своим рабам лишь краткий миг наслаждения, а затем обрекает их на ужасные муки, длящиеся миллиарды миллиардов веков, являться наимилостивейшим и наимилосерднейшим существом? Не будет ли наказание, установленное таким существом, несравнимо больше его милосердия и благодати?

Если бы я, исходя только из таких мыслей, пришел бы к выводу о том, что все человечество будет спасено, то я стал бы возвеличивать и восхвалять Властелина миров Аллаха в тысячу раз больше, чем возвеличивают и восхваляют Его люди, верящие, что человечество будет обречено на вечные муки.

Если бы удалось превратить веру во всеобщее спасение человечества пред бездной вечности в элемент исламской доктрины, тогда как каждый народ надменно присваивает спасение в будущем только лишь себе, то не стала ли бы такая высокая вера великим благом для ислама? Несомненно, такая возвышенная вера может стать вторым из величайших преимуществ.

Конечно же, я приложил бы все свои силы и усердие для того, чтобы принести такое великое благо в основы учения ислама, даже не имея доказательств. И как же я могу промолчать, когда у меня есть совершенно очевидные доказательства и аргументы, свидетельствующие об этом?

Учитывая, что до меня такую большую проблему, касающуюся вечной жизни человечества в будущем, уже поднимали величайшие мусульманские ученые, мне достаточно одной лишь чести последовать за такими именитыми личностями. Если же до меня никто не поднимал этого вопроса или, все-таки затронув, не доказал его, если окажется, что только я выдвинул эту проблему и нашел необходимые аргументы, то мне не нужно никакой иной славы, кроме этой! Имея такую славу, я буду полностью удовлетворен и не попрошу ничего более у этого мира. Молчи, Хафиз! Быть может, рука Сокрытого Творит так, что однажды ты будешь счастливым.

Я предложил на суд народа свою веру, которая укрепилась в моем сердце, желая достичь почетного звания последователя тех великих мужей прошлого. Если три-четыре человека будут встревожены, эта проблема не вызовет смуты, и даже если сейчас эта проблема не будет предложена обществу посредством моего пера, то нет сомнения в том, что завтра она будет ему предложена стараниями другого человека.

В своих толкованиях и книгах по каламу мутакаллимы уже вели речь об этом и пытались ответить на такие вопросы: «Будет ли всеохватна божественная милость в будущей жизни человечества?» или «Останется ли большинство людей вне божественной милости?». Сколь разными бы ни были течения каламической мысли и сколь много слов ни было бы ими сказано, в целом в каламических книгах проводится мысль о том, что

«божественная милость будет касаться только уверовавших (му 'мин), и отвергающие [Бога] (кяфиры) будут ее лишены». Все они считали, что истинная вера присуща только им и что «божественная милость коснется только лишь меня». Убежденность в этом до сих пор господствовала в каждом представителе рода человеческого. Мутакаллимы не знали ничего иного, кроме как вручать счастливый билет в рай тем, кто был на их стороне, а тем, кто не разделял их взглядов, выписывать билеты в ад.

Таким образом, мутакаллимы сказали свое слово. Теперь – наша очередь.

Время Маджнуна прошло, пришел наш черед. О душа! Не оставляй надежды На безграничную милость Друга. Намерения каждого человека (зависят) от степени его старания.

В качестве введения или вступительного слова к доказательствам, которые я приведу далее, хочу коснуться здесь одной из затронутых в каламических книгах проблем, дав ей свою оценку. Речь идет о проблеме воздаяния человеку за его поклонение ('ибада) и благодеяния, иными словами, о том, что касается награды за покорность и служение Аллаху и наказания за совершенные грехи, в чем взгляды мутакаллимов были различными. Представители таких каламических течений, как ашариты и матуридиты, которые называли себя «Ахль-аль-Сунна валь-Джа-ма'а», заявляли, что «ни вознаграждение, ни наказание не являются обязанностью (ваджиб) со стороны Аллаха. Скорее воздаяние является неким божественным благом, а наказание за грех – божественной справедливостью. Всевышний может простить Своей волей любой грех, кроме отрицания Его (куфр). Согласно сообщениям Небесных откровений, прощение куфра невозможно».

В традиционной каламической литературе и книгах по основам веры упоминается значительная школа мысли под названием «му'тазила». Представители этой школы называют себя «Ахль аль-'Адль ват-Таухид» (последователи справедливости и единобожия). Основателем этого течения

является Васил Ибн 'Ата, который был лучшим учеником досточтимого Хасана аль-Басри, получившего известность и высокое признание в мире ислама благодаря своим глубоким познаниям в области наук о сунне и очень эффективным и убедительным проповедям и наставлениям. Уважаемый имам, досточтимый Васил Ибн 'Ата, являлся словно бы копией своего учителя Хасана аль-Басри в разумности, мудрости, науках и нравственности и достиг высот совершенства в риторике.

Несмотря на это, сей уважаемый имам отстранился от своего наставника Хасана аль-Басри в вопросе о должностовании воздаяния и наказания, выдвинув совершенно своеобразную точку зрения, согласно которой «справедливость требует воздаяния благом за покорность и наказания за совершенные грехи!».

После некоторого размышления над смыслом выражения «требуется воздаяние благом за покорность (та ат)» выявляется его ущербность, поскольку возлагание какой-либо обязанности на Абсолютно Всемогущего Аллаха, являющегося Властелином Вселенной, вплоть до мельчайших ее элементов, есть ошибка ума. Не распространяясь более об этой совершенно очевидной истине, я здесь приведу только два бейта из поэмы «Аль-Лузумият» имама и мусульманского философа Абу аль-'Аля: «Благородный творит добро по своей природе. Если же подонок творит добро, то это ложь. Мы неустанно просим милости у Аллаха И совершаем то, что возложено Им на нас».

Всякий размышляющий о смысле этих двух бейтов, в силу того, что возможности человека крайне ограничены, конечно же, устыдится счесть себя достойным не только высших ступеней рая, а даже того, чтобы требовать воздаяния. Ведомые здравым смыслом, мы сможем понять, что всякий кусочек пищи и каждая капля питья, предназначенные для нас в этом мире, являются великим божественным благом. Наше существование, наша жизнь и бытие, имеющиеся у нас возможности для покорности, поклонения и служения Творцу – все это великие блага, дарованные нам Господом.

Требовать вознаграждения у Властелина миров Аллаха за наше поклонение, которому присущи даже не тысячи, а миллионы недостатков, если и не является великим невежеством, то, конечно же, есть верный признак великой гордыни, поразившей сердце человека, живущего лишь благодаря бескрайнему милосердию и неограниченной щедрости Создателя.

Погружаясь в такие размышления, я был чрезвычайно удивлен необычайной смелостью и, да простят мне такие определения, глупостью и невоспитанностью мутакаллимов.

Знаменитый философ и поэт досточтимый Саади сказал следующее:

От руки и языка что появляется,

Оно из обязанности быть благодарным возникает.

Человек тем хорош, что за свой грех

Прощения просит у порога Господа.

Если недостойн он Господа своего,

Никто его не простит.

Воистину вот мораль, соответствующая величию Властелина миров Аллаха! Такой морали, конечно же, не может быть в каламических книгах вроде «Мелла Джалал» и «Тафтазани», поэтому и необходимы такие художественные произведения, как «Гюлистан» и «Дивани Хафиз».

В вопросе об ошибочности тезиса о долженствовании воздаяния удовлетворимся сказанным выше и обратимся теперь к мнениям мутакаллимов о долженствовании наказания.

Ашариты и матуридиты относят возможность прощения без предварительного покаяния ко всем грехам, кроме куфра, и считают, что за куфр наказание должно быть обязательным. Но досточтимый Васил Ибн 'Ата и его единомышленники относили к куфру также и великие грехи и верили, что за каждый из совершенных великих грехов должно налагаться наказание.

Отложим в сторону вопрос о великих грехах и остановимся подробнее на поставленной мутакаллинами проблеме «долженствования наказания за куфр», ибо нашей главной задачей является решение именно этой проблемы.

Какой смысл имеет слово «должно» в словосочетании «за куфр должно следовать наказание»?

Согласно высказыванию Посланника Аллаха, да будет ему мир и благословение Аллаха, людей можно делать ответственными за что-либо, иными словами, на них можно возлагать те или иные обязанности, которые они должны исполнять. Но нет сомнения в том, что понятие «должно» в этом смысле никоим образом не применимо по отношению к Абсолютному Вседержителю Аллаху, поскольку притязание на требование долженствования в таком смысле привело бы к необходимости существования еще более великого и более могущественного существа. В силу того, что долженствование в отношении Всесильного и Могущественного Аллаха в указанном смысле категорично запрещено как в рациональном, так и в религиозном планах, мутакаллимы постарались облечь свои притязания в более приемлемую форму и поэтому были вынуждены обосновывать два вида долженствования. Первый в виде «должно ему» (вуджуб 'алей-хи), а второй в виде «должно от него» (вуджуб минху). И если выражение «должно Аллаху» (йаджибу 'аля ал-Ллах) требовало бы поступления повеления от другого лица, то выражение «должно от Аллаха» (йаджибу мин ал-Ллах) совершенно не подразумевает необходимости в наличии другого повелевающего субъекта. А коль так, заявили мутакаллимы, то нечто может быть возложено на Аллаха как должное Его собственной ответственностью и Его решением. Если исполнение наказания за великие грехи и неверие возлагается Аллахом на Него самого и по Его усмотрению такими аятами, как «Поистине Аллах не прощает, чтобы Ему придавали сотоварищей, но прощает то, что меньше этого...» (Женщины: 51(48)) или: «Сказал Он: «Не препирайтесь у Меня: Я предупредил вас угрозой. Не меняется слово у Меня, и не тиран Я для рабов» (Каф: 28-29), то это возможно. В этом случае, говорили мутакаллимы, наказание необходимо и прощение категорически недопустимо. Ибо если великие грехи или неверие будут прощены и за них не последует наказания, то придется признать, что в

целом в Небесных Писаниях, и в благородном Коране в частности, во многих местах есть ложь и обман. Неисполнение угрозы и обман запрещены Всевышним Аллахом. Так говорили мутакаллимы.

Каждый справедливый читатель, который в высшей степени старательно и с чрезвычайным вниманием изучил книги по каламу и сопутствующие толкования, знает, что приведенное выше доказательство необходимости наказания является самым сильным аргументом в руках мутакаллимов, и они не имеют другого более весомого доказательства.

Поэтому если я смогу опровергнуть точку зрения мутакаллимов, то в таком случае я буду в состоянии убедить каждого мутакаллина принять мое утверждение (да 'ва).

Если бы я вступил в споры с мутакаллинами и если стал бы подражать их манере мышления, если бы я опустился настолько, что стал бы толковать или приспособлять под себя аяты Корана так, как толкуют и приспособляют их под себя мутакаллимы, то, конечно же, я сопровождал бы каждый из предостерегающих аятов аятами о прощении или милости. Или сказал бы, что предостерегающие аяты не категоричны, а предположительны, и поэтому при возникновении прямо противоположного с необходимостью не вытекал бы и тот обман. Или опроверг бы необходимость наказания, привязав предостерегающие аяты к желанию Аллаха, поскольку в Благородном Коране много аятов, подобных следующему: «Разве ты не знаешь, что Аллаху принадлежит власть над небесами и землей?! Наказывает Он кого пожелает и прощает, кому пожелает. Поистине Аллах над всякой вещью мощен» (Трапеза: 40). Или смог бы опровергнуть предостерегающие аяты другими убедительными аятами, как, например: «Скажи: «О, рабы Мои, которые преступили против самих себя, не отчаивайтесь в милости Аллаха! Поистине Аллах прощает грехи полностью: ведь Он – Прощающий, Милостивый!» (Толпы: 53).

Если бы я принял точку зрения мутакаллимов хотя бы ради того, чтобы они не могли на меня обижаться, то даже сами мутакаллимы признали бы

мое право опровергать приводимые ими доказательства, поскольку я оставался бы на их собственной платформе. Но у меня нет надобности в том, чтобы следовать за мутакаллимами, ибо, по моему мнению, самые сильные из их доказательств выстроены на очень слабой и шаткой основе.

Если бы мутакаллимы умели различать неподчинение и прощение, обман и снисходительное отношение к виновности, то они не впали бы в такой позор и заблуждение. Несмотря на то, что неповиновение не приветствуется ни разумом, ни законами, прощение, тем не менее, является главным признаком высокой нравственности. Обман – большая вина, но избегание слов «обвиняю» или «осуждаю» – это самое яркое проявление душевной широты.

Аллах в Благородном Коране говорит следующее: «Мы ниспосылали посланников только с языком, на котором говорили племена, к которым они посылались».

Все коранические аяты о наказании были ниспосланы на арабском языке. Прощение и избегание обвинения в арабском языке и национальных традициях никогда не считалось ложью. Отстранение от обвинения и прощение преступников считается в арабских традициях самым почетным и великим благим действием.

Мутакаллимы видели в предостерегающих аятах должность наказания, а я, опираясь на широту божественного милосердия, буду считать, опираясь на арабские традиции, что Аллах в Судный день, конечно, простит грехи каждого человека. И если так, то получается, что я пред величием Властелина миров Аллаха веду себя более пристойно и лучше понимаю Благородный Коран.

Автор «Мекканских откровений» Мухитдин Ибн аль-'Араби в IV главе, на 517-й странице своего труда, говорил следующее: «Здесь мутакаллимы совершили величайшую ошибку, говоря о том, что в Послании Аллаха содержится ложь. И они не знают, что подобное этому не называется ложью в обычаях того, кем был ниспослан закон. Рациональное доказательство

скрылось от них за знаниями юридической формы. И это является недостатком некоторых умов. Это недопустимо. Следует обратить внимание на законотворческие цели в речи говорящего, на особенности языка, на котором он говорит, и на то, по каким традициям совершаются действия в его народе. Некоторые из кочевых арабов говорят: «Воистину если я обещал ему, то я не нарушу моего обещания и выполню его. И не говорится, что Аллах нарушает [обещание], но говорится, что Он прощает своему рабу».

Величайший из мусульманских ученых досточтимый имам Йахья Ибн Ма'аз сказал следующее: «И обещание, и угроза – истинны. Исполнение обещанного является правом раба перед Аллахом. Всевышний Аллах заверил людей, что Он даст то, что они заслужили своими деяниями. Если кто-то творил добро пред Аллахом, то Всевышний Аллах ответит ему благом. Угроза же является правом Аллаха перед его рабом. Коль он сказал: «Не делайте того-то и того-то, повинуйтесь, ибо Я могу вас наказать». Если же они будут творить запрещенное Аллахом, то прощение или наказание таких – право, остающееся за Аллахом. Первым из них прощение и великодушие, ибо Он Прощающий, Милосердный».

Опровергая аргументы мутакаллимов, я удовлетворяюсь тем, что имеется на данный момент. Далее, если пожелает того Аллах, я предложу всем зрячим людям неискаженные разъяснения аятов Благородного Корана. И если пожелает того Аллах, то я, конечно же, смогу облегчить сердечную боль господ имамов, привыкших толковать Благородный Коран каламическими выражениями, если господа имамы, отвергающие всякую истину, не вписывающуюся в их среду, смогут это понять.

VIII

Я благодарю Властелина миров Аллаха, ибо проблема стала несколько проще: если раньше она была очень непонятной и считалась совершенно не соответствующей священному учению благородного Корана, то сейчас, видимо, в силу влияния недавно вышедшей книги «Проблема Божественной милости», она хотя бы стала восприниматься. То, что когда-нибудь ад

прекратит существование, стало теперь понятным для российских мусульман благодаря мыслям некоторых наших праведных предков и сподвижников Пророка. Вполне возможно, что ограниченные люди, которым свойственно мерить любую истину только своим аршином, благодаря влиянию этой книги несколько исправятся. Остается надеяться, что наши уважаемые имамы, возможно, приложат достаточно усердия для того, чтобы встать на путь диспутов и споров по весьма широким научно-богословским (ильми) вопросам, которые поднимали наши праведные предки, освободясь от мрака каламических трудов, появившихся на почве узколобости и гордыни. Возможно, в душах наших мусульман проснется тяга к усвоению не противоречащих разуму постулатов ислама из самых надежных и достоверных источников, и они откажутся от каламических убеждений и верований, которые построены на оболгании естественных наук и отрицании знамений и мудрости (хикма) Абсолютного Властителя Аллаха. Поэтому следует усвоить самые не противоречащие разуму постулаты ислама из самых надежных и твердых источников.

Это я говорю с позиции исламских трудов по вопросу о всеохватности божественной милости. Но если мы взглянем на проблему универсальности божественной милости, желая возвеличить Абсолютного Властелина Аллаха самым великим именем, или, освободившись от невежества и гордыни, уделим хотя бы чуточку внимания бесконечному миру бытия, или же при помощи самого совершенного бинокля захотим обозреть жизнь человечества в будущем, то в этот момент истина покажет нам полностью свой лучезарный лик. Та широта взглядов, что мы узрим в священном учении ислама, наполнит нас беспредельной радостью. Признавая, что такие взгляды являются еще одним доказательством величия и святости ислама, мы с большим желанием принимаем их. Если бы на пути признания этих доказательств потребовалось перетолковывать некоторые источники, то мы сочли бы это своим долгом. Но на этом пути мы не встретили примеров превратного толкования источников шариата. Мы усвоили этот взгляд,

чтобы, исходя из сути многих аятов благородного Корана и глубокомысленных изречений Пророка ислама, обрести светлое учение, изложенное высоким и прекрасным языком.

Мне пришлось по душе статьи, написанные с намерением поддержать меня уважаемым писателем господином Фатихом Амирханом на страницах «Идели» и уважаемым господином Н.Ю. в январском (8-м) номере «Тарджемана», которые именно с таких позиций взглянули на проблему универсальности божественной милости. Я благодарен моим почитаемым друзьям за их моральную поддержку и воодушевление. Я могу открыто гордиться тем, что наша молодежь, получившая высокое воспитание, поддерживает мои мысли. Я предполагаю, что если и не вся молодежь такова, то, конечно же, основная ее часть.

Думается, что освещение этой проблемы в периодической печати российских мусульман, иншаллах, не будет бесполезным. Я и прежде надеялся на это. Позже надежда только окрепла. Я решил и далее доказывать свое заявление на страницах печати.

Универсальность и всеохватность божественного милосердия, спасение человечества или наказание его, целиком зависящее от воли Аллаха, и, конечно же, конечность этого наказания во времени – все эти проблемы в мире калама кажутся странными и новыми. Но на самом деле они не новы. Эти проблемы и их решения являются вполне обоснованными, дошедшими до нас от досточтимых сподвижников-сахабов, великих мусульманских ученых, чьи имена пользуются всеобщим уважением, и их последователей.

В качестве свидетельства приведу здесь несколько строк из самого большого и самого почитаемого тафсира-толкования досточтимого Мухаммада Ибн Джарира ат-Табари под названием «Джавами' аль-Баян».

Взгляните на 66-ю страницу главы 12 книги «Джавами' аль-Баян», напечатанной в столице Египта аль-Кахире. Здесь почтенный Ибн Джарир ат-Табари говорит: «От Шааби передал Байан, от него – Джарир, от него –

Ибн Хамид: «Из двух обителей быстрее всего будет возведен и разрушен предел Геенны».

Возможны ли какие-либо толкования этого сообщения? Не шире ли оно нашего заявления во много раз? Если вера во всеобщее спасение категорически противоречит учению благородного Корана, то интересно, как может примириться такой взгляд великого ученого Шааби со Священным Кораном?

Кто такой имам Шааби? Имам Шааби является величайшим табином – последователем и учеником современников Пророка, чье имя стоит в одном ряду с именем досточтимого Сайи да Ибн аль-Мусиб. Он является богословом, который достиг высших ступеней познания и мудрости в мире ислама. В свое время он был одним из великих ученых, чьи мысли и взгляды на проблемы политики были весьма авторитетными. Это – имам, стоящий выше всех богословов-основоположников четырех мазхабов.

Если в проблемах символа веры идеи ашаритов и матуридитов считаются непоколебимыми аргументами, то мы можем в качестве аргумента вооружиться словами такого деятеля, как имам Шааби. А коль скоро мы так и поступим, то и наши взгляды постоянно будут склоняться на сторону этого досточтимого имама. Ибо ашариты и матуридиты будут навязывать нам «'илм» (знание), построенное на фундаменте диалектики, а имам Шааби будет наставлять нас аятами Благородного Корана и достоверными примерами из жизни досточтимого Пророка Ислама, да будет ему мир и благословение!

Они – лучшие из друзей. Мы выбираем их с еще большей радостью. Взгляните, что еще пишет в той же 12-й главе, на 66-й странице, «Джавами' аль-Баян» досточтимый Ибн Джарир ат-Табари: «И сказал Абу Мас'уд: «Я клянусь тем, чем принято клясться: придет день и не останется в Геенне ни одного человека!»».

Если мы поднимем до небес наше утверждение, используя в качестве доказательства только это слово, то уже поэтому у ученых мужей не будет

оснований отрицать нашу правоту. Ибо если уж в мире ислама досточтимый Абдулла Ибн Мас'уд не понимает благородного Корана, то могут ли понять его мутакаллимы, чьи умы испорчены софистикой? Если это так, то слова почтенного Абдуллы Ибн Мас'уда являются одним из моих доказательств.

Не был ли Абдулла Ибн Мас'уд, согласно оценке, данной ему досточтимым Сайид-ал-Вуджудом, самым надежным хранителем благородного Корана, самым усердным его исполнителем и самым верным сподвижником-сахабом? Абдулла Ибн Мас'уд является сахаба, который собственноручно записывал благородный Коран, он почитаем каждым из остальных сподвижников за свои богословские познания и постановления – фетвы по различным вопросам бытия!

Будут ли мутакаллимы хоть чуточку справедливы в своих поступках? Допустим, что мое утверждение и противоречит аятам благородного Корана и что я выхожу за границы ислама из-за этого моего утверждения, но как быть тогда не просто с голым утверждением Абдуллы Ибн Мас'уда, а с принесенной им клятвой? Ведь слова Абдуллы Ибн Мас'уда не просто заявление, а клятва! В своих утверждениях и заявлениях человек может сомневаться. Но если человек сомневается, имея свободную волю и разум, он никогда не будет клясться.

Такой человек, как почтенный Ибн Мас'уд, будет клясться, несомненно, только тогда, когда его вера в объект клятвы будет тверда.

Если я выступил с моим заявлением в силу того, что не понял каких-то вещей, то, вероятно, Великий Законодатель простит мне мою ошибку. И неверные утверждения таких людей, как я, не нанесут ни чуточку вреда истинности благородного Корана. Но такой великий богослов, как почтенный сахаба Ибн Мас'уд, несомненно, свободен от всякого непонимания. И если не просто утверждение, а даже клятва такого человека противоречит благородному Корану, то в чем смысл всего этого? Неужели Ибн Мас'уд объявляет благородный Коран ложью? Или благородный Коран...?

Какой из этих двух вариантов выберут мутакаллимы, вся религиозность и вера которых зиждется на таких каламических сочинениях, как «Мелла Джалал» и «Тафтазани»? Мутакаллимы, заявляющие, что всеобщее спасение «категорически противоречит благородному Корану», несомненно, будут вынуждены выбрать один из двух предложенных вариантов.

Если они вдруг заявят: «Нет! Это ложь! Ибн Мас'уд не мог сказать таких слов!» – и присвоят себе, таким образом, право оболгания передатчиков хадисов, честность которых была известна имамам-составителям сборников хадисов, и если мы и согласимся с их словами из вежливости, то, таким образом, сметем все каламические книги и верования, в них содержащиеся. Пусть для последующих веков они сохраняются лишь как запыленные предрассудки.

На этот раз удовлетворимся этим. Если мы представим наши суждения об аятах, говорящих о наказании, то и в этом случае, иншаллах, сошлемся на мнения и убеждения сахабов и табиин. Если в этот раз мы и поспешили привести по одному выражению от досточтимых Ибн Мас'уда и Амира аш-Шааби, то это было сделано лишь с одной целью: призвать мутакаллимов, лишенных чести принять их утверждения, к барьеру честности и справедливости. Пусть видят, каковы мысли и убеждения почтенных имамов Ибн Мас'уда и Амира аш-Шааби, которые, вероятно, понимают благородный Коран «несколько» лучше, чем наши «ученые-мутакаллимы».

Я, иншаллах, хотя бы прилагаю усилия для того, чтобы очистить сердца и умы наших учащихся-мусульман от каламической модели мышления. Если смогу хоть немного укрепить веру шакирдов медресе, значит, мое утверждение обретет жизнь.

Если мы покажем недуги и болезни, которые охватили жизнь нации и обрекли ее на пассивное возлежание на ложе безделья и лени, то увидим, что самыми серьезными из них являются узость и тьма, царящие в наших

сердцах, и каламические верования, превратившие наши мозги в гнездилище предрассудков.

Надеясь найти средство от этих болезней, десять лет тому назад я пришел к мысли, что следует поочередно, последовательно друг за другом опровергать все воззрения, содержащиеся в трудах по каламу. Во мне окрепла надежда раскрыть «важность» проблем, рассматриваемых в науках, которые суфии называют «формальными науками» (улюм расмия), а муджтахиды критикуют, называя их каламом. Поэтому до нынешнего дня мне удалось поднять несколько таких вопросов.

Ранее я уже опубликовал некоторые мысли об аятах, говорящих о наказании, и об аятах милосердия на страницах журнала «Шура». Теперь же счел уместным привести здесь пусть не перевод, то хотя бы смысл одной установки, изложенной в трактате «Аль-Муафакат», относительно аятов, гласящих о радости или наказании. Это я делаю для того, чтобы, во-первых, дать своего рода пояснение аятов, которые собираюсь привести далее, и, во-вторых, чтобы критически подойти к ошибкам людей, в большинстве своем неправильно понимающих аяты благородного Корана. Автор «Аль-Муафакат» в третьей главе своей книги «Шариатские доказательства» (адилла' шар 'ия) пишет: «После или перед каждым аятом благородного Корана, говорящем о наказании, идут аяты благой вести. Но ни в одном из аятов она не упоминается как нечто уже воплотившееся в жизнь, но как предполагаемая вещь. Например, в суре «Предвечернее время» Властелин миров Всевышний Аллах говорит: «Клянусь предвечерним временем! Поистине человек ведь в убытке, кроме тех, которые уверовали, творили добрые дела...». Употребленное здесь слово «человек» не означает европейца или татарина.

В благородном Коране, в 141-м аяте суры «Женщины», Всевышний Аллах говорит: «И никогда Аллах не устроит неверных примером для верующих».

Подразумевается ли здесь, что первые – это саксонцы, а вторые – индийские мусульмане или земледельцы Египта? Не является ли реальность прямо противоположной тому?

В 29-м аяте суры «Ангелы» благородный Коран говорит: «Ведь боятся Аллаха из Его рабов знающие». В качестве знающих, ученых мужей здесь не подразумеваются стамбульские ходжи, шейхи аль-Азхара, мевлевии Индии, дамеллы Бухары, российские муаллимы и татарские муллы.

В 105-м аяте суры «Пророки» благородный Коран говорит следующее: «И написали Мы уже в Псалтыри после напоминания, что землю наследуют рабы Мои праведные». Здесь тоже под словом «рабы Мои праведные» не подразумеваются египетские феллахи, магрибские сенуситы, стамбульские каландары, индийские факиры – нищие, татарские суфии, ишаны из Альметьевска, накшбандии из Бухары.

Властелин миров, Всевышний Аллах говорит в Благородном Коране. «Истиной стала для нас победа верующих».

Кого Он имел в виду, когда упомянул здесь «верующих»? Десятки миллионов индийских мусульман, оказавшихся в неволе у нескольких англичан? Мусульман-яванцев, ставших рабами Голландии? Или?..

Несмотря на то, что во множестве аятов благородный Коран превозносит веру, тем не менее там не идет речь о проблемах, рассматриваемых в трактатах «Бад' аль-Ма'ариф» и «Мелла Джа-лал».

Если благородный Коран, используя выражения «благоденствие» (салиха), «благо» (хайра), и призывает людей к совершению добрых дел, в нем не имеется в виду прославление имени Бога на татарском языке, сопровождаемое перебиранием четок, не подразумевается произнесение славословий в адрес божества сто тысяч раз в день, не повелевается отбивать бесконечные поклоны, нараспев читая касыды.

Несмотря на то, что Властелин миров Всевышний Аллах в благородном Коране обещал счастье и благоденствие богобоязненным, Он, говоря о богобоязненных, не имел в виду конкретно ни суфиев в зеленых

чапанах и желтых ичигах, ни шейхов, воспитывающих мюридов, ни отшельников, живущих запершись в своих кельях, ни аскетов-захидов, совершенно отрешившихся от мира, ни святош, избегающих взгляда на лик постороннего человека.

Властелин миров Всевышний Аллах, говоря в благородном Коране: «Вы – лучшие из всех общин, которые когда-либо были представлены среди народов, и вам было велено творить благо и отдаляться от запретного», не имел в виду имамов-ходжей, читающих проповеди по книгам «Танбих аль-Гафилин», «Дур-рат аль-Ва'изыйн», «Газкират аль-Картаби», и он не имел в виду хатибов, читающих в минбарах мечетей праздничные проповеди-хутбы по текстам, изданным в Египте Властелин миров Всевышний Аллах, говоря: «Те, кто не судит согласно тому, что низвел Аллах, те...», тем не менее, не имел в виду установления, которые написаны в «Ниспосланиях от Аллаха», «Базазии», «Танвире», «Джами' ар-Румузе».

В благородном Коране Аллах говорил как об обитателях рая, так и обитателях Геенны, но Он не сказал: «Иными словами, это анатолийские турки» или «американские англичане».

Тем, кто, прочитав в Коране аяты о наказании или милости, начинает приводить доказательства, следует подумать о вышеупомянутом. Иначе вера в то, что аяты о милости подразумевают нас самих, а аяты о наказании – остальных, не приведет ни к чему, кроме самообмана.

Если большинство из народов, претендовавших на обладание одним из Писаний, ниспосланных с небес, погибли, то только под влиянием такой веры: они приписывали благую весть Неба только на свой счет, а мучения ада относили к другим. Они, хотя и не забывали повторять восхвалявшуюся в богооткровенных книгах веру, тем не менее думали, что она представлена двумя-тремя предложениями, не имеющими какого-либо значения в реальной жизни. Если бы их вера, состоящая якобы из двух-трех предложений, была истинной, то она вела бы людей по пути счастья и

благополучия, а она, наоборот, стала причиной их праздного возлежания на ложе застоя и пассивности. В чем причина данного положения?

Читая последние аяты суры «Различение», мы увидим, что там сказано следующее: «А рабы Милосердного – те, которые ходят по земле смиренно и, когда обращаются к ним с речью невежды, говорят: «Мир!». И те, которые проводят ночи перед своим Господом, поклоняясь и стоя. И те, которые, тратя, не расточительствуют и не скупаются, а бывают между этим равны. И те, которые не призывают с Аллахом другого божества и не убивают душу, запрещенную Аллахом, иначе, как по праву, и не прелюбодействуют. И те, которые, когда напомнишь им знамения их Господа, повергаются ниц и не остаются глухими и слепыми к ним. И те, которые говорят: «Господи наш! Дай нам от наших жен и потомства, и усладу глаз и сделай нас образцом для богобоязненных!»».

Все мы читаем эти аяты из суры «Различение». Но, по мнению большинства, такими людьми перед Аллахом являются старые хазраты в зеленых чапанах, предводители старцев – завсегдатаев мечетей, или степенные пожилые ишаны, взявшие несколько жен за свою жизнь.

Я знаю, эти слова крайне тяжелы. Но что поделать, это и есть бедствие, которое погубило не нас одних, но и весь наш народ, и даже более того, погубило весь наш ислам!

Будем справедливы в оценках! Если в наших душах есть хотя бы капля веры, давайте же хоть чуточку устыдимся обманывать себя и весь наш народ!

На этом пока все.

Цель такова: аяты о милости или наказании не являются категорическим решением. Толкование смысла аятов о милости как «то есть татары», а аятов о наказании – «то есть англичане» является ошибкой. Вера – иман является не верой в установки, изложенные в наших книгах по каламу, то есть не исполнением благих деяний, описанных в «Салиха» и «Фадаиль

аш-Шухур». Пусть эта критика будет своего рода вступлением к тому, что я опубликую позже.

Заключительное слово

Меня заставило несколько призадуматься то, что группа уважаемых имамов и часть верующих были обеспокоены и взволнованы вследствие представления всему исламскому миру через уважаемый научный журнал «Шура» искренней доказуемой полезной и важной научной проблемы. Ибо причиной, вызвавшей смуту, был я. Если вследствие этой смуты будет нанесен ущерб исламской вере, то, конечно же, нет сомнения в том, что ответственность за это полностью ляжет только на меня.

Поэтому я серьезно задумался. Я размышлял долго и глубоко, возвращаясь к предыстории этой ситуации и размышляя обо всех возможных последствиях, которые она способна вызвать, и анализируя самые смелые и сильные аргументы и доказательства, способные оппонировать моей точке зрения. Естественно, что для меня нет никакой пользы и интереса в том, чтобы необоснованно поднять проблему, рассмотрение которой чревато неприятностями и которую к тому же невозможно решить. Конечно, я знаю это. Я не настолько отрешенный каландар, чтобы не понимать собственных интересов.

Несмотря на то, что иджтихад, совершаемый во благо остальных людей, не стал общепризнанным благодеянием, необходимость действовать во имя собственных интересов присутствует благодаря требованиям «божественной милости» в нашей жизни в самой общей и естественной форме. По моему мнению, я также не являюсь исключением из этого закона природы. И предполагаю, что крайняя степень эмоционального накала в противостоянии этой проблеме, наблюдаемого в массах верующих, вызвана лишь благодаря воздействию этого закона.

Я еще раз взглянул на проблему, поднятую мной. И увидел: суть ее заключается в возвеличивании и восхвалении Властелина миров Всевышнего Аллаха самым достойным образом, в приумножении еще одним великим

благом цепи нескончаемых достоинств ислама, в исправлении или полном разрушении убеждения, которое с древних пор вело человечество к гибели и являлось причиной многих бедствий, обрушивавшихся на головы людей.

Если вопрос стоит именно таким образом, то я отдам ради этой веры свою душу и всего себя. Если же на самом деле это не так и я ошибался, то за эту мою веру, основанную на добром намерении, Великодушный Господь в Судный день, конечно же, не подвергнет меня и тех, кто последовал за моими словами, наказанию. Я надеюсь на это.

Я далек от убежденности в том, что Прощающий Великодушный Властелин миров Аллах является заложником мести и вечного гнева. Я не могу водрузить на исламскую доктрину, которая подробно раскрыта и разъяснена в благородном Коране, ниспосланном в качестве всеобщей милости для всех миров, такую чудовищную жестокость, как вечное наказание всех людей. Если бы мне было позволено, то я не возложил бы по доброй воле на других людей наказание, которое не смог бы вынести сам. Я не смогу считать верными слова о том, что учение о вечном наказании необходимо ради самой исламской истины...

Мой взгляд об «универсальности божественной милости» возник на почве таких размышлений. Для обоснования и доказательства правоты своего подхода у меня накопились многочисленные доводы и аргументы из аятов благородного Корана, из достоверных слов и изречений светоча мироздания, Пророка милосердия, Величайшего Законодателя, досточтимого Посланника, да будет ему мир и божье благословение. А коль так, пусть всякий справедливый человек признает мое право поднять и решить эту проблему.

Если возникнут препятствия для представления моего заявления, я смогу сделать только одно: поскольку писатели, применяющие определенную тактику движения в «научных вопросах», или профаны, прячущиеся за лозунгом «у меня своя политика», говорят мне: «Дорогой! Истина может быть и на твоей стороне, быть может, ты и прав, но у каждого

слова свое время и место. Среди российских мусульман не должны произноситься такие слова. Народ не сможет принять их. Не следует ли говорить только то, что соответствует степени сознания масс? Мы тоже могли бы говорить, как и ты, о таких вещах, но...»

Прежде чем опубликовать свое заявление, я думал об этом, но не смог отказаться от идеи опубликовать его. И я представил на обсуждение свое утверждение во всех тонкостях и подробностях. Позже я довел его до народа через научный журнал «Шура».

Тонким языком мастера иносказания Ходжи Хафиза Ширази сказано:

Свидетельством разума будет тот человек,

который во всех делах

Сначала осмотрится, и только после этого

выйдет в путь.

Я стал действовать, вооружившись мудростью, почерпнутой из этого двустишия. Позже я познакомился с трактатом «Имам Газзали», написанным пером досточтимого Ризы-хазрата [Ризаэтдин Фахретдинов]. Здесь я нашел чрезвычайно ценные слова, ставшие примером литературного мужества, вызвавшие невольный восторг, кои я проверял тысячи раз и выучил наизусть. Так в моем сердце появились самое сладкое блаженство, уверенная и спокойная смелость. Милостию Аллаха я обладал умом, достаточным для того, чтобы различать слова, которые можно произносить, от слов, которые произносить нельзя, и имел глаза, способные отличать белое от черного.

Я обратил внимание на политику сокрытия некоторых вопросов от внимания простого народа. И увидел следующее: в нашем исламском шариате нет религиозных таинств. Наш Священный Законодатель не оставил завета утаивать от верующих масс религиозные истины или богословские проблемы. В мире политики есть, быть может, польза от утаивания истины и вред от ее оглашения. Но в искренних и честных научных вопросах никогда не будет утаивания. Лидеры древних религий, священники, культивируя «таинства», использовали их для достижения своих корыстных целей. Ислам

совершенно свободен от политики использования таких «тайнств» и философии «утаивания».

Если философия сокрытия религиозных «тайнств» в древние времена и обслуживала собственные интересы священнослужителей, сокрытие же научных проблем никогда и никому не приносило ни на грош пользы. Суждения, подобные таким, как, например: «Я-то смогу понять, но, пожалуйста, будь осторожен, простой народ этого не поймет, скажешь, когда придет время», являются не чем иным, как манифестацией гордыни, подходящей только для превозносящих себя «мудрецов», которые, придавая себе большую ценность, унижают остальных людей, называя их серой массой. Я никогда не осмелюсь скатиться до уровня крайне ущербного заявления о том, что исламская доктрина может быть сохранена только в движении по пути размышлений, основанных на пустом философствовании и интеллектуализме.

Ислам не нуждается в моих или чьих-либо еще умствованиях и размышлениях. Ни одна ветвь ислама никогда не дрогнет от нападков не то что одного, а миллионов таких, как я и ты.

Однажды наши законотворцы-мутафаккихи, совершенно не стесняясь, от имени исламского шариата ставили в трудах по фикху проблемы, которые они считали необходимым скрывать от народа. В этом случае они заявляли: «По данному вопросу постановление-фетва не выносятся». Мы считаем, что подобные поступки были вызваны желанием следовать хоть каким-нибудь рамкам приличия. Ибо если нечто дурное и должно скрывать от масс, в силу отсутствия какого-либо постановления по этому вопросу, но, конечно же, следует стесняться того, что на основе священного шариата не выносятся решение относительно этого зла.

Отрицание в религии вообще, и в исламе в частности, всяких «тайнств» и сокрытия истины является величайшим и наипервейшим условием торжества правды и истины. По моему предположению, сокрытие от народа какой-либо богословской проблемы из-за связанных с нею беспочвенных

фантазий является совершенно бесполезным делом. Наш мастер эзопова языка Ходжа Хафиз Ширази сказал так:

В толковании веры все равны:

И турок, и араб, и все остальные народы.

Говори о богословской проблеме хоть на каком языке –

Перед Истиной все равны, она не навредит никому.

В одно время мусульманские ученые, последовав за христианскими папами и лидерами иных древних религий, приноровились скрывать от народа, которого, вдобавок, унижали словами «серая масса», некоторые проблемы, знания о которых, по их мнению, были доступны только им.

Для того чтобы придать благообразный вид своим поступкам, эти уважаемые личности ссылались на следующие слова из наследия великих суфиев:

Каждый, кого обучают тайнам веры, становится печатью и самим молчанием.

Казалось, что они шли по верному пути. Но это глубокомысленное двустишие нисколько не свидетельствует против нас. Считается, что великие суфии посредством неизвестного нам «кашфа» (откровения) постигают неизвестное нам знание. Мы не отрицаем возможность такого «кашфа» и таких знаний. А сами суфии ничего не говорят об этих знаниях. Даже если бы они посвятили нас в свою мудрость, мы не обязаны верить в нее. Суфии не обладают необходимым понятийным аппаратом, чтобы рассказать о таких вещах. Мы же свободны от необходимости следовать им. Поэтому суфии не могут говорить о подобных открытиях.

Но с позиции разума является совершенно неприемлемым сохранять в качестве «тайнств» то, что может стать общеизвестным благодаря явлениям природы или сообщениям благородного Корана под предлогом того, что оглашение таких вещей может принести вред. Если утаивание от людей, которых просто унижают, прикрываясь ширмой учености, связано со стремлением предохранить ислам, то это станет великим преступлением

против величия ислама, своего рода «медвежьей услугой» из известной русской поговорки.

В силу того, что размышления на эти темы заполнили всю мою душу, я опубликовал в прессе вначале несколько маленьких вопросов, а теперь вот одну, но очень значимую проблему. И в дальнейшем, иншаллах, смело буду выдвигать одну за другой еще более важные проблемы. Так очередь дойдет до проблем фикха и основ фикха (усуль аль-фикх). Если найдется кто-нибудь, кто научным путем станет опровергать или подтверждать поднятые мною проблемы, я буду ему благодарен. Но, как сейчас, я и впредь не буду обращать внимания на говорящих мне: «Замолчи! Не сей смуту! Говори людям только то, что может воспринять их разум!».

Я не предложу к обсуждению ни одной маленькой или большой проблемы, по которой прежде не соберу доказательства и аргументы. И только после того как сам твердо уверю в свою правоту, предложу ее на суд общества.

В таких условиях я совершенно свободен от того, чтобы обращать внимание на всякого хулителя.

Если я достигну такого уровня, когда смогу доказать какую-либо богословскую проблему действенным и прекрасным языком благородного Корана, то моя душа, естественно, преисполнится отвагой и мужеством, соответствующим величию Священного Писания. И тогда я не погрешу, если не прислушаюсь ни к одному из давно раздающихся предостережений, высказываемых с целью «не допустить смуты». Но если же кто-то из великих мужей нации, издали грозит мне пальцем, скажет: «А ну-ка знай меру!», то я, конечно, соблюдая правила приличия, встану перед ним и буду вынужден разъяснить ему свои слова.

Один из таких воспитательных актов настиг нас в 52-м номере газеты «Тарджеман» от 25 декабря.

Великий Отец нации, уважаемый Учитель, досточтимый Исмаил-бек Гаспринский, который в течение 25 лет вел всех нас за собой, претендуя на

лидерство и в вопросе об «абсолютности божественной милости», говорит: «В своих трудах возьми за образец уроки истории религий признанного мыслителя и уважаемого господина, досточтимого Ахмада Мидхата. Тогда сослужишь полезную и эффективную службу. Однажды русские, не обретя веры в разум, сочинили поговорку: «Горе от ума». Мы не имеем права жаловаться на избыток ума. Однако столько развелось философов, что уже имеем право сочинить поговорку на тему «Горе от философии».

Прекрасный совет! Конечно, от великого мужа может исходить только великое наставление. Но раз уж он решил дать совет, последний был бы еще прекраснее, если бы сперва обратили взор на то состояние, в котором находился «Тарджеман» 25 лет тому назад. В ту пору «Тарджеман» не имел ни своего языка, ни графического облика, а сегодня он является лучшей из всех наших газет. Исмаил-бек Гаспринский, который тогда не владел литературным языком, спустя четыре-пять лет стал писать прекрасные литературные труды, подобные «Французским письмам». Сегодня он является Исмаил-беком – величайшим лидером нашего народа.

Сегодня уважаемый Исмаил-бек завоевал славу великого отца нации. Но в дни, когда у него не было ни языка, ни стиля, ни один из наших тогдашних великих мужей, даже имея на то право, не сочинил поговорку о «горе от редактора». Если сегодня Исмаил-бек, будучи остроумным человеком, сочиняет поговорку о «горе от философии», на то его воля. Но если бы он, переняв у русских, привел поговорку «Горе от ума», то оказался бы еще более прав. Ибо с девятьсот четвертого (1904) года наш народ во всех общественных движениях нашего края, не находя проку от разума, жалуется на «горе от ума». И если наше общее состояние подвержено полному застою, то это не в силу «горя от философии», а только «горя от ума». Уважаемый Исмаил-бек прекрасно понимает эту истину. И мы были свидетелями и участниками всех общественно-политических движений. Наши уста не промолвили ни слова; ни одно важное слово, сказанное любим человеком, не

прошло мимо наших ушей. Поэтому мы записывали каждое слово. И нам известно наше сегодняшнее положение во всех тонкостях и нюансах.

Уважаемый господин Исмаил-бек отсылает нас к трудам и университетским лекциям скончавшегося профессора Соловьева. Хорошо. Но если бы своим сильным пером он не ущемлял наши права, было бы еще лучше. Почему сегодня великий писатель, руководивший нами в течение двадцати пяти лет, заключает нашу мысль в такие узкие рамки?

Откуда мы в дальнейшем возьмем материал для курса истории, религий – из университетских курсов или из других источников, скоро определится.

На ковре пронизательных хвостовство ни к чему. Или говори со знанием дела, о мудрец, или молчи.

Мы считаем уважаемого Исмаил-бека Гаспринского примером в нашем будущем движении. Сей великий муж нации в течение более чем четверти века преподавал нам крайне важные уроки своей твердостью и иджитхадом. Мы понимаем такие вещи. И в дальнейшем, если они снизойдут и будут вести нас, то хотелось бы, чтобы они не ограничивали наши права.

В этой статье я придаю оттенок важности и значимости поднятой мною проблеме. Возможно, в дальнейшем я не осмелился бы произносить такие вещи, но и мне придали сил и воодушевления статья уважаемого писателя Бурхана Шарафа под названием «Экзамен на цивилизованность», опубликованная в 558-м номере уважаемой газеты «Вакыт», и трактат «Проблема божественной милости», вышедшая из-под пера досточтимого и уважаемого Ризы-хазрата. Я выражаю им свою благодарность и прихожу к твердому решению и дальше доказывать свою точку зрения.

*Или я достигну цели,
Или душа из тела вон!*

Источник: Бигиев, М. Избранные труды в двух томах. Том 1. Антология татарской богословской мысли. – Казань, 2005.

Ризаитдин Фахретдинович Фахретдинов (1859 – 1936), выдающийся татарский и башкирский писатель-просветитель, учёный-востоковед, религиозный деятель. Муфтий ЦДУМ (1922 -1936).

Родился в деревне Кичучатово Бугульминского уезда Самарской губернии.

Учился в сельском медресе. Владел арабским, персидским, турецким и русским языками.

Литературное и научное творчество Ризаитдина Фахретдинова, его журналистская и редакторская деятельность оказали значительное влияние на развитие духовной культуры народов Урало-Поволжья. Именно под патронажем Фахретдинова в 1909-1910 гг. в журнале «Шура» публиковались лекции Мусы Бигиева о всеохватности божественной милости, вызвавшие большой резонанс в мусульманском мире.

В 1911 году в оренбургском издательстве «Вақыт» вышла работа Р. Фахретдинова «Рэхмэт илаһия месъэлэсе» («Проблема божественного милосердия»). В своем труде он защищает Бигиева от нападков критиков, которые, по его убеждению, плохо знают собственную духовную традицию. Российский мыслитель подчеркивает, что крупными исламскими богословами высказывалось мнение как о вечности ада, так и о конечности ада, поэтому поднятая Бигиевым тема не является новой; скорее, вносят новшества те, кто считают этот вопрос окончательно решенным в пользу утверждения о вечности ада. Он обращает внимание на важность проблемы всеохватности божественной милости для современности и призывает российских мусульман обратиться к ней более основательно, приготовив тем самым пути для остальной части исламского мира.

Перевод работы Р. Фахретдинова выполнен И.Ф. Гимадеевым (Казанский федеральный университет, г. Казань).

Проблема божественного милосердия

Введение

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного.

الرَّسُولَ فَأَكْتُبْنَا مَعَ الشَّاهِدِينَ رَبَّنَا آمَنَّا بِمَا أَنْزَلْتَ وَاتَّبَعْنَا

Господь наш! Мы уверовали в то, что Ты ниспослал, и последовали за Посланником. Запиши же нас в число свидетельствующих (Коран 3:53).

Наказание и милость Всевышнего Аллаха, особенно в загробной жизни, выше нашего понимания и шире наших сердец. Поэтому мы даже представить себе не могли, что можем написать хотя бы строчку, сказать

хотя бы одно предложение по этому поводу. Однако люди, пребывая в этом мире, не всегда действуют только по своему желанию, и совершают многое, независимо от того, хотят они этого или нет. И если мы не заявляем, что «рабы Аллаха – бессильны», то и это мы делаем не по своей воле, а потому что есть что-то, заставляющее нас так делать.

После того как уважаемый достойный Муса-эфенди опубликовал в журнале «Шура» статью про всеобщность божественной милости, некоторые читатели восприняли это с изумлением и обратились к нам с искренними просьбами разъяснить этот вопрос. Поэтому мы были вынуждены написать эту работу.

Некоторые «продавцы религии», которые постоянно пользуются невежеством народа, а также несчастные, которые ходят за ними и без повода, воспользовались статьей Мусы-эфенди и пришли в движение, стали науськивать простой народ, решили половить рыбку в мутной воде.

В разговоре с тобой приятен и сладостен

Но хитрит с тобой, как хитрит лиса

У нас нет никаких дел с такими людьми, мы с ними никак не связаны, пусть они продолжают делать свои дела. Эти строки мы пишем для читателей «Шуры» и в качестве ответа тем, кто лично обращался к нам с вопросами.

Наши убеждения в вопросах, связанных с Божеством, божественными атрибутами, именами Аллаха, загробным миром, заключаются в утверждении того, что утверждается в Коране, и отрицании того, что в нем отрицается. По поводу всего выходящего за эти рамки мы должны молчать, полагая: «Как укажет Аллах, то и есть истина, я в это уверовал». Таким образом, мы всецело полагаемся на Аллаха, отдаемся Его воле, и поэтому мы не следуем в вопросах за мутакаллимами, также мы не можем сказать, что полностью согласны с Мусой-эфенди. Вместе с тем, мы не отрицаем слова Мусы-эфенди, поскольку он выражает мнение, которого придерживались многие ученые. И мирская жизнь, и загробная, да и весь мир ничтожно малы,

будто их совсем нет, по сравнению с милостью Аллаха, которая предшествует Его гневу, превосходя и побеждая этот гнев.

Для тех, кто считает себя счастливым и благополучным, проблема решается просто, однако каждый, кто не совсем уверен в том, что он сможет избежать участи несчастных, будет прислушиваться к словам Мусы-эфенди.

Для тех, кто изучает сочинения саляфов [ученых ранней эпохи], книги, которые были написаны в исламском мире, нет ничего необычного в заявлениях Мусы-эфенди. Наоборот, странно ведут себя те, кто поднимает вокруг этого шум, не разобравшись в сути вопроса. Ведь это один из очень старых вопросов, которым задавались и задаются исламские ученые. И поэтому те, кто решится вступить в этот спор, должны соблюдать осторожность, не терять беспристрастность, дабы их слова не задели сподвижников Пророка. Не нужно излишне горячиться, как будто это раздел земли или вопрос выделения участков под сенокос. Не нужно проявлять невоспитанность и дурные манеры, уподобляя божественное милосердие вопросу пачки чая, которую даровали в медресе в виде милостыни. Эти мои слова относятся к тем, кто слышит.

Проблема, которую поднял Муса-эфенди, не нова. И для того, чтобы доказать это, я решил перевести одну из глав книги благородного ученого, хранителя ислама Ибн Каййима ал-Джаузии «Путь душ в обитель радости». Те, кто читал эту книгу, знают, что проблема божественной милости восходит еще к временам сахабов.

Ибн Каййим был ханбалитом, и всю свою жизнь посвятил изучению Корана и хадисов. Многие говорили, что он достиг степени абсолютного муджтахиды. Умер в месяц раджаб 751/1350 года, похоронен в Дамаске.

После того как Ибн Каййим приводит различные мнения про вечность ада, он посвящает отдельную главу различиям ада и рая, и в этой главе ясно говорит, как и Муса-эфенди, о всеобщности божественной милости, о надежде людей на спасение, после того как они испытают мучения и получают наказания, о которых говорится в Коране. Вот слова Ибн Каййима*:

I. Вечность ада

Ад вечен или нет? Среди саляфов и халифов [ученые ранних эпох и ученые позднего времени] существовали различные мнения (одно из течений – иудейское, поэтому тут не приводится):

1) Ад вечен. Люди, попавшие сюда, останутся тут навечно (будь они мусульмане или нет). Отсюда нет выхода и спасения. Это мнение хариджитов и мутазилитов.

2) Люди, попавшие в ад, будут испытывать мучения, однако это мучение через какое-то время превратится для них в обычное дело и в конце концов они начнут получать от этого удовольствие. Так говорил Ибн Араби (Ибн ал-Алуси: «Это мнение не одного Ибн Араби, так говорила и одна группа захиритов»).

Эти две первые группы отстоят далеко друг от друга. Первые отрицают спасение кого бы то ни было из ада, вторые (при том, что ад будет продолжать существовать) считают, что спасутся все [т.е. их мучения закончатся].

3) Все обитатели ада выйдут из него; ад останется, как был.

4) Ад и рай сотворены, а поскольку все сотворенное не может быть вечным, то и рай, и ад преходящи. Это мнение Джахма б. Савфана и его последователей. (Джахм б. Сафван был джабритом, распространял свое учение в Термезе, в последние годы правления Оммейядов был казнен в Мерве. Это все, что нам о нем известно). Они не видели разницы между адом и раем в этом вопросе.

5) Жизнь обитателей ада будет оборвана, они будут подобны минералам [неорганическому веществу], оставшись без движения. Они не будут страдать от боли. (В отличие от Ибн Каййима, Ибн Хазм описывает мнение этой группы следующим образом: «и останутся в положении минералов без движения, [но] они в этом положении живые – наслаждаются и страдают»). Это мнение приписывают имаму му‘тазилитов Абу Хузайлу ‘Аллафу. (Абу ал-Хузайл Мухаммад б. Ал-Хузайл ал-‘Абди, умер в Самарре

в 226 г. Известен как сильный полемист). ‘Аллаф говорил подобное и про обитателей ада, и про обитателей рая. Ни одно из этих течений не принимается, не одобряется.

б) Ад будет существовать какое-то положенное ему [известное только Аллаху] время, после чего Аллах прекратит его существование. Подобные слова передаются от таких благородных сахабов, как Ибн Мас‘уд, Абу Хурайра, Абу Са‘ид ал-Худри и других. Один из великих имамов мухаддисов ‘Абд б. Хамид (мухаддис, составитель сборника хадисов, автор тафсира, умер в 249 г.) передает подобные слова от халифа ‘Умара. Аяты Корана لَا يَمَسُّهُمْ فِيهَا لَا يَمَسُّهُمْ فِيهَا «пребывающие в нем вечно», «они никогда не будут оттуда выведены» (15:48) вероятно обусловлены продолжительностью существования ада и огня (мы делаем такое допущение, чтобы свести противоречащие друг другу доводы), однако мнение этой группы не противоречит аятам. Угроза/предостережение в аяте не относится к мусульманам, и исключение тоже их не касается.

قَالَ النَّارُ مَثْوَاكُمْ خَالِدِينَ فِيهَا إِلَّا مَا شَاءَ اللَّهُ إِنَّ رَبَّكَ حَكِيمٌ عَلِيمٌ

«Он скажет: «Огонь будет вашей обителью, в которой вы пребудете вечно, если только Аллах не пожелает иначе!» Воистину, твой Господь – Мудрый, Знающий» (6:128)

7) Ад вечен, и люди, помещенные в него навечно, останутся в нем вечно (вероятно, по причине известности, Ибн Каййим не упоминает это мнение отдельно). Мутакаллимы и многие другие придерживались этой точки зрения. Их доводы будут приведены в следующей главе.

II. Вечность ада и [пребывания в нем его] обитателей

Ад вечен и пребывание в нем его обитателей тоже вечно, они не выйдут из него и их мучения не прекратятся, чему есть следующие доказательства:

1) По вопросу вечности ада и его обитателей есть иджма‘ сахабов и табиинов, слова, противоречащие этому, возникли позже, являются нововведением и не принимаются. (Одним из тех, кто придерживался этой

точки зрения, был, видимо, Ибн Хазм: «Сошлись во мнении все группы уммы на том, что нет конца раю и его наслаждениям, и нет конца аду и его мучениям, кроме Джахма б. Сафвана, Абу Хузайла ал-‘Аллафа и группы из рафидитов»).

2) Из текста Корана категорически следует понимание, что ад и его обитатели будут вечны, и это никогда не закончится. Аяты 5:41, 43:74, 78:30, 33:64-65, 5:72, 7:38, 35:36, 25:66 и другие.

3) Известные хадисы сообщают нам, что те, в сердце которых будет хоть с пылинку веры, спасутся из ада, а неверующие будут лишены этой возможности. И если кто-то помимо уверовавших будет избавлен от мучений, то в таком случае не останется никакого превосходства и смысла в специальном заступничестве, обещанном уверовавшим.

4) Известны слова Пророка о том, что рай и его обитатели, а также ад и его обитатели не будут бренными.

5) Согласно убеждениям ученых ранних эпох и ахл ас-сунна, рай и ад в настоящее время созданы, вечны и никак не бренны. Другие мнения по этому поводу отвергаются, считаясь нововведениями.

6) Представляется логичным, и наш разум принимает это как должное, что не уверовавшие люди не будут избавлены от мучений, и будут вечно им подвергаться.

Итак, это были самые веские доводы седьмой группы, мнение которой считается распространенным. Однако те, кто считает ад бренным, не удовлетворяются этими доводами и последовательно опровергают их своими доказательствами, которые мы перечислим в следующей главе.

III. Опровержения

1) Те, кто заявляет об иджма сахабов и табиитов о вечности ада и пребывания в нем его обитателей, должны доказать это. Потому что бездоказательные заявления не принимаются в расчет. Мы даже готовы на то, чтобы они вместо доказательства существования иджма привели слова хотя бы одного сподвижника, который говорил о «вечном аде и вечном в нем

пребывании». Мы полностью уверены в том, что они неспособны даже на это. Наоборот, многие сподвижники говорили о том, что ад исчезнет по воле Аллаха, и табиины передавали от них подобные слова. Не существует иджма по поводу вечности ада. Напротив, вероятно можно было бы заявить, что есть согласованное мнение сахабов и табиinov о бренности ада. Ибо некоторые сподвижники явно и открыто такое говорили, а остальные молчали, не опровергая. Известно, что это можно считать одним из видов согласованного мнения.

2) Из упомянутых аятов становится понятно, что обитатели ада останутся в нем навсегда, не выйдут из него, и их мучения постоянны. В этом вопросе нет никаких противоречий между известными учеными ислама. Пока будет длиться существование ада, все будет именно так. Разногласия проявляются в другом – является ли сам ад вечным или нет. Про человека можно сказать, что его «выпустили из тюрьмы», если он покинул помещение тюрьмы, в котором он находился. Однако если тюрьма будет разрушена или это помещение потеряет присущие тюрьме признаки, то про переставшего быть заключенным человека нельзя будет сказать, что «его выпустили из тюрьмы».

3) В известных хадисах говорится, что люди, имеющие в сердце веру хоть с пылинку, выйдут из ада, остальные останутся там навсегда. В этом нет никаких разногласий. Пока будет длиться ад, многобожники будут находиться там. Однако из этого не следует вечность самого ада. В избавлении от мучений на один день, на один час раньше есть большая польза и в этом есть превосходство заступничества.

4) В исламе известно: пока длится ад, длятся мучения его обитателей. Однако из этого необязательно следует бесконечность и вечность самого ада. Есть ли хоть одно доказательство вечности ада? Если есть, его необходимо привести!

5) Нет сомнений в том, что слова о бренности рая и ада (говоря о них именно так, вместе) являются нововведением и еретическими

утверждениями. Потому что подобные слова не исходят от сахабов и табиinov. Однако тут спор не о рае и аде, а только об аде. И слова о бренности ада не являются словами сторонников недозволенных новшеств; напротив, это слова сподвижников. Те, кто вносит недозволенные новшества, рассматривают рай и ад вместе, а сподвижники разделяют их. Тот, кто приписывает идею о бренности ада еретикам, просто не осведомлен о мнении саляфов и халяфов.

Ересью, недозволенным новшеством называют слова, противоречащие Корану и Сунне, словам сахабов и табиinov, а иные слова неправильно относить к категории еретических. Вместе с этим, истинное слово, кем бы оно ни было высказано, должно приниматься. Убеждения саляфов, соответствующие Корану и Сунне: «Рай и ад сотворены, обитатели ада не выйдут из него, и не будут облегчены их страдания, они вечно пребывающие». Те, кто примешивает к этому какие-то слова о «небренности» ада, просто не осведомлены о мнении саляфов.

б) Не стоит примешивать рациональные рассуждения к вопросу о вечности или бренности ада. Эта проблема не постигается умозрительным путем, она относится к темам, узаконенным практикой.

IV. Личное мнение Ибн Каййима

1) Между раем и адом есть явная разница в вопросе длительности и вечности. Аллах однозначно сообщает в Коране о длительности и вечности рая, о том, что он никогда не исчезнет: «нет ему истощения», «нет ему прекращения». Однако все слова об аде касаются вечности пребывания в нем, невозможности выхода из него, постоянности мучений. И многие люди понимают разницу между этими описаниями.

2) О том, что ад не бесконечен, свидетельствуют следующие аяты:

قَالَ النَّارُ مَثْوَاكُمْ خَالِدِينَ فِيهَا إِلَّا مَا شَاءَ اللَّهُ إِنَّ رَبَّكَ حَكِيمٌ عَلِيمٌ

«Он скажет: «Огонь будет вашей обителью, в которой вы пребудете вечно, если только Аллах не пожелает иначе!» Воистину, твой Господь – Мудрый, Знающий» (6:128),

فَأَمَّا الَّذِينَ شَفَعُوا فِي النَّارِ لَهُمْ فِيهَا زَفِيرٌ وَشَهيقٌ
مَا شَاءَ رَبُّكَ إِنَّ رَبَّكَ فَعَالٌ لِّمَا يُرِيدُ خَالِدِينَ فِيهَا مَا دَامَتِ السَّمَاوَاتُ وَالْأَرْضُ إِلَّا
عَطَاءً غَيْرَ وَأَمَّا الَّذِينَ سَعِدُوا فِي الْجَنَّةِ خَالِدِينَ فِيهَا مَا دَامَتِ السَّمَاوَاتُ وَالْأَرْضُ إِلَّا مَا شَاءَ رَبُّكَ
مَجْدُودٍ

«Несчастливые пребудут в Огне, где они будут хрипеть и реветь. Они пребудут там вечно, пока существуют небеса и земля, если только твой Господь не пожелает иного. Воистину, твой Господь вершит то, что пожелает. Счастливые же пребудут в Раю. Они пребудут там вечно, пока существуют небеса и земля, если только твой Господь не пожелает иного. Это будет неиссякаемый дар» (11:106-108).

В этих аятах вечность рая и ада обусловлены пожеланиями Аллаха, однако про рай однозначно говорится, что «это будет неиссякаемый дар». Про ад таких слов нет.

مِرْصَادًا إِنَّ جَهَنَّمَ كَانَتْ
لِلطَّاغِيَةِ مَابًا
لَا يَبِثِينَ فِيهَا أَحْقَابًا
لَا يَذُوقُونَ فِيهَا بَرْدًا وَلَا شَرَابًا

«Воистину, Геенна является засадой и местом возвращения для тех, кто преступает границы дозволенного. Они пробудут там долгие годы» (78:21-24).

3) Рай – результат милости и довольства Аллаха, ад – результат Его гнева и недовольства. Известно, что милость преобладает и предшествует. Если бы эти две неизбежности (рай и ад) были равны, то милость не была бы преобладающей, а была бы равна гневу.

4) Если людям в аду предназначено непрерывно и бесконечно испытывать мучения, то какой смысл в том, что Аллах сотворил этих людей, вечно мучающихся? (неужели обитатели рая хотя бы немного не будут огорчены и опечалены судьбой своих родственников, матерей и отцов, детей и близких, которые обречены бесконечно гореть в адском пламени?)

5) Бухари и Муслим передают хадис следующего содержания от Абу Са'ида ал-Худри: «Аллах когда-нибудь выведет из ада даже тех, кто не сделал ничего благого хоть размером с пылинку». Также есть хадис о том, что из ада будут спасены те, кто хотя бы раз в жизни помянул Аллаха. Возможно ли существование человека, который ни разу в жизни не делал такого?

6) Те, кто несмотря на аят:

جَهَنَّمَ خَالِدًا فِيهَا وَغَضِبَ اللَّهُ عَلَيْهِ وَلَعْنَهُ وَأَعَدَّ لَهُ عَذَابًا عَظِيمًا مَنْ يَقْتُلْ مُؤْمِنًا مُتَعَمِّدًا فَجَزَاؤُهُ

«Если же кто-либо убьет верующего преднамеренно, то возмездием ему будет Геенна, в которой он пребудет вечно. Аллах разгневется на него, проклянет его и приготовит ему великие мучения» (4:93), считают, что тут нет противоречий, и остается вероятность избавления такого человека от ада, почему-то отказывают другим обитателям ада в возможности спасения.

7) [Еще один аят:]

تِهِ وَمَنْ يَعْصِ اللَّهَ وَرَسُولَهُ فَإِنَّ لَهُ نَارَ جَهَنَّمَ خَالِدًا فِيهَا أَبَدًا إِلَّا بَلَاغًا مِنَ اللَّهِ وَرِسَالًا

«Мне остается лишь доносить истину от Аллаха и Его послания. Кто же ослушается Аллаха и Его Посланника, тому уготован огонь Геенны, в котором они пребудут вечно» (72:23).

Кто-то полагает возможным спасение таких людей благодаря их раскаянию. Однако почему же невозможно спасение из ада благодаря Аллаху, благодаря Его милости? Имам Бухари передает хадис следующего содержания: «Если бы неверующие знали о милости Аллаха, они никак не были бы отчаявшимися».

8) Предположим, Аллах в Коране сообщает нам, что мучения вечны, никогда не прекратятся, ад никогда не исчезнет. Эти слова относились бы к угрозам, предупреждениям [ва'йд]. Тогда как противоречие угрозам, их неисполнение считается благородством; забывающий о своих угрозах [прощающий] достоин похвалы. И если это качество является похвальным для человека, то почему нельзя то же самое сказать об Аллахе? Абу Йа'ла ал-Мавсили передает хадис следующего содержания: «Аллах волен исполнять

или не исполнять свои обещания [ва‘д]». И если обещания являются правом людей, дарованным Аллахом, то угроза исключительное право Аллаха. И что может помешать Аллаху пользоваться своим правом? Все угрозы Аллаха, которые есть в Коране, идут в связке со словами «воистину, твой Господь вершит то, что пожелает», и это передается от благородных сподвижников. ‘Али б. Абу Талха в своем тафсире приводит слова Ибн ‘Аббаса: «Ни у кого нет права судить и говорить о рае и аде применительно к рабам Аллаха». ‘Али (да будет доволен им Аллах) после описания рая, ада и их обитателей сказал: «Потом Аллах сделает то, что захочет». Если меня спросят: «Каково твое собственное мнение на этот счет?», я отвечу сообразно словам ‘Али: «Аллах делает то, что пожелает».

На этом месте мы заканчиваем цитирование. Те, кто понимает по-арабски, должны сами посмотреть оригинал. У меня нет сомнений в том, что они извлекут из этого пользу.

Заключение

Являются ли приведенные слова Ибн Каййима истиной, не допускающей критики? Были ли написаны опровержения?

Мы не можем ответить положительно на первый вопрос, ведь непогрешим только Пророк. У каждого ученого, у каждого муджтахиды могут быть ошибки. Мы не можем утверждать, что в книгах, изучаемых как источники вероубеждения в наших медресе, заключена абсолютная истина. Конечно, и про книгу Ибн Каййима мы не можем сказать подобного.

Что касается опровержений. В мире нет учения [ма+хаб], которое бы не опровергалось, нет ученого, который не подвергался бы хуле и поношениям. Естественно, слова Ибн Каййима тоже опровергали. Есть сотни томов книг, ругающих Абу Ханифу, опровергающих его учение. Опровержение слов Ибн Каййима тоже существует, однако оно написано не его современником, равным ему по уровню знаний, а Ибн Хаджаром ал-Макки, уровень которого существенно ниже Ибн Каййима. Опровержения Ибн Хаджара ал-Макки тоже в свою очередь опровергались. Приводя слова

Ибн Каййимма, мы не ставили целью объявить некую истину, не терпящую возражений, мы просто хотели показать, что мысли, высказанные Мусой-эфенди, не какое-то новое явление. Отличается ли эта проблема от преподаваемых веками шакирдам вопросов подобных такому: «Возлагает ли Аллах на человека сверх его возможностей?» Если есть разница, то в чем именно она заключена? Некоторые ученые передают от имама Тахави слова следующего содержания: «Среди мусульман есть два мнения относительно ада. Первое: Аллах, после того как он освободит всех обитателей ада, разрушит его. Второе: они будут бесконечно мучиться. Все остальные мнения, кроме этих двух, неразумны».

Всеобщность божественной милости не ведет к падению норм шариата, забвению постановлений Корана, и даже к изменению хотя бы одной буквы религиозных законов.

Если бы статья Мусы-эфенди касалась исключительно религии и вероубеждения, мы не предоставили бы ей места в «Шуре». Таким образом, мы не стали бы причиной шума, который подняли несчастные жалкие люди, не знакомые с наследием ислама. Однако эта проблема, которая касалась только вопросов вероубеждения, сегодня или завтра станет общественной, и возможно станет актуальной для всего исламского мира. Российские мусульмане должны понять это раньше всех и приготовить все пути, чтобы не увязнуть в болоте. Лет пятнадцать тому назад некоторые хазраты заявляли: «Изучение русского языка [обучение на русском языке] противоречит шариату!». Позже те же хазраты отдали своих детей в гимназии и реальные училища. Как бы ни пришлось людям, лающим сегодня на тех, кто поднимает эту проблему, через 10 – 20 лет самим надеть этот хомут и тянуть ношу подобных призывов и заявлений. Таким образом, ошибается ли тот, кто поднимает эту проблему сегодня? Ведь эта проблема еще толком не возникла, и всем понятно, что ошибаются те, кто, не разобравшись, стал пугать народ, клеветать и разносить сплетни. Испугать народ, а потом искать у него убежища и утешения – это никогда ни к чему

хорошему не приводит. Ученые прошлого испытывали обиды, вред и ущерб со стороны простого народа, и это происходило, потому что они говорили нечто новое, неведомое простолюдинам до этого.

Тот, кто дружен с историческими книгами, ясно представляет себе эту проблему. Они [простой народ] даже пророкам противостояли со словами:

وَمَا سَمِعْنَا بِهَذَا فِي آبَائِنَا الْأَوَّلِينَ

«Мы не слышали о подобном от наших праотцев» (23:24; 28:36).

И Абу Ханифу в свое время обвиняли в том, что он порождает некие волнения среди народа. Даже очень близкий к нему имам Малик, опасаясь нападения толпы, говорил: «Абу Ханифа, лучше выйти на мусульман с мечом, чем говорить такие слова». Однако сын Адама сто раз пожертвует собой, претерпит тысячи различных жизненных страданий и мучений, но не принесет ни одну свою мысль в жертву толпе.

Нет нужды говорить, что вся ответственность за слова из «Путь душ в обитель радости» лежит на Ибн Каййиме.

Пока это был весь мой ответ вам и все слова, которые я хотел предложить вашему вниманию. Принимаете вы их или нет – ваш выбор.

سَلَامٌ عَلَيْكُمْ لَا تَبْتَغِي الْجَاهِلِينَ

«Мир вам. Мы не желаем быть с невеждами, следовать их путем» (28:55).

Р. Фахраддин. Проблема божественного милосердия // Исламская мысль: традиция и современность. – Вып. 1. – М., 2016.

Список использованной литературы

1. Абдуллин, Я.Г. Джадидизм среди татар: возникновение, развитие и историческое место. Казань: Татар, кн. изд-во, 1998. – С. 3-35.
2. Азаматов, Д.М., Мазов, Н.Ю. Система образования в трансформирующемся обществе: проблемы, противоречия, перспективы: Монография. Уфа: РИО Баш ГУ, 2004. – 115 с.
3. Азаматов, Д.М., Шакуров, Р.З. Общественно-политические и философские взгляды башкирских просветителей // Агидель. – 1980. – № 2.
4. Акмулла М. Стихотворения / Пер. с башкир. М. Гафурова, Г. Шафикова, Д. Даминова Уфа: Китап, 2006. – 192 с.
5. Алгар, Х. Шейх Зайнулла Расулев // Ватандаш. 1998. – № 8. – С. 131.
6. Аляутдинов, Ш. Ислам в вопросах и ответах. М.: «Изд-во АСТ», 2006. – 400 с.
7. Амирханов, Р.У. Из истории освободительного движения шакирдов медресе «Мухаммадия» в начале XX века // Тез. докл. III науч. конф. молодых ученых. – Каз. филиал ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. – 1974. – 49 с.
8. Амирханов, Р.У. Татарская дореволюционная пресса (в контексте «Восток Запад»). – Казань: Татар, кн. изд-во, 2002. – 240 с.
9. Бабич Шайхзада. Избранное. – Казань: Татар, кн. изд-во, 1958. – 156 с.
10. Бабич Ш. Весенняя песнь: стихи, проза // Уфа, Китап, 2015. – С. 80 – 84.
11. Батыев, С.Г. Татарский джадидизм и его эволюция // История СССР. – 1964. – № 4. – 53-55.
12. 3. Башкиры. – М. Голос-Пресс, 2003. С. 511-512.
13. Бигиев, Муса. Мой взгляд на исламский шариат // Иль (Страна). – 1913. – № 3.
14. Бигиев М. История Корана и его сводов / Муса Бигиев; пер. с арабского под общ. ред. Д.В. Мухетдинова – М.: ИД «Медина», 2016 – С. 18-23.
15. Бигиев М. Мой взгляд на исламский Шариат // Наследие Муса Джаруллаха Бигиева. Сборник документов и материалов. Ч.II. – Казань: Иман, 2000. – С.78-90.
16. Бигиев М. Почему Запад прогрессировал, а мир Ислама пришел в упадок? // Наследие Муса Джаруллаха Бигиева. Сборник документов и материалов. Ч.II. – Казань: Иман, 2000. – С.70 – 78.
17. Бигиев, М. Избранные труды в двух томах. Том 1. Антология татарской богословской мысли. – Казань, 2005.
18. Векторы толерантности: религия и образование / Под ред. докт. истор. наук. Набиева Р. А. Казань: Магариф, 2006. – 240 с.
19. Вильданов, А.Х., Кунафин, Г.С. Башкирские просветители-демократы XIX века. М: Наука, 1981. – 256 с.
20. Габаши Хасангата. Подробная история тюркского народа // Мирас (Наследие). 1994. – № 3. – С. 106-113.

21. Гайнуллин, М.Ф. Просветительское движение среди татар // Советская литература. 1962. – № 8. – С. 104.
22. Гаспринский, Исмаил. Историко-документальный сборник / С. Рахимов. – Казань: Жыен, 2006. – 544 с.
23. Гаспринский И. Историко-документальный сборник. Казань, 2006.
24. Гафури, Мажит. Сочинения: В 4-х томах. – Казань: Татар, кн. изд-во, 1980 – 1982.
25. Гафури М. Избранное / Сост. Л.М. Камаева. – Уфа: Китап, 2008. – 320 с.
26. Гаяз Исхаки. Вырождение двести лет спустя. Издательская группа Булгар Иле; Москва; 2004.
27. Губайдуллин, Г. К вопросу об идеологии Гаспринского // Гасырлар авазы (Эхо веков). Казань, 1998. – № 3/4. – С. 101.
28. Заки Валиди Тоган Воспоминания: Книга 1. – Уфа: Башкирское издательство Китап, 1994. – 400 с.
29. Исхаков, Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. – Казань, 1997. – С. 12.
30. Исхаков, Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань, 1997. – С. 16.
31. Калимуллин Р.Х. Модернизированный джадидизм в России: монография [Текст]. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. – 126 с.
32. Камали, З.Д. Философия ислама в 2 т. /Зыяитдин Камали. Т. 1.: Часть 1. Философия вероубеждения/ пер., вступ. слово, примечание и комментарии Л. Алмазовой. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2010. – 319 с.
33. Кратко о реформаторских взглядах Бигиева см.: Юзеев А. Н. Религиозно-реформаторские взгляды Мусы Биги // Исламская мысль: традиция и современность. Религиозно-философский ежегодник. Вып. 1. – М.: ИД «Медина», 2016.
34. Кунанбаев Абай. Слова назидания http://bourabai.ru/articles/black_word.htm
35. Левин, З.И. Реформа в исламе: быть или не быть? – М.: Институт востоковедения РАН, Изд-во "Крафт+", 2005. – 232 с.
36. Марджани Ш. Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи / предисл. и пер. с араб. Д. Шагавиева. – Казань: Татар, кн. изд-во, 2008.– 479 с.
37. Махмутова, А.Х. Становление светского образования у татар. – Казань, 1982.
38. Михайлова, С.М. Формирование и развитие просветительской мысли среди татар Поволжья. Казань: Изд-во КГУ, 1972.
39. Мусина, Р. Ислам и мусульмане в современном Татарстане: Материалы Международного симпозиума (Казань, 29 апреля-1 мая 1996 г.). – Казань, 1997. – С. 212, 213.
40. Мухетдинов, Д.В. О перспективах развития исламского образования в России. Векторы толерантности: религия и образование. Казань: «Магариф», 2006. – С. 82 – 88.

41. Нафигов, Р.И. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли: Очерк истории 1855 –1917 гг. Казань, 1964.– 50 с.
42. Очерки истории татарской общественной мысли / Под ред. канд. филос. наук Р. М. Амирханова. Казань: Татар, кн. изд-во, 2000. – 191 с.
43. Очерки Марджани о восточных народах / Перевод А. Н. Юзеева – Казань, 2003.– 176 с.
44. Рыбаков С. Статистика мусульман в России // Мир ислама, 1913. Т. 2. Вып. 11. С. 762.
45. Тукай Г. Избранное: В 2-х т. Казань: Татар, кн. изд-во, 1960. – Т. 1. – С. 23.
46. Тукай Г. Избранное. – Татарское книжное издательство. – Казань, 1969. – С. 420.
47. Усманов, М.А. 100-летний юбилей журнала «Шура» (Совет). Несмеркнущее зеркало истории // Огни Казани. – 2008. – № 1. С. 152.
48. Утябай-Карими, Р. Медресе «Галия» // Ватандаш. – 1996.– № 2.
49. Фархшатов, М. Медресе «Усмания» // Ватандаш. – 1998. – № 2.
50. Фасеев, К.Ф. Из истории татарской передовой общественной мысли. – Казань, 1955. – С. 14.
51. Фахретдинов, Ризаитдин. Асар (Памятки). Казань: Рухият, 2006. – Том 1. – 360 с.
52. Фахретдинов, Ризаитдин. Ахмедхан // Шура (Совет). 1908. – № 9. – С. 257 – 263.
53. Фахретдинов, Ризаитдин. Ислам – какая религия? // Мирас (Наследие). 1992. – № 2. – С. 68.
54. Фахретдинов Р. Проблема божественного милосердия // Исламская мысль: традиция и современность. Вып. 1. М., 2016.
55. Фахретдинов, Ризаитдин. Комментарий на сборники изречений (Пророка Магомета). Казань, 2002. – С. 76, 470.
56. Фахретдинов, Ризаитдин: наследие и современность. Материалы научной конференции. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. – 332 с.
57. Фахретдинов, Ризаитдин. Научно-биографический сборник. – Казань: Рухият, 1999. – 224 с.
58. Фахретдинов, Ризаэтдин. Религиозные и общественные вопросы. - Оренбург, 1914.
59. Философская мысль в Башкортостане. – Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. – С. 62-65.
60. Хазиев В.С., Якупов М.Т. Ислам: история идеологии и практики: учебное пособие. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2017. – 152 с.
61. Халитов, Г.М. Дооктябрьская творческая эволюция Мажита Гафури. – Казань, 1947.
62. Хайрутдинов А. Муса Бигиев об абсолютности Божьей милости. – Казань: Иман, 1998. – 40 с.

63. Хайрутдинов А. Последний татарский богослов. Жизнь и наследие Мусы Джаруллаха Бигиева. – Казань: Иман, 1999. – 139 с.
64. Хайрутдинов А.Г. Муса Джаруллах Бигиев. – Казань: Издательство «Фэн» Академии наук РТ, 2005. – 180 с.
65. Хакимов, Р.С. Джадидизм (реформированный ислам). – Казань: Институт истории АН РТ, 2010. – 208 с.
66. Харисов, А.И. Литературное наследие башкирского народа: Автореферат на соис. уч. степени докт. филол. наук. Уфа-Алма-Ата, 1966. – С. 89.
67. Шаймиев, М.Ш. Джадидизмом – по ваххабизму! // Аргументы и факты. 2004. – № 46.
68. Шакуров, Р.З. Звезда поэзии. Башкирский поэт-просветитель Мифтахетдин Акмулла. Уфа: Китап, 2006. – 200 с.
69. Шараф, Галимджан. Джадидское движение и его место в истории мусульманской культуры // Мирас (Наследие). 1999. – № 9. – С. 43 – 45.
70. Шейх Зайнулла Расулев. Божественные истины. Избранное / Пер. с араб./ Сост., коммент. и перевод И. Р. Насырова. Уфа: Китап, 2008. – 240 с.
71. Якупов, В. Ханафитский мазхаб, его значение и актуальность. – Казань, 2004.

А.Н. Арсланов

**Мировоззренческие взгляды религиозных реформаторов ислама
конца XIX нач. XX в.в.**

ХРЕСТОМАТИЯ

Лиц. на издат. деят. Б848421 от 03.11.2000 г. Подписано в печать 18.03.2018.

Формат 60X84/16. Компьютерный набор. Гарнитура Times.

Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. – 9,2. Уч.-изд. л. – 9,0.

Тираж 100 экз. Заказ №

ИПК БГПУ 450000, г.Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а